

ОТ ПРИЗНАННОЙ КОРОЛЕВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА,
АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»!

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ

ГЕНРИХ VIII
И ШЕСТЬ ЕГО ЖЕН

АВТОБИОГРАФИЯ ГЕНРИХА VIII

С КОММЕНТАРИЯМИ ЕГО ШУТА УИЛЛА СОМЕРСА

The Big Book

Маргарет Джордж

**Генрих VIII и шесть его жен.
Автобиография Генриха
VIII с комментариями
его шута Уилла Сомерса**

«Азбука-Аттикус»

1986

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джордж М.

Генрих VIII и шесть его жен. Автобиография Генриха VIII с комментариями его шута Уилла Сомерса / М. Джордж — «Азбука-Аттикус», 1986 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-24697-3

О могущественном и эгоистичном Генрихе VIII написано много: он рассорился с папой римским и создал собственную церковь, женился на шести женщинах и двух жен отправил на эшафот, казнил своего друга, разграбил монастыри, мечтал о сыне, пренебрегая своими дочерьми, потворствовал своему чревоугодию и в конце концов сошел в могилу, побежденный тяжким недугом. Однако в своем великолепном и монументальном романе Маргарет Джордж представляет нам историю Генриха VIII такой, какую он сам мог бы рассказать в мемуарах, дополненных дерзкими комментариями его шута и доверенного лица Уилла Сомерса. Блестяще сочетая исторические факты и художественное повествование, обладая тонким пониманием преимуществ и опасностей власти, автор показывает нам знаменитого монарха во всех его человеческих проявлениях – грозным и жалким, любящим и жестоким, щедрым и несправедливым.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24697-3

© Джордж М., 1986
© Азбука-Аттикус, 1986

Содержание

Пролог	6
Уильям Сомерс – Кэтрин Кэри Ноллис	6
Кэтрин Кэри Ноллис – Уильяму Сомерсу	9
Уилл Сомерс – Кэтрин Ноллис	11
Кэтрин Ноллис – Уиллу Сомерсу	12
Уилл Сомерс – Кэтрин Ноллис	13
Кэтрин Ноллис – Уиллу Сомерсу	14
Уилл Сомерс – Кэтрин Ноллис	15
Дневник Генриха VIII	17
1	17
2	21
3	28
4	38
5	46
6	49
7	55
8	58
9	66
10	71
11	75
12	83
13	96
14	99
15	101
16	107
17	112
18	114
19	126
20	132
21	137
22	145
23	150
24	155
25	161
26	165
27	168
28	176
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Маргарет Джордж Генрих VIII и шесть его жен. Автобиография Генриха VIII с комментариями его шута Уилла Сомерса

Посвящается Элисон и Полу

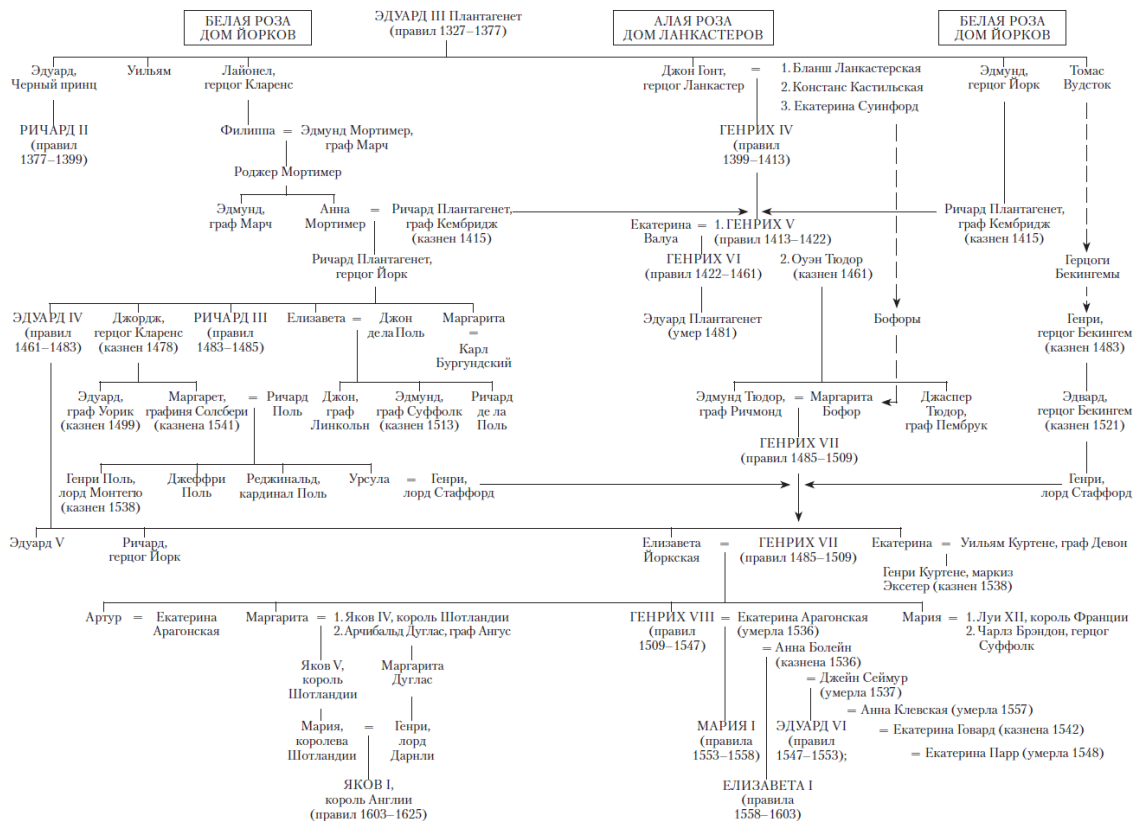
Margaret George
THE AUTOBIOGRAPHY OF HENRY VIII: WITH NOTES BY HIS FOOL, WILL SOMERS

Copyright © 1986 by Margaret George
All rights reserved

© М. Ю. Юркан, перевод, 2012

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Пролог

Уильям Сомерс – Кэтрин Кэри Ноллис

Кент, Англия. 10 апреля 1557 года

Дорогая Кэтрин.

Я умираю. Вернее, близится мой смертный час – тут есть легкая (хоть и неутешительная) разница. А именно: умирающий уже не может писать письма, в то время как осознающий неизбежность скорой своей кончины еще способен взяться за перо. Что и доказывает сие послание. Милая Кэтрин, не спешите возмущаться и протестовать. Мы давненько не виделись (сколько уж лет минуло с тех пор, как вы отправились в изгнание в Базель). Сейчас вы не узнали бы вашего старого знакомого. Я и сам-то нынче с трудом узнаю себя, когда опрометчиво разглядываю собственное отражение, – подтверждая сим, что суетность живет в нас едва ли не до последнего вздоха. Себялюбие мы обретаем чуть не с колыбели и не расстаемся с ним до гробовой доски. И вот я, успешно и прибыльно для себя высмеивавший перед государем кичливых придворных, нынче сам поддался известному людскому пороку и пялюсь в зеркало тщеславия. И на меня оттуда таращится незнакомый старикан бесспорно непривлекательной наружности.

Но мне ведь стукнуло четверть века, когда ныне покойный король Гарри (тогда еще в расцвете молодости) приблизил меня к себе. А минуло уж десять лет с тех пор, как он покинул сей мир, и именно последние дни его пребывания на земле подвигли меня на сие письмо. Позвольте перейти прямо к делу. Вам известно, что я никогда не отличался чрезмерной чувствительностью. (По-моему, как раз эта черта и нравилась Гарри во мне более всего, поскольку сам он являлся образцом неисправимой сентиментальности.) Мне хочется передать вам небольшое наследство от вашего отца. Я знал его достаточно хорошо, даже лучше, чем вы сами. Он был замечательным человеком, и, полагаю, его крайне не хватает даже прежним его недругам.

Что до меня, то я мирно живу в кентской деревушке. Она находится достаточно далеко от Лондона, и это в некоторой степени защищает меня от ложных обвинений, однако расстояние до столицы не столь велико, чтобы я не услышал о наветах против иных придворных особ. В Смитфилде запыхлали очередные очистительные костры, вероятно, до вас уже дошли сведения о том, что там подожарили Кранмера, Ридли и Латимера¹. Как же Мария, должно быть, ненавидела Кранмера! Припомните те времена, когда ей приходилось торчать рядом с ним на религиозных церемониях, особенно на таких, к примеру, как... крещение Эдуарда, где ее буквально вынудили нести Святые Дары! Любезный Кранмер – уступчивый духовный наставник Генриха. Если и был в нашем кругу сомнительный кандидат для мученичества, так это именно он. Мне раньше казалось, что сей смиренный начисто лишен совести. Теперь я понимаю, как ошибался. Известно ли вам, что сначала он в своей типичной манере отрекся от протестантизма, а потом – о чудо! – от своего же отречения? Это могло бы показаться забавным, если бы не смертоносные последствия.

Но как же удачно, что вы и сторонники ваших... убеждений заранее почувляли дым костров и благоразумно убрались из Англии подальше. Я задам вам вопрос, понимая, что вы не сможете ответить на него, да еще в письме, если надеетесь когда-нибудь вернуться на родину. А именно: насколько вы сочувствуете протестантскому вероучению? Вам известно, что покой-

¹ Томас Кранмер (1489–1556), Николас Ридли (ок. 1500–1555), Хью Латимер (ок. 1487–1555) – известные деятели английской Реформации. После восстановления католицизма при Марии Тюдор сожжены как еретики. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ный король никогда не числил себя приверженцем этой доктрины и оставался убежденным католиком, хотя поссорился с папой, отказавшись признать верховную власть Рима. Ловкий ход, впрочем у Гарри были свои причуды. В дальнейшем сын его, Эдуард, почтительный юный ханжа, стал протестантом. Но не таким иступленным, как анабаптисты. А вы одобряете их крайние взгляды? Если одобряете, то в Англии вас не поймут, разве что Елизавета сядет на трон и тогда соизволит пригласить вас ко двору. Вам лучше осознать это и не тешить себя напрасными надеждами. Однако придет время, и вы снова ступите на британскую землю, если не будете поддерживать анабаптистов или прочих неумеренных еретиков.

Англия никогда больше не вернется к старому католицизму. Королева Мария с присущей ей испанской одержимостью позаботилась об этом, устроив кровавые преследования во имя «истинной веры». Гарри в свое время карал лишь изменников короны. Поскольку, подписав присягу верности Тюдорам, вы можете верить во все, что пожелаете, конечно не забывая о приличиях и не выказывая излишнего сочувствия тем или иным мятежникам. Томаса Мора обезглавили не за преданность католической вере (хотя католикам хотелось убедить людей в том, что он стал святым мучеником, и они вполне преуспели), а за отказ присягнуть на верность королевской династии. Все его домочадцы подписали присягу. А Мор геройствовал, жаждал мученичества и... утолил в итоге свою жажду. В сущности, он вынудил короля казнить его. Добился, с позволения сказать, небесного венца, коего желал так же страстно, как Генрих Анну Болейн. Гарри обманулся, вообразив совершенство объекта своего возжеления; будем надеяться, что Мор не разочаровался подобным образом, достигнув желаемого.

Я забылся. Не следовало столь откровенно высказываться перед вами. Вы ведь уповаете на защиту Обителя горней... Все верующие одинаковы. Они заняты поисками... Как бийш назвал Мор свой роман?... Поисками Утопии. А это, знаете ли, в переводе с греческого означает «несуществующее место».

Как уже упоминалось, теперь я тихо живу в Кенте в доме моей сестры вместе с племянницей и ее мужем. У них здесь небольшой особняк, а Эдвард служит – не уверен, стоило ли это писать, – могильщиком и занимается резьбой по камню, изготавливая надгробные памятники. И занятие сие прилично оплачивается. (Ничуть не хуже, чем мои каламбуры.) Кроме того, как все нормальные люди, он успевает возделывать свой сад (в прошлом году у нас цвели замечательные розы), играть с детьми и любит вкусно поесть. Глядя на него, совершенно не скажешь, что ему приходится иметь дело... с теми, кто обрел вечный покой. Одно удивляет: как он смиряется с такой судьбой? Впрочем, по-моему, шутовское ремесло равно связано со смертью. Во всяком случае, оно так же позволяет скрыть ее гнилостный запах.

Я прибыл в Кент еще до коронации Эдуарда. Наш юный король и его благочестивые советники не нуждались в шуте, и я мог плыть куда угодно, словно парусник по ветру. При дворе королевы Марии шутки тоже считаются неуместными.

Помните ли вы, Кэтрин, то лето в Хевер-кастле, когда мы собирались там все вместе во главе с королем? Вас и вашего брата Генри привезли тогда в эту резиденцию Болейнов в гости к бабушке и дедушке. В летнюю пору Хевер поистине великолепен – пышная зелень, приятная прохлада. А мускусные розы в его садах почитались лучшими во всей Англии. (Вы, часом, не припомните имя садовника вашей родни? Я проживаю недалеко и надеюсь, что он смог бы помочь мне кое-какими советами... ежели пребывает еще в добром здравии.) Какой чудесной была дорога из Лондона до Хевера! Мы ехали верхом. Король обычно останавливался на холме, с которого открывался вид на замок, и оглашал окрестности пенем своего охотничьего рожка. И вы, услышав эти желанные звуки, бежали ему навстречу. Он всегда привозил вам подарки. Вы ведь первая внучка Болейнов.

А что выделял ваш дядюшка Джордж! Помните? Он изо всех сил старался выгладеть благородным рыцарем и с упорством готовился к турнирным состязаниям: скакал на лошади, вырядившись в тяжеленные рыцарские доспехи, и то и дело натыкался на деревья.

Помимо прочего его угораздило влюбиться в одну слезливую красотку из «Белого оленя». Помоему, ее благосклонностью пользовались все завсегдатаи этой таверны, за исключением бедняги Джорджа. Она с видом знатока пыталась остановить поток его сонетов, в коих он восхвалял ее непорочность и красоту, хотя с удовольствием посмеивалась над его пылкостью.

Разумеется, в родовые владения наезжали и ваша матушка Мария с супругом. Я неизменно считал, что она с легкостью затмила бы свою сестру Анну красотой. Правда, природа одарила их по-разному. Мария походила на ясное солнышко, а ее сестра – на таинственную полночную луну.

Все мы наслаждались тем дивным летом, не подозревая, что грядут ужасные перемены. Счастливей сезон, увы, быстро закончился, оставив в памяти лишь восхитительные воспоминания, возвышающиеся над неприятной и слякотной равниной бральной жизни.

Я путано излагаю свои мысли. Нет, хуже того, я становлюсь романтичным и сентиментальным, хотя всегда считал недостойными и даже презирал эти людские качества. Итак, вернемся к главному: к наследству. Посоветуйте, как безопасно передать его в ваши руки через Английский канал. К сожалению, размеры сего имущества весьма неудобны: оно слишком велико и его невозможно скрытно перевезти за пазухой, но недостаточно большое, чтобы его ценность послужила надежной защитой от роковых превратностей судьбы. По сути, причины его гибели могут быть самыми простыми – море, огонь, воздух или даже людская небрежность.

Я прошу вас не медлить с ответом. Безусловно, в отличие от вас и ваших сторонников я не спешу лично познать божественный образ и нрав моего Создателя, но боюсь, что уже в ближайшем будущем мне окажут честь, пригласив на небесное собеседование. Бог, как известно, бывает прихотлив в своих привязанностях.

С неизменной преданностью,

ваш Уилл Сомерс.

Кэтрин Кэри Ноллис – Уильяму Сомерсу

Базель. 11 июня 1557 года

Мой дорогой Уилл!

Прошу прощения за то, что вам так долго пришлось ждать ответа. В нынешние времена мало осталось курьеров, способных открыто доставить корреспонденцию из Англии к нам в изгнание, – об этом позаботилась королева. Однако, при всем доверии к избранному посланнику, я надеюсь, что, прочитав письмо, из благоразумной осторожности вы сразу уничтожите его.

Мне печально слышать о вашем пошатнувшемся здоровье. Но вы, любимый шут короля Генриха, бывали склонны к преувеличениям в своих высказываниях, и я молю Господа, чтобы ваше сообщение оказалось всего лишь очередным примером шутовского искусства. Мы с Фрэнсисом молимся за вас ежедневно. Наши богослужения не имеют никакого отношения к презренному идолопоклонничеству, которое попросту пародирует божественные обряды, мы лишь возносим Всевышнему наши личные молитвы (о, если бы королева могла это увидеть!). Здесь, в Базеле, мы ведем праведную жизнь. У нас достаточно одежды, чтобы не мерзнуть, достаточно пищи, чтобы поддерживать свои силы, не боясь разжиреть от чревоугодия, ибо таковое оскорбительно для Господа, ведь множество Его созданий прозябают в нужде, терпят голод и холод. Однако у нас осталось главное богатство – свобода следовать голосу совести. В Англии вас лишили такого блага. Паписты уничтожили его. Мы просим у Бога, чтобы бремя этого тиранства сняли с ваших плеч и явился новый Моисей, дабы вывести вас из духовного рабства.

Но о каком наследстве вы упомянули? Я заинтригована. Мой батюшка скончался в 1528 году, когда мне сравнялось всего шесть. Почему же вы ждали почти тридцать лет, чтобы передать мне семейные реликвии? Разве могло быть в них нечто непристойное или изменническое? Меня также озадачило одно ваше выражение. Вы упомянули о врагах отца. Но у него не было врагов. Уильям Кэри считался верным другом короля и благородным человеком. Я знаю это не только от моей матушки. Отца ценили при дворе, и многих огорчила его безвременная кончина от чумы. Я благодарна, что вы все-таки вспомнили обо мне, но если бы его наследство обнаружилось раньше... Нет-нет, я не виню вас. Тем не менее я сумела бы понять батюшку и прежде. Хорошо, когда дети понимают родителей до того, как сами становятся взрослыми.

Конечно, я помню то лето в Хевере. И дядюшку Джорджа, и вас, и короля. В детстве мне казалось, что он ангельски красив. Безусловно, он отличался прекрасным телосложением (не замешан ли тут сам дьявол?) и, должна признать, величественной наружностью. Не все государи так щедро одарены; Эдуарду определенно недоставало представительности, не говоря уже о нынешней королеве...

К сожалению, придется признать, что я запомнила имя садовника. Возможно, оно начинается на букву Д... Зато сад, что раскинулся за рвом, так и стоит у меня перед глазами. Роскошные клумбы украшали склоны, и благодаря заботам того безымянного садовника цветение в саду продолжалось с середины марта до середины ноября. Всех поражало такое изобилие цветов. Весь наш небольшой хеверский манор² был уставлен многочисленными вазами, в которых красовались букеты. Странно, что вы решили напомнить мне о мускусных розах; я в детстве больше любила штокрозы с большими тяжелыми головками.

Ваше известие о Кранмере также опечалило меня. Все-таки мы с ним придерживались одних взглядов. Я тоже полагала, что ему пришлось играть роль пешки в игре власть имущих. Уверена, что он удостоился венца и «счастлив на небесах» (как говорил заблудший страдалец

² Манор – феодальная вотчина в средневековой Англии.

Томас Мор). Мор, возможно, пребывает там же, причем вопреки своей ошибочной верности. Если бы он держал паруса по ветру, то прожил бы гораздо дольше и, без сомнения, примкнул бы к тем, кто осудил Кранмера. Мор был злейшим врагом любого инакомыслия и поэтому не пользовался нашим уважением. Его кончина лишь уменьшила число наших преследователей. Да, их осталось еще много, но время благосклонно к нам, и с каждым годом наши ряды неуклонно крепнут и растут.

Вам, приверженцу старых традиций, трудно понять нас, тем более что вашим девизом всегда была осторожность. Однако, как говорил Гамалиил, фарисейский законник, в отношении преследования первых христиан, «...если это предприятие и это дело – от человека, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками». Так сказано в пятой главе Деяний. Если у вас нет под рукой перевода Писания (полагаю, королева приказала уничтожить священные тексты), то я могу устроить для вас пересылку одного экземпляра. Один наш верный друг ведет дела в Лондоне, и он сумеет позаботиться о безопасной переправе. Мой курьер сообщит вам его имя, и мы обменяемся посылками. Хотя, думаю, каким бы ни оказалось наследство, оно не может быть более ценным, чем Писание.

Вечно преданная вам христианка,

Кэтрин Кэри Ноллис.

Уилл Сомерс – Кэтрин Ноллис

Кент. 21 июля 1557 года

Милая Кэтрин.

Ваши молитвы, должно быть, возымели целительное действие, ибо силы мои начали восстанавливаться. Господь, очевидно, отложил нашу встречу до более удобной нам обоим поры. Как вы понимаете, я избегаю общения и с лекарями, и со священниками. Последние сорок лет я не обращался за помощью ни к тем, ни к другим. И полагаю, что прожил так долго именно благодаря моему своеобразному и избирательному затворничеству. Мне никогда не пускали кровь, никто не натирал меня жемчужной мазью (которой столь неумеренно пользовался Гарри), и меня не волновало, в какие одеяния облачаются нынешние первосвященники. Я ни в коей мере не хочу обижать вас, Кэтрин. Но верю я лишь в быстротечность всего сущего. Формы религии также преходящи. Совсем недавно непреложными считались пять месс в день – да и Гарри ревностно исполнял их! – и паломничества к Уолсингемскому святилищу Девы Марии; потом начались библейские искания и проповеди; теперь вновь возобладали мессы, да вдобавок запылали костры. А что будет потом, кто знает? Пожалуйста, молитесь тому эженевскому богу, которого создало ваше воображение. Пока он имеет могущество. Возможно, есть нечто запредельное, более возвышенное, чем обычные виды поклонения. Но что именно, мне неизвестно. Мое дело неизменно востребовано, и цель его – попросту отвлекать людское внимание от перемен, утрат и крушений, пока на заднем плане меняются декорации.

Кэтрин, умоляю, не присылайте мне Писание или его переводы. Мне они совершенно не нужны, и я не желаю держать их у себя. Неужели вы не понимаете, в какое опасное положение меня это поставит? Причем такой риск ничем не будет оправдан. Мне приходилось читать эти книги (в действительности пришлось серьезно поразмыслить над ними, дабы со знанием дела подшучивать над Гарри на людях и в личных беседах, когда Кранмер или последняя супруга короля не могли выкроить время для споров с Генрихом на его излюбленную теологическую тему). Я остался необращенным по причине полной незаинтересованности в обращении. А учитывая, как трудно нынче найти и тайно провезти подобные сочинения, я надеюсь, что ваши усилия будут вознаграждены, если вы отдадите сии дары достойному восприемнику.

Тем не менее мне необходимо переговорить с вашим человеком о пересылке наследства. Пора покончить с таинственностью и объясниться. То, о чем идет речь, – дневник. Его написал ваш отец. Сей труд необычайно ценен, и многим хотелось бы уничтожить его. Уже стало известно о его существовании, но до сих пор деятельность заинтересованных особ ограничивалась расспросами герцога Норфолка, оставшихся в живых Сеймуров и даже лорда Клинтона, овдовевшего после кончины Бесси Блаунт. Рано или поздно шпайки разноухают, что следы ведут ко мне в Кент.

Итак, осталось открыть вам последнюю тайну. Этот дневник вел не Уильям Кэри, не предполагаемый ваш отец, а настоящий. Король.

Кэтрин Ноллис – Уиллу Сомерсу

Базель. 30 сентября 1557 года

Уилл, король не мог быть моим отцом. Как смеете вы оскорблять моих мать и отца и меня саму! Чье давнее прошлое вы разворошили, чтобы выкопать столь гнусную ложь? А я-то считала вас своим другом! Я не желаю видеть этот дневник. Оставьте его при себе со всеми вашими низкими и отвратительными домыслами! Неудивительно, что король приблизил вас к себе. Вы оба родственные души: вульгарные натуры, склонные к подлым обманам. Христос учил нас прощать, но также говорил, что, выходя из дома или города, заполненного лжецами, язычниками и прочими грешниками, следует отрясти прах от ног своих³. Именно так и должна я отряхнуться.

³ Пересказываются слова Евангелия от Матфея, 10: 14.

Уилл Сомерс – Кэтрин Ноллис

Кент. 14 ноября 1557 года

Кэтрин, дорогая!

Удержитесь, прошу вас, от желания порвать это письмо на кусочки, даже не прочитав его. Я не виню вас за вспышку негодования. Она характеризует вас с прекрасной стороны. Парадигма возмущенной чувствительной души, моральных принципов и всего прочего. (Достойная, поистине, покойного короля! Ах, какие воспоминания вы вернули к жизни!) Но все-таки сами себе признайтесь в том, что ваш отец – Генрих Тюдор. Этим знанием вы обладали всегда. Вы упомянули об оскорблении вашего отца. Желаете ли вы так же поступить с королем, отказавшись признать его реальность? Вероятно, его главная добродетель (да, миледи, он обладал добродетелями) и высший дар заключались в умении принять действительность, вне зависимости от того, каковой она представлялась общему мнению. Разве вы не унаследовали этот дар? Или хотите уподобиться вашей единокровной сестре, королеве Марии (я тоже сожалею о вашем родстве с ней), ослепленной страстями и плачевно неспособной различить даже то, что маячит прямо перед ее слабыми глазами? У вашей другой сводной сестры, Елизаветы, иная натура, как и у вас, я полагаю. На мой взгляд, именно смешение кровей Болейнов и Тюдоров дает единственно четкое и ясное видение, не омраченное испанской чепухой. Но я прихожу к выводу, что заблуждался. Вы так же несправедливы, глупы и исполнены религиозной желчи, как нынешняя испанская королева. Следовательно, король Генри сгинул безвозвратно. И об этом позаботились его долгожданные дети.

Кэтрин Ноллис – Уиллу Сомерсу

Базель. 5 января 1558 года

Уилл!

Ваши оскорбления требуют ответа. Вы заявляете, что я без малейшего почтения отношусь к памяти моего настоящего отца. Но если в моих жилах и вправду течет его кровь, то разве сам он не нанес мне тяжкую обиду, не признав своей дочерью? (В отличие от Генри Фицроя, отпрыска блудницы Бесси Блаунт, которому был пожалован титул герцога Ричмонда.) Почему же тогда я должна признавать или уважать его? Сначала он соблазнил мою мать еще до ее замужества, а впоследствии – если верить вашим словам – продолжал наставлять рога ее законному супругу. Такое поведение заслуживает осуждения. Он всю жизнь грешил и сеял на пути своем лишь ужас и страх. Единственное его благое деяние и то было порождено грешными помыслами, ибо причиной разрыва с папой стало возжелание Генриха к моей тетушке Анне Болейн. (Так Владыка Небесный использует для своих целей даже грешников. Но сие есть заслуга Всевышнего, а не покойного монарха.) Я презираю короля и его воспоминания! Что касается моей кузины, принцессы Елизаветы (ведь для меня она дочь сестры моей матери, и не более), то я молю, чтобы она смогла... Нет, такие мысли слишком опасно доверять бумаге, несмотря на доверие к посыльным и получателям.

Живите, как вам заблагорассудится, Уилл. Я не желаю больше получать от вас письма.

Уилл Сомерс – Кэтрин Ноллис

Кент. 15 марта 1558 года

Кэтрин, призываю вас к терпению. В вашем смятенном письме было много пустого – за исключением одного вопроса, который кажется мне важным. Вы спросили: «...разве сам он не нанес мне тяжкую обиду, не признав своей дочерью?»

Ответ вам известен: Генрих отказался от своих изначальных честных намерений из-за той ведьмы (вновь мне придется оскорбить ваши чувства) Анны Болейн. Она попыталась отравить герцога Ричмонда. Представьте, что ее коварные замыслы обратились бы против вас! Кстати, ваша тетушка не гнушалась колдовством. Как же сильно отличалась от нее ваша матушка! Ее обаяние и привлекательность были врожденными, естественными и такими же чистыми и честными, как и все ее мысли и образ жизни. Из-за них она пострадала там, где преуспела злая ворожея. Честность редко остается безнаказанной, и, как вы знаете, ваша мать не достигла должного положения и благополучия. Король признал бы вас и, вероятно, вашего брата (правда, во втором случае он испытывал меньше уверенности в своем отцовстве), если бы ему не помешала эта колдунья. Она ревновала, ужасно ревновала к вашей доброй родительнице, хотя, Богу известно, сама предоставляла королю множество поводов для ревности: даже всемирное восхищение не удовлетворило бы ведьму, она жаждала поклонения всех придворных льстецов. В конце концов Анна заявила: король, дескать, наградил ее мученическим венцом, лишив мирских почестей. Смех, да и только! Не все казненные являются мучениками. Она пыталась возвыситься до Томаса Бекета и даже до Томаса Мора, но ничего у нее не вышло. Ей не удалось снискать посмертный почет и высшую славу.

Итак, вам следует принять сей дневник. Если у вас не хватит духу примириться с истиной, то сохраните его для вашей... родственницы, принцессы Елизаветы до того времени, когда... Я тоже не смею говорить здесь более откровенно. Это слишком опасно, и ощущение удавки не кажется привлекательным даже для моей дряблой старческой шеи. Сейчас я не могу отдать записки короля в руки принцессы, хотя – и вы явно дали это понять – она могла бы стать более очевидной наследницей. Ее окружают шпионы, за ней постоянно следят. Мария хочет отправить ее обратно в Тауэр и позаботиться о том, чтобы она оттуда никогда не вышла.

Должно быть, вас удивляет, почему королевский дневник попал ко мне. Как вам известно (впрочем, напрасная уверенность: просто нам нравится думать, что наши биографии всем важны, интересны и знакомы), король Генри впервые увидел меня, когда мой хозяин, торговец шерстью из Кале, прибыл во дворец на аудиенцию. Тогда шутство еще не стало моим ремеслом, и я был всего лишь юным подмастерьем, коему разрешили побездельничать на дворцовой галерее. Не имея возможности для более приятных занятий, скажем для сна или винопития, я предавался любимому развлечению: болтовне. Королю довелось услышать ее; остальное, как обычно говорится, уже история (вот только чья?). Он взял меня к себе на службу, выдал колпак с колокольчиками, однако впоследствии нас связали узы гораздо более крепкие, чего я в то время не осознавал. Мы вместе выросли и вместе постарели; но здесь мне следует написать, каким был Гарри в те годы. Солнце вечно слепит нам глаза... да, оно заставило зажмуриться даже меня, циничного Уилла. Мы сроднились, как братья, а когда он лежал на смертном одре в Уайтхолле, я оставался единственным, кто знал его молодым.

Однако я отвлекся. Вернемся к дневнику. Я познакомился с Гарри в 1525 году (незадолго до того, как его околдовала эта ведьма). Тогда он ежедневно пополнял некий журнал черновыми замечаниями. Позднее – уже после унижительного скандала с Екатериной Говард, его пятой, с позволения сказать, королевой, – Гарри, страдая от тяжелой болезни, начал вести личный дневник, дабы убить время и отвлечься от боли в ноге, а также от интриг и козней,

что упорно плели вокруг него. О да, дитя, он понимал, что теряет власть, и видел, что при дворе в ожидании его смерти уже формируются разные партии. Поэтому открыто он разражался бранью, а свои мысли записывал втайне.

Перед кончиной он делал лишь краткие заметки, которые – о неисправимый жизнелюб! – собирался пояснить как-нибудь потом. (Всего за месяц до смерти он заказал для сада фруктовые деревья. Они могли начать плодоносить не раньше чем через десять лет. Какая ирония: мне сообщили, что в прошлом году они наконец зацвели, а Мария приказала оборвать весь цвет. Если уж ей суждено остаться бесплодной, то и королевский сад должен уподобиться королевской особе.) Но пояснений Генрих так и не дал – видно, не пожелал. Я решил приложить к дневнику эти последние заметки наряду с моими собственными замечаниями и комментариями. Сначала я подумывал о том, не следует ли вовсе уничтожить дневник, но когда принялся читать, то мне показалось, будто сам Генри вновь заговорил со мной, и у меня, как обычно, не хватило духу прервать его. Вы понимаете, старые привычки порой сильнее нас... Я полагал, что успел хорошо узнать Гарри, но в этих записках передо мной предстал другой, неизвестный мне человек – и сие наверняка доказывает, что мы порой не знаем даже самих себя.

Да, я начал говорить о том, как попал ко мне этот дневник. Ответ прост: я его украл. Все, что даже отдаленно связано с покойным королем или традициями былых времен, могли уничтожить сначала реформаторы, а теперь паписты. Первые били стекла в церквях, а вторые, судя по слухам, пошли еще дальше в своих зверствах, и я даже опасаясь писать о них. Говорят, приспешники королевы тайно извлекли тело Генриха – ее собственного отца! – из могилы, сожгли его и бросили в Темзу! Поистине чудовищное злодеяние!

Таким образом, дневник является последним земным наследием короля. Неужели вы поступите по чудовищному примеру его преемницы и предадите огню эти бесценные страницы? Если вы не считаете себя кровным отпрыском Генриха (во всяком случае, настаиваете на этом), то станьте для него лучшей дочерью, чем законнорожденная.

Какая смехотворная ситуация. Но смех, в сущности, самое цивилизованное из доступных нам проявлений чувств. Шутки сглаживают острые углы и делают нас более терпимыми. Гарри понимал юмор. Вероятно, я могу подшутить и над собой, преступив границы собственного призвания.

Да пребудет с вами благословение вашего таинственного бога.

Прилагаю к сему письму королевский дневник.

Должен заметить, что Бесси Блаунт не была блудницей.

Уилл

Дневник Генриха VIII

1

Вчера один болван поинтересовался, какое первое событие детства сохранилось в моей памяти, явно ожидая, что я радостно предамся сентиментальным детским воспоминаниям, коими положено наслаждаться чудаковатым старикам. Он страшно удивился, когда я приказал ему убираться вон.

Но его любопытство все-таки причинило известный ущерб: ведь мне не удалось с такой же легкостью отделаться от собственных дум. Перед моим мысленным взором пронеслись картины детства, но какую из них я мог бы назвать самым ранним впечатлением? Так или иначе, никто не назвал бы его приятным. Уж в этом я уверен.

Должно быть, я помню себя лет с шести... Нет, моя сестра Мария родилась, когда мне исполнилось пять. Точно. А годом раньше умерла другая моя сестра, Елизавета, и это ужасно поразило меня. Значит, мне было три года?.. Наверное. Да. Именно тогда меня удостоили восторженных поздравлений... И в то самое время мне запали в душу слова «всего лишь второй сын».

Стоял чудный летний денек – жаркий и тихий. Я собирался отправиться с отцом в Вестминстерский дворец на церемонию пожалования титулов и званий. Король долго репетировал со мной весь ритуал, пока я не запомнил его наизусть: поклоны, падения ниц перед владыкой Англии и проходы по залу. Мне пришлось пройти ритуальную науку, поскольку предстояло присутствовать на королевской аудиенции.

– Никогда не поворачивайтесь спиной к королю, – пояснил батюшка.

– Несмотря на то, что вы мой отец?

– Несмотря ни на что, – серьезно ответил он. – Ведь я еще и ваш король. Сегодня я произведу вас в рыцари ордена Бани. Перед посвящением вас оденут как отшельника. А потом вы вновь войдете в зал в ритуальном облачении и получите титул герцога Йорка. – Он рассмеялся сухим тихим смехом, похожим на шорох листьев, влекомых ветром по булыжникам мощеного двора. – Тогда они утихомирятся, осознав, что Тюдоры объединились с Йорками! Единственный настоящий герцог Йоркский будет моим сыном. Пусть все увидят это! – Вдруг он понизил голос и мягко произнес: – Вам придется достойно пройти перед всеми пэрами нашего королевства. У вас нет права на ошибку, нельзя показать страх перед ними.

Я глянул в его холодные, серые, как ноябрьское небо, глаза.

– Я не боюсь их, – сказал я, зная, что говорю правду.

Толпы горожан высыпали на улицы посмотреть, как мы проезжаем по Чипсайду к Вестминстеру. У меня была собственная лошадка – белый пони, и я ехал на нем следом за отцом. Его гнедого украшал ковровый чепрак. Даже верхом я почти не возвышался над рядами зевак, выстроившихся вдоль дороги. Я отчетливо видел их лица, запомнил их выражения. Народ радостно встречал наше появление, призывая небеса благословить нас.

Меня порадовала королевская церемония. Дети обычно скучают на официальных торжествах, но я наслаждался. (И любовь к ним я не утратил никогда. Неужели она зародилась именно в тот день?) Мне нравилось, что все глаза в Вестминстер-холле устремлены на меня и я один, без сопровождающих, прохожу по длинному залу, видя вдалеке фигуру отца. Грубая отшельничья одежда царапала мне кожу, но я не смел выказать и тени недовольства. Отец

сидел на возвышении в темном резном кресле – на королевском троне. Он выглядел отстраненным, бесстрастным, как и подобает истинному монарху. Немного дрожа, я приблизился к нему, и тогда он встал, взял длинный меч и посвятил меня в рыцари ордена Бани. Подняв клинок, король слегка коснулся моей шеи, и меня поразило, что в такой жаркий день сталь была столь холодной.

Не поворачиваясь спиной и медленно отступая, я покинул зал. В приемной Томас Болейн, один из оруженосцев и телохранителей отца, ждал меня, чтобы помочь переодеться в богатый церемониальный наряд, пошитый специально для сегодняшнего ритуала. И вновь я вошел в зал, повторил проход к трону; теперь уже мне пожаловали титул герцога Йоркского.

Потом меня должны были удостоить великих почестей, всей знати и прелатам следовало выказать мне почтение, признавая меня высочайшим пэром Англии после короля и моего старшего брата Артура. Теперь-то я знаю, а тогда не понимал, что это означало. Титул герцога Йорка доставался лишь избранным претендентам на трон, и потому-то отец вознамерился добиться клятвы верности от придворных, дабы в дальнейшем они не присягнули никому другому – ведь не могло же быть двух герцогов Йоркских. (Так же как не может быть двух голов Иоанна Крестителя, хотя некоторые паписты настаивают на поклонении обеим!)

Но я еще не понимал этого. Мне было всего три года. Впервые я самостоятельно исполнил некую роль и жаждал всеобщего внимания. Я воображал, что теперь все взрослые подойдут ко мне с радостными поздравлениями.

Какое наивное заблуждение. Их поздравления и «признания» выразились лишь в легких наклонах голов и небрежных взглядах, брошенных в мою сторону. Я совсем растерялся среди этого леса ног (мне действительно казалось, что кругом странный лес, – ведь я еще не дорос до пояса взрослого человека, даже самого приземистого), люди то расходились, то сходились, собираясь группками по трое, четверо или пятеро. Я поискал глазами королеву, мою мать, но не нашел ее. Хотя она обещала мне прийти...

Фанфары возвестили, что на длинный стол, протянувшийся вдоль западной стены зала, уже поданы пиршественные блюда. На широкой, как поле, белой скатерти поблескивала золотом изысканная посуда. В тусклом освещении она казалась ярче выставленных кушаний. Вокруг стола начали сновать слуги с огромными золотыми кувшинами. Когда подошли ко мне, я потребовал вина, чем вызвал смех у окружающих. Слуга попытался возразить мне, но я настоял на своем. Он поставил передо мной маленький чеканный кубок и наполнил его кларетом, а я тут же выпил его до дна. Очередной взрыв хохота придворных привлек внимание отца. Он глянул на меня так, словно я совершил тяжкий грех.

Вскоре у меня закружилась голова, и я весь вспотел в своем плотном бархатном наряде. К тому же в переполненном зале стоял спертый воздух. Меня раздражали гудящие над моей головой голоса. Королева так и не появилась, и никто больше не обращал на меня внимания. Я мечтал уже покинуть это скучное пиршество и вернуться в Элтам. Что привлекательного находят в этих праздниках? И я решил больше не завидовать Артуру, который имел право посещать их.

Я заметил, что король стоит в стороне, беседуя с одним из членов Тайного совета, архиепископом Мортонем, как мне показалось. Расхрабрившись от вина (обычно я неохотно обращался к отцу), я собрался попросить его позволения немедленно уехать в Элтам. Благодаря маленькому росту мне удалось незаметно приблизиться к нему, лавируя между стайками сплетничающих придворных и лордов, и встать за его спиной. Полускрытый складками гобелена, я дождался, пока он закончит разговор. Никому нельзя прерывать короля, даже родному сыну.

До меня донеслись обрывки фраз: «Королева... болезненно...»

Неужели матушка захворала и оттого не пришла? Я подобрался поближе и напряг слух.

– Но она должна похоронить эту боль, – заметил Мортон. – Хотя каждый новый претендент берedit ее рану...

– Вот почему необходима была сегодняшняя церемония. Настала пора покончить со всеми незаконными герцогами Йоркскими. Если бы они могли понять, как это оскорбляет ее величество. Каждый очередной наглец... хотя она знает, что они все обманщики и изменники, однако мне представляется, что слишком долго перед ней маячила физиономия Ламберта Симнела. Вы же понимаете, ей хотелось бы, чтобы остался в живых ее брат Ричард. – Король ронял слова тихо и печально. – Именно поэтому она не пришла. Ей невыносимо было видеть, как на Генри возложат сей титул. Это пробудило бы тяжкие воспоминания. Она любила брата.

– Но она любит и сына. – Утвердительный тон советника замаскировал подразумеваемый вопрос.

– Каждая мать обязана любить сына, – пожал плечами, ответил король.

– Только обязана? – с пылом проговорил архиепископ.

– Если она и любит его, то за известное семейное сходство... с ее отцом Эдуардом. Генрих похож на него, и вы сами, разумеется, подметили это.

Отец сделал очередной глоток вина из большого кубка, почти закрывшего его лицо.

– Принцу досталась приятная и благородная внешность, – согласился Мортон, кивнув так энергично, что его подбородок едва не утонул в меховом воротнике.

– Я могу предположить, на что Генри будет притязать в будущем. Ведь он – внук Эдуарда, а тот был не без претензий. Вы же помните ту женщину, которая кричала на рыночной площади: «Скажу как на духу, за такую прелесть не жаль отдать даже двадцать фунтов!» Красавчик Эдуард. Недаром же он величал себя Блистающим Солнцем.

– Но мы-то знаем, что его следовало бы прозвать Королем любовных объятий, – хихикнув, заметил Мортон. – Или он все же обвенчался тайно с Элеонорой Батлер?

– Какая разница? Он никогда не спал в одиночестве. Помните ту ироничную балладу о том, как «развалясь на ложе непристойной страсти»... Елизавета Вудвилл оказалась умнее и сумела выгодно использовать его вожделие. Мне не хочется умалять достоинства матушки королевы, но она была надоедливой старой каргой. Я уже опасался, что она переживет всех нас. Однако вот уже два года, как мы освободились от нее. Хвала Господу!

– И все же Генрих... разве он не достоин...

Мортон явнo больше интересовали живые, чем мертвые.

Король оглянулся, желая убедиться, что никто не подслушивает. Я вжался в складки гобеленового занавеса, мечтая стать невидимкой.

– Он всего лишь второй сын. Молитесь Богу, чтобы все остались на своих местах. Если он когда-нибудь станет королем... – отец помедлил, потом понизил голос до шепота, словно не мог произнести громче столь ужасные слова, – то династия Тюдоров не удержится на троне. Как и династия Йорков не пережила Эдуарда. Он был красавцем и отменным воякой, надо отдать ему должное, но по натуре глупым и равнодушным. И Генри такой же. Англия смогла вытерпеть одного Эдуарда, но вынести его наследника ей не под силу.

– Ну, ей и не придется, – учтиво заявил Мортон. – У нас же есть Артур, и он станет великим королем. Уже сейчас в нем проявляется царственное величие. У него великолепные способности к учению. Его черты исполнены достоинства. И он для своих восьми лет весьма мудр.

– Артур Второй, – проворковал отец, и его глаза мечтательно заблестели. – Да, то будет великая коронация. А Генриху, вероятно, суждено стать архиепископом Кентерберийским. Более того, церковь будет для него самым подходящим пристанищем. Хотя его немного расстроит необходимость принять обет безбрачия. Как вы полагаете, Мортон?

Он холодно улыбнулся, показывая знание неких слабостей собеседника. У архиепископа имелось много незаконнорожденных отпрысков.

– Ваша милость...

Шутливо изображая скромность, Мортон отвернулся и едва не заметил меня.

Сердце мое отчаянно заколотилось. Я зарылся в складки занавеса. Они не должны узнать, что я стоял рядом и все слышал. Мне захотелось плакать... ужасно захотелось. Я почувствовал, как подступают к глазам горькие слезы... Однако по натуре я слишком равнодушен. Ведь так заявил сам король.

Уняв дрожь и подавив всхлипывания, я покинул свое убежище и затерялся в толпе знати, причем храбро заговаривал с каждым, кто попадался на моем пути. Впоследствии об этом часто вспоминали.

Не стану лицемерить. Положение принца порой вполне устраивало меня. Не в смысле обеспеченности, как принято считать. Сыновья лордов жили в большей роскоши, чем мы; нас же тяжелым комлем придавила королевская скупость, и нам приходилось, как хорошим солдатам, довольствоваться спартанскими условиями. Правда, жизнь наша проходила во дворцах, а это слово вызывает в воображении картины пышного великолепия – и ради того, чтобы они стали явью (отнесу сие к числу моих заслуг), мне довелось изрядно потрудиться во время моего правления – но в нашем детстве все было по-другому. Тогда замки представляли собой реликвии былых эпох – романтические, пожалуй, овеянные исторической славой (здесь убили сыновей Эдуарда; там Ричард II отрекся от престола), но решительно непригодные для жилья: в них царили холод и мрак.

Да и особых приключений не припомню. Отец не слишком часто путешествовал и редко брал нас с собой. До десяти лет я почти безвылазно проторчал в стенах Элтамского дворца. Общение с внешним миром запрещалось нам исключительно из целесообразности. По всей видимости, ради нашей же безопасности. Но в результате нас сделали затворниками. Ни один монах не вел такую суровую, ограниченную и скучную жизнь, как я в свои ранние годы.

К тому же по решению отца в будущем меня ожидала участь священника. Артур будет королем. А я, второй сын, должен стать церковником, отдав все силы на служение Господу, дабы мне и в голову не пришло посягнуть на права брата. Итак, с четырехлетнего возраста моим воспитанием занимались занудные священники с унылыми взорами, приходившие один за другим.

Тем не менее мне нравилось быть принцем. Да, нравилось, хотя и по ускользающим и трудноопределимым для меня самого причинам. Возможно, если хотите, из-за исторической значимости. Неужели мало чувствовать себя кем-то особым, сознавать, читая историю Эдуарда Исповедника или Ричарда Львиное Сердце, что ты имеешь с ними мистическую кровную связь? Только и всего? Для меня – вполне достаточно. Это знание поддерживало меня, когда приходилось смиренно заучивать уйму латинских молитв. Во мне текла королевская кровь! Верно, кровь мою не грел потрепанный плащ, и кто знает, суждено ли мне передать ее наследникам, но она струилась по моим жилам, порождая внутри некий огонь вопреки холоду мрачных дворцов.

2

Мне не следовало начинать в таком духе. Сумбурный слог не может произвести достойное впечатление, не говоря уж о его непригодности для мемуаров. Постараюсь разумно упорядочить ход воспоминаний. Этому в свое время научил меня Уолси⁴: все должно быть изложено последовательно. Неужели я так скоро забыл его науку?

Я начал писать заметки (имею в виду дневник) несколько недель тому назад в тщетной попытке отвлечься от очередного приступа сильной боли, терзавшей мою окаянную ногу. Вероятно, я так мучился, что был не в состоянии собраться с мыслями. Однако приступы прошли. И теперь, надеюсь, я справлюсь с этой задачей. Необходимо восстановить реальную картину. Я уже написал о своем венценосном отце и о брате Артуре и даже не упомянул королевского имени. Не назвал правящей династии. Не обозначил время событий. Непростительные упущения!

Англией правил король Генрих VII из дома Тюдоров. Но мне не удастся похвалиться величием этой династии, поскольку о существовании таковой не приходилось и говорить до коронации моего отца. Тюдоры были валлийскими дворянами и (уж будем честными) смутьянами и искателями приключений. Они самозабвенно пускались в романтические авантюры для достижения успеха как в амурных делах, так и в баталиях.

Я отлично осознаю, что трудившиеся над составлением отцовского генеалогического древа придворные историки протянули его ветви к началу британской истории, представив нас прямыми потомками Кадваллона Благословенного, короля Гвинеда. Однако первый шаг к нашей нынешней славе сделал Оуэн Тюдор, заведовавший гардеробом королевы Екатерины, вдовы Генриха V. (Генрих V оказался самым гениальным воителем на английском престоле, покорившим значительную часть Франции. Он царствовал примерно за семьдесят лет до моего рождения. Сейчас о нем помнит каждый англичанин, но сохранится ли эта память в веках?) По политическим резонам воинственный Генрих женился на дочери французского короля и родил сына. После внезапной кончины отца Генриха VI провозгласили королем Англии и Франции девяти месяцев от роду, а его французская вдова, едва разменявшая третий десяток, осталась одна в Англии.

По долгу службы Оуэн постоянно сопровождал вдовствующую королеву. Говорят, он отличался миловидностью, она же тосковала от одиночества, и они тайно обвенчались. Вот так, Екатерина (дочь одного короля, жена другого, да еще и мать третьего) осквернила свою королевскую кровь с валлийским бродягой. У них родились два сына, Эдмунд и Джаспер, сводные братья Генриха VI.

Но в тридцать пять лет Екатерина умерла, и для Оуэна начались тяжелые времена. Регенты малолетнего Генриха VI издали приказ, предписывающий: «Оуэну Тюдору, проживавшему с вышеупомянутой королевой Екатериной», явиться к ним на совет в связи с тем, что он «дерзнул, обвенчавшись с королевой, смешать свою кровь с правящим родом». Сначала Оуэн артачился, но потом все же подчинился приказу, после чего его дважды заключали в Ньюгейтскую тюрьму, откуда он оба раза удачно совершал побеги. Тюдор слыл неуловимым и в высшей степени хитроумным. После второго бегства он предпочел вернуться в Уэльс.

Достигнув зрелости, Генрих VI сразу избавился от главного регента и по-дружески обошелся с двумя сыновьями Оуэна. Он пожаловал Эдмунду титул графа Ричмонда, а Джасперу – графа Пембрука. Более того, этот несчастный и наивно благодушный безумец нашел для Эдмунда родовитую невесту из рода Ланкастеров – Маргариту Бофор.

⁴ Томас Уолси (1473–1530) – английский государственный деятель, кардинал. В 1507–1509 годах капеллан короля Генриха VII.

Изложение подобных историй сродни распутыванию клубка ниток: каждая из них проясняет краткий эпизод прошлого, но за ней тянется череда расхождений, ибо все они сплетаются в общий покров, в который рядились Тюдоры, Ланкастеры, Йорки и Плантагенеты.

Итак, мне придется совершить устрашающий исторический экскурс: вернуться к Эдуарду III, невольному виновнику всех дальнейших осложнений. Я сказал «невольному», потому что они возникли из-за плодовитости Эдуарда, – но какой король не пожелал бы иметь много сыновей?

У Эдуарда, явившегося на свет почти за двести лет до меня, их было шестеро. Божий дар? Можно и так сказать. Но честно говоря, их изобилие стало своеобразным проклятием, и печальные последствия сказываются до сих пор. Старшего сына короля, также Эдуарда, прозвали Черным принцем. (Не знаю точно происхождения сего прозвища, хотя предполагаю, что оно произошло от черного цвета ливрей его слуг. Он прославился как отважный воин.) Ему не удалось, однако, пережить своего отца, вследствие чего на трон возшел его сын, Ричард II, внук многодетного Эдуарда.

Среди младших сыновей Эдуарда известны умерший молодым Уильям, Лайонел, который получил титул герцога Кларенса и положил начало династии Йорков, и Джон Гонт, герцог Ланкастер, основатель одноименного рода, Эдмунд, герцог Йорк (позднее, кстати, наследники Кларенса и Эдмунда поженились, объединив претензии на трон), и, наконец, младший сын Томас Вудсток, первый из Бекингемов.

Далее произошло следующее: Генрих, сын Джона Гонта, свергнув своего кузена Ричарда II, короновался под именем Генриха IV. И как раз его сын, Генрих V, женился на королеве Екатерине Валуа – потом она стала супругой Оуэна Тюдора.

Сия история представляется вам слишком запутанной? Уверяю вас, что во времена моей юности паутина наших наследственных хитросплетений была известна так же, как нынче слова баллады, которая у всех на слуху, или значения пяти печальных христианских таинств⁵. Мы пойманы в эти сети и вынуждены играть те или иные роли, которые могут привести нас напрямую к удаче... или к гибели.

Сын Генриха V, коронованный в Париже под именем Генриха VI, короля Англии и Франции, не сумел удержать свое наследство. Достигнув зрелости, он показал себя бесхарактерным и полубезумным правителем.

Если провозглашенный монарх слаб, то появляется множество претендентов, считающих себя сильными. Тогда-то и зародилась оппозиция Йорков.

Существует легенда, что эта знаменитая война началась в саду Темпла со ссоры Ричарда Плантагенета (будущего герцога Йорка) с его сообщниками и соперниками: Сомерсетом, Уориком и Суффолком. Ричард сорвал с одного куста белую розу, тем самым обозначая свое происхождение от Лайонела, третьего сына Эдуарда III, и предложил сторонникам присоединиться к нему; граф Уорик из Невиллов, влиятельного рода Северной Англии, последовал его примеру. Но Сомерсет и Суффолк выбрали красные розы, подчеркнув кровную связь с Джоном Гонтом, герцогом Ланкастером, четвертым сыном нашего многодетного предка. И по их же пророчеству в сие противостояние было вовлечено все королевство.

Вот уж веселенькая история; хотя не знаю, насколько она правдива. Однако неоспоримо то, что после этого началась Война Алой и Белой розы, на которой погибли сотни людей, сражавшихся на обеих сторонах.

В конечном счете Генриха VI сверг отважный сын Йорков, ставший позднее Эдуардом IV. Он выдержал тринадцать крупных сражений, не проиграв ни одного из них. Военный гений!

⁵ Протестанты признают только два таинства из семи, принятых католической церковью, – крещение и причастие.

Ветви всех этих родов, как я упомянул, тесно переплелись. Мне трудно говорить о жестокостях, проявленных по отношению друг к другу представителями враждующих семейств, поскольку их смешанная кровь течет и в моих жилах.

Пожалуй, Эдуард IV был великим борцом. Я мог бы гордиться им, ведь, так или иначе, он мой дед. Однако против него сражался мой прадед, вместе с моим двоюродным дедом Джаспером Тюдором. Их войско потерпело поражение, и в 1461 году после битвы при Мортимерс-Кросс в плен попал даже сам Оуэн. Его казнили – по приказу Эдуарда – на рыночной площади Херефорда. Оуэн не верил, что умрет, пока не увидел палача, поднявшегося на эшафот. Он оторвал воротник с камзола осужденного, и тогда все прояснилось окончательно. Тюдор огляделся и сказал: «Эта голова будет лежать так, как когда-то лежала на коленях королевы Екатерины». Потом какая-то безумная почитательница забрала его голову и зажгла вокруг нее множество свечей.

Я рассказал об этом, чтобы вы не подумали, будто старший сын Оуэна, женившийся на Маргарет Бофор, родовитой наследнице дома Ланкастеров, жил в тихие и спокойные времена. Вокруг трона шли яростные схватки. Эдмунд избавился от всей этой мороки, отойдя в мир иной в двадцать шесть лет и оставив в тягости свою молодую жену. Роженице не исполнилось и четырнадцати, когда ее ребенок появился на свет. Это был мой отец. Он родился 28 января 1457 года.

Уилл Сомерс:

Эта дата удручает меня. Ведь Генрих VIII умер 28 января. Причем, поменяв местами десятки и сотни, по странной преемственности мы получим 1547 – год его кончины. Отец рождается, сын умирает... Однако я не верю в значимость таких совпадений. Оставим их суеверным валлийцам и им подобным.

Генрих VIII:

Она назвала его Генрихом, королевским именем Ланкастеров. В то время, однако, он никак не мог считаться первоочередным наследником, оставаясь лишь мелким листочком на обширном генеалогическом древе. Несмотря на то, что он приходился внуком королеве (по отцовской линии) и праправнуком королю (по материнской линии). Но продолжавшаяся война устранила главных претендентов на трон (Эдуарда, единственного сына Генриха VI, и Ричарда, герцога Йорка), и каждое новое сражение приближало к трону Генриха Тюдора. В битве при Тьюксбери в 1471 году у Ланкастеров уже не осталось мужских наследников за исключением Генриха Тюдора. И тогда он бежал в Бретань вместе с дядюшкой Джаспером.

В том же году в Тауэре расстался с жизнью Генрих VI. О нем позаботились йоркисты. Это был акт милосердия: Генрих VI мог стать святым, но роль короля предназначалась не ему. Что и доказывают его стихи:

Нам в царствованиях нет покоя,
Гнетет и давит груз забот,
Богатства лишь силки готовят
И ускоряют наш уход.

Йоркистский меч, похоже, освободил его от хлопот по управлению страной, и остается лишь признать, что он оказал Генриху добрую услугу.

Жизненные странствия моего отца также весьма запутанны: в нашей истории все очень непросто. Он отправился в изгнание, перебравшись через Английский канал в Бретань, куда славный герцог Франциск – за особое вознаграждение – любезно пригласил его. Там отец спа-

сался от преследований Эдуарда IV, всячески пытавшегося похитить и умертвить его. Отец оказался более хитрым – Эдуард был глуп – и спокойно пережил своего преследователя, в то время как его жестокосердный братец Ричард занял трон и покончил со своими племянниками Эдуардом V и Ричардом, герцогом Йоркским. Говорят, что он придушил их спящими и похоронил где-то в Тауэре.

Страдая от тирании нового правителя, многие бежали и присоединились к отцу в Бретани. Вскоре у него образовался приличный двор. А в Англии недовольство выросло до такой степени, что мятежники попросили отца вернуться и заявить свои права на корону.

Первую попытку он сделал в 1484 году; но судьба обернулась против него, и Ричарду удалось захватить и казнить нашего главного сторонника, герцога Бекингема. В следующем году опять сложилась подходящая обстановка, и отец решил больше не медлить, опасаясь ослабления поддерживающих его сил. Он приказал поднять паруса, пересек пролив и высадился в Уэльсе с армией всего в две тысячи человек – против десяти тысяч Ричарда III.

Что побудило его пойти на такой шаг? Я отлично знаю семейную легенду, однако не менее хорошо мне известны предельная пассивность и осторожность отца, его подозрительность и медлительность. И все же в свои двадцать восемь лет он не побоялся рискнуть всем – и главное, собственной жизнью – ради того, что представлялось безнадежным предприятием. Две тысячи против десяти тысяч.

В Уэльсе его встретили с восторгом, к нему начали стекаться толпы людей, увеличив число приверженцев Тюдора до пяти тысяч, хотя силы Ричарда по-прежнему превосходили их вдвое. И все же отец спешно повел своих солдат в поход по золотистым августовским полям, и в итоге противники сошлись в нескольких милях от Лестера на поле Босворта.

Там произошла ожесточенная битва, причем часть войск Ричарда не подоспела вовремя. И без них сражение было проиграно. Ричарда убили, причем множество ран нанесли ему предавшие его сторонники, когда он устремился в атаку на отца.

Говорят, в пылу сражения с головы Ричарда слетела корона и упала в колючие кусты утесника, а отец под восторженные возгласы «Король Генрих! Король Генрих!» извлек ее оттуда и водрузил на свою голову. Я сомневаюсь, что все произошло именно так, но как раз подобного рода истории распространяются с завидным упорством, и в результате все начинают в них верить. Незатейливые байки нравятся людям, и они, не желая вникать в сложную суть событий, предпочитают давать им простое и обнадеживающее толкование. Им хочется верить в то, что кто-то стал королем благодаря знамени, а не из-за нерешительной или неудачной атаки. Так и попала наша корона в кусты.

На самом деле отцовский путь к престолу был тернист. Несмотря на победу в Босвортской битве и корону, по вмешательству высших сил упавшую в заросли, многие смутьяны могли попросту не признать Генриха Тюдора. Да, в его жилах текла королевская кровь, он укрепил свое положение браком с дочерью покойного монарха из дома Йорков, но твердолобых йоркистов было нелегко умиротворить. Они желали, чтобы на трон вззошел чистокровный Йорк (хотя таковых уже не осталось), и никто другой их не устраивал.

Так начался период заговоров и предательских убийств. Изменники надеялись «воскресить» задушенных сыновей Эдуарда IV (братьев моей матери). Они не посмели «оживить» старшего, Эдуарда; даже им не хватило наглости. И остановили свой выбор на младшем, Ричарде. Каждая заговорщическая фракция подобрала изрядное число светловолосых парнишек, намереваясь выдать кого-либо из них за наследника Йорков.

Первым стал Ламберт Симнел. Ирландцы короновали его под именем Ричарда IV. Отца это позабавило, и он спокойно отнесся к самозванцу. Разбив мятежников в 1487 году в битве при Стоук-Филде, он отправил Симнела поваром на королевские кухни. У горячих печей его амбиции быстро растаяли.

Следующий, Перкин Уорбек, оказался менее забавным. Его приветили шотландцы и обеспечили высокородной супругой. Отцу пришлось казнить его.

И тем не менее восстания не прекращались. В стране еще оставалась бездна заговорщиков и мятежников. Что бы отец ни делал, всегда находились недовольные, тайно стремившиеся свергнуть его с престола.

В конце концов их происки измучили и ожесточили его. Теперь мне многое стало понятным в поведении отца. Непрестанные козни лишили его молодости (как он однажды сказал: «С пяти лет я жил либо пленником, либо изгнанником»), и даже когда Генрих VII, по общему мнению, завоевал свое право на спокойное царствование, его не оставили в покое. Многим хотелось сбросить его с трона, а лучше всего попросту похоронить.

Отец женился на дочери своих заклятых врагов. Он не испытывал уважения к Эдуарду IV, однако дал торжественный обет в соборе Ренна, что если его вторжение в Англию пройдет успешно, то он женится на Елизавете, дочери Эдуарда.

Почему? Исключительно потому, что она являлась наследницей дома Йорков, а он – дома Ланкастеров. Он никогда не видел будущую жену и ничего не знал о ее внешности и склонностях. Она могла оказаться горбатой, косоглазой или рябой. Однако женитьба на ней положила бы конец войнам. И только это волновало его.

Как я уже говорил, мой отец презирал Эдуарда IV. И неудивительно, ведь тот пытался убить его и вдобавок казнил Оуэна, приходившегося Генриху дедом. И все же он согласился взять в жены дочь врага... Отец понимал требования времени. Убийство некоторых людей подобно возделыванию сада: надо удалять сорняки и мелкие боковые побеги, иначе в дальнейшем они могут погубить большое дерево, что вы заботливо выращиваете.

Я положил этому конец. Теперь никому в Англии не грозит тайная смерть. Нет больше удушений подушками, отравлений или кинжальных ударов в полночной тьме. Полагаю одним из великих достижений моего правления то, что эти варварские преступления навсегда ушли в прошлое.

Но я начал рассказывать об отцовской женитьбе. Елизавету, дочь Эдуарда, вывезли из тайного убежища (где она с матерью скрывалась от яростного гнева Ричарда III) и доставили к отцу в качестве одного из военных трофеев.

Вот так Елизавета Йоркская обвенчалась с Генрихом из дома Ланкастеров. Придворные художники создали для них особый герб: красно-белую розу Тюдоров, в коей сочетались цвета обоих родов. Не прошло и года, как королева произвела на свет желанного наследника. Его назвали Артуром, дабы избежать «узаконенных» имен (Генрих у Ланкастеров, Эдуард и Ричард у Йорков) и оживить в памяти народа образ легендарного вождя бриттов. Столь славное имя не могло никого задеть и одновременно вселяло прекрасные надежды.

Потом родились и другие дети – Маргарита, названная в честь отцовской матери, затем я. (Родители сочли безопасным дать третьему ребенку родовое имя Генрих.) После меня появились Елизавета, Мария и Эдмунд. И еще одна принцесса... Я не могу вспомнить ее имя, да и успели ли окрестить младенца... Она прожила всего два дня.

Отец мой женился в двадцать девять лет. К его сорока годам в живых остались четверо детей – два принца и две принцессы, – и упрочение новой династии не вызывало сомнений.

Мне рассказывали, что Генриха VII считали красивым мужчиной. Народ любил его. В нем видели отважного искателя приключений, а в Англии всегда привечали благородных разбойников и героев. Его встретили восторженно. Но с годами восторги поутихли, подданные разочаровались в своем короле. Отец явно не оправдал ожиданий. Он не отличался ни грубоватым добродушием Эдуарда, ни суровой простотой воинствующего монарха. По образу мыслей и взглядам его с трудом можно было назвать англичанином, ведь большую часть своей жизни он провел за морем либо в Уэльсе, что пагубно сказалось на его характере. Он с излишним недоверием относился к людям, они чувствовали это, и в конце концов он потерял их любовь.

Я описываю отца, подобно любому другому летописцу стараясь отметить, как он выглядел и как правил. Конечно, будучи ребенком, я многого не замечал и не понимал. Помню, король был высок и худощав. Однако видел я его редко, а уж о разговорах с глазу на глаз не могло идти и речи. Порой ему приходило в голову нанести своим четырем отпрыскам неожиданный и неофициальный визит, и тогда он вдруг появлялся в наших покоях. Мы с трудом терпели такие посещения. Он прохаживался по нашим залам, точно генерал, инспектирующий свои войска, проверяя наши успехи в латинском или арифметике.

Зачастую с ним приходила и его мать, Маргарита Бофор, хрупкая старая дама в неизменно траурном облачении. Никогда не забуду ее лицо, узкое, с резкими чертами. К восьми годам я сравнялся с ней ростом и мог смотреть ей прямо в глаза, горевшие черным огнем. Радости мне это не прибавляло. Она вечно задавала нам сложные вопросы и почти никогда не бывала довольна ответами, поскольку считала себя весьма ученой и даже время от времени покидала своего мужа, удаляясь в монастырь, где целыми днями читала умные книги.

Именно Маргарита выбирала для нас учителей и руководила нашим образованием. Разумеется, лучшие наставники занимались с Артуром (а те, что попроще, обучали остальных детей), но некоторые из них иногда давали уроки и мне. Бернар Андре учил нас обеих истории, а Жиль д'Эве – французскому. Джон Скелтон, признанный поэт, начал заниматься с Артуром, но позже стал моим личным учителем.

Скелтон, несмотря на сан, слыл распутником, и мы сразу понравились друг другу. Он сочинял грубые сатиры и жил с любовницей; мне он показался чудесным. До знакомства с ним я считал, что все ученые должны быть похожими на мою бабушку Бофор. Книги в моем сознании связывались с траурными одеждами и монастырями. Скелтон эти представления разрушил. Когда королевская власть перешла ко мне, наука перестала нуждаться в монастырских библиотеках и скрипториях. (И не просто потому, что я разогнал всех этих святош!)

Естественно, мы изучали латынь, французский, итальянский, математику, историю и поэзию. Также меня усиленно пичкали цитатами из Библии и сведениями из теологии и истории церкви, поскольку готовили для духовного служения. Скажу, что знания никогда не пропадают даром. В дальнейшем я изрядно попользовался собственной религиозной осведомленностью, хотя область ее применения ужаснула бы мою благочестивую бабушку и выбранных ею наставников.

Наше детство проходило в постоянных переездах. Отец, вернее, английский монарх владел восемью дворцами, и каждый сезон его двор переезжал в один из них. Правда, мы, королевские отпрыски, редко жили в одном замке с правящей четой. Родители предпочитали держать нас в загородных резиденциях, где кругом леса и поля, да и воздух чище столичного. Дворец Элтам считался идеальным местечком. Небольшой по размерам, он возвышался среди лугов всего в трех милях от Гринвича и Темзы. Его выстроили из камня на обширном участке с ухоженным садом для моего любвеобильного деда, Эдуарда IV, и обнесли унылым круговым рвом. Элтам был слишком тесен для сонма придворных, зато места здесь с лихвой хватало для детей короля и немногочисленной челяди – поваров, слуг и стражи.

А нас действительно охраняли. В прелестном, обнесенном стенами садочке мы чувствовали себя скорее в далекой Шотландии, чем в десяти милях от центра Лондона. Без отцовского разрешения к нам никого не пускали – он слишком хорошо помнил о судьбе принцев Йорков. Мы же не думали об этом и оттого находили такие ограничения весьма досадными.

Я не сомневался, что сумею отразить нападение убийцы. Упражнения с мечом и луком сделали свое дело: силы и ловкости мне было не занимать, несмотря на юный возраст. Мне даже грезилась схватка с вражескими наемниками – вот тогда я мог бы показать свои достижения

и завоевать восхищение отца. Но никто из сговорчивых убийц не объявился, и мои наивные мечты так и не сбылись.

Тренировки наши проходили на свежем воздухе. Как уже говорилось, я рано обнаружил способности к боевым искусствам. Скачка на лошади казалась мне младенческой забавой. Я не хвастаюсь; уж если я что-то записываю здесь, то должен быть честен как относительно моих талантов, так и относительно моих слабостей. И в данном случае я несколько не преувеличиваю: природа щедро одарила меня не только силой, но и ловкостью и проворством. Мне с легкостью давались как полевые состязания, так и верховая езда. К семнадцати годам меня считали одним из лучших воинов в Англии – я искусно владел большим луком, мечом, копьем и побеждал противников на турнирах, в рукопашных схватках и даже в теннисе, своеобразной новой игре.

Понимаю, подобные утверждения могут вызвать сомнения. Кто-то скажет, что мне позволяли выигрывать. Придворные зачастую поддаются принцам или королям. Как раз по этой причине я делал все возможное, чтобы выходить на бой под чужим именем. Разумеется, недоброжелатели, не поверив и этим словам, заявят, что я поступал так всего лишь из детской любви к переодеванию. Но это неправда. Мне впрямь хотелось испытать свои силы, и я не получил бы никакого удовольствия от борьбы, узнав, что противник поддается. Клянусь Богом! Разве принц лишен чести? Почему же его должна радовать очевидная уступка соперника? Отчего люди готовы допустить, что мое стремление узнать свои способности слабее, чем у других? Рыцарские турниры по сути своей прежде всего испытание, причем весьма суровое, и я честно участвовал в них. Так нет же, мне отказывают в этом, пороча турнирные победы моей молодости.

Но довольно отвлекаться. Я рассказывал о наших скромных домашних упражнениях в дворцовом саду, а не о серьезных состязаниях. Артуру не нравились подобные занятия, и он старался избегать их. А Маргарита, как и я, любила порезвиться, и мы вместе лазали по деревьям и плавали во рву, что окружал дворец. Сестра стала моей главной наперсницей в проказах. Она была на три года старше меня. Уже тогда в ней обнаруживалась такая черта характера, как полное бесстрашие, можно сказать, безрассудство. Не задумываясь, Маргарита перепрыгивала через стены, заставляла лошадь брать опасные преграды или первой совала в рот незнакомые дикие ягоды. Меня обвиняли в безоглядной смелости и опрометчивости, но я никогда ими не отличался. И понял я это в детстве, наблюдая за сестрой. (Когда она стала королевой Шотландии, то вела там себя не лучше, чем в Элтаме. Несдержанность в конце концов и сгубила ее.)

Если с Маргаритой мы имели схожие физические склонности, то с Марией нас связывало духовное родство. Нами попросту владели одинаковые настроения и мысли, и обычно мы понимали друг друга без слов.

А вот с Артуром ни у меня, ни у сестер общих черт не нашлось. Он не походил ни на кого из нас – высокий, замкнутый, чересчур серьезный...

3

Ко двору нас привозили на Рождество, Пасху и День Святого Духа. В промежутках я обычно считал дни. Больше всего мне нравились рождественские праздники, и долгие месяцы до них (шесть или семь, в зависимости от того, как рано бывал Духов день) казались бесконечными.

Естественно, больше всех ждали таких поездок мы с Маргаритой. Она мечтала получить новые наряды, подарки и сладости, изъявления любви. А чего же хотел я? Пожалуй, того же самого. Но сильнее всего я лелеял надежды, что буду часто видеться со своей матерью, королевой. И возможно, возможно... но нет, я никогда не позволял себе признаться в этих мыслях и не могу это сделать даже сейчас.

В том году, когда мне уже минуло семь, король решил провести Рождество в Шинском маноре. Я еще ни разу не бывал в нем (или попросту не запомнил того места). Там, выше по течению Темзы, находился один из самых старых королевских дворцов.

Зима выдалась ранняя, и к началу декабря морозы стояли уже две недели, а землю укрыло чистое снежное покрывало.

Шестнадцать миль от Элтама до Шина мы преодолели медленно, потратив целый день. Можно было бы быстро домчаться туда галопом, но приходилось тащиться шагом – с нами отправили двенадцать тяжеловесных повозок, груженных пожитками. Лишь к вечеру удалось добраться до знаменитых лесов Ричмонда – королевских охотничьих угодий, где водились олени, лани и кабаны. Но грохот колываг распугал всю дичь, и по пути мне на глаза не попался ни один зверь.

Выехав на опушку, мы увидели внизу Темзу – более узкую и мелкую, чем в Гринвиче, залитую золотистыми лучами заходящего солнца. На другом берегу возвышались красные кирпичные башни Шинского замка.

И все-таки нам предстояла еще долгая дорога. На спуске к реке огромные возы надо было сдерживать, и мы перешли на черепашую скорость. Я глянул на Маргариту.

– Может, сбежим? – предложила она, и я знал, что она не шутит.

– Давай, – охотно согласился я.

Даже не оглянувшись, мы пришпорили лошадей и помчались как безумные к королевскому манору. Сестра разразилась такими восторженными восклицаниями и смехом, что заглушила раздавшиеся позади возгласы.

Мы достигли цели, на добрую милю опередив наш обоз. Совершенно поглощенные бешеной скачкой, я и Маргарита не замечали, что крики несутся не только нам вслед, но и навстречу – из-за стен замка. Остановившись, мы услышали вопли большой толпы. Вдруг все стихло. Хотя никто не вышел, чтобы открыть нам ворота.

Маргарита скривилась и, спешившись, привязала коня.

– Похоже, нам придется открывать самим, – заявила она, направляясь к калитке для прислуги.

Раздосадованный, я тоже оставил лошадь и последовал за сестрой. Навалившись плечом на старую дверцу, она безуспешно пыталась отворить ее. Тогда Маргарита принялась разглядывать доски обшивки, прикидывая их прочность. Внезапно калитка распахнулась, и дерзкая девчонка повалилась на землю.

В проеме стоял рассерженный парень. Он смерил нас пристальным взглядом и спросил:

– И кто же вы такие?

Страж показался мне громадным.

– Я принцесса Маргарита, – чопорно ответила сестрица, поднимаясь и поправляя задравшиеся юбки.

На лице его отразилось недоверие.

– А я принц Генрих, – прибавил я, надеясь убедить его, что мы оба именно те, за кого себя выдаем.

Парень вышел из ворот. Увидев вдали обоз, он явно удивился еще больше. Однако стало ясно, что мы не лжем.

– Ну тогда ладно, – сказал он. – Я могу отвести вас к королю.

Маргарита сразу направилась за ним, но я остался на месте и решил, в свою очередь, поинтересоваться:

– А вы кто такой?

Верзила обернулся. Я думал, он рассердится, но его, похоже, обрадовал мой вопрос.

– Меня зовут Чарлз Брэндон, – ответил он так, словно мне следовало знать его имя. – К вашим услугам, мой принц.

Он улыбнулся и поклонился. Этот здоровяк вдвое старше меня признал, что я вправе приказывать ему. Для моей невинной души это была не просто затертая придворная фраза, а обет, подразумевающий особую связь между нами. Я протянул ему руку, и он с готовностью пожал ее.

Это рукопожатие соединило нас до конца наших дней.

Брэндон проталкивался сквозь плотную людскую стену. Все увлеченно смотрели на что-то, скрытое от наших взоров. Вскоре и мы увидели предмет всеобщего внимания. В воздухе болтались четыре мастифа. Их попросту повесили, как преступников! Скуля и задыхаясь, они дергались и извивались, неистово и тщетно пытаясь содрать лапами удавки. Спустя мгновение собаки затихли, высунув языки, и их тела безжизненно обмякли. Они медленно покачивались, и никто не попытался обрезать веревки.

Позже я понял, почему устроили собачью казнь. Появился король в серой мантии, отделанной старым мехом. Он вышел на помост, поднял руки, призывая к тишине, и медленно заговорил. Его тонкий пронзительный голос разнесся над умолкнувшей толпой:

– Теперь вы воочию убедились, что вероломные псы не смеют восставать против государя.

С каждым словом в морозный застывший воздух вырывалось облачко пара. Отец отступил на шаг и бросил небрежный взгляд на собак, собираясь удалиться. В этот момент кто-то подошел к нему с тихим сообщением.

– Ах! Прибыли мои дети. Мы должны приветствовать их.

Внимая повелительному жесту короля, люди послушно повернулись к главным воротам.

Мы с Маргаритой и Брэндоном замерли на месте. Когда народ расступился, мы увидели, что на помосте лежит мертвый лев, окровавленный и искалеченный.

– Что случилось? – воскликнула Маргарита. – Почему убит лев? И за что повесили собак?

Она выглядела просто заинтригованной, а не испуганной. А сам я испытал сильное отвращение.

– Его величество натравил собак на льва. Он хотел показать, как королевские хищники уничтожают любых врагов. А вместо этого псы одержали верх. Поэтому король повелел наказывать их как изменников. Это была единственная возможность извлечь пользу из задуманного урока.

Брэндон тщательно подбирал слова, но тон его подсказал мне, что он не одобряет действий моего отца. Мгновенно я проникся к Чарлзу еще большей симпатией.

– Но король... – осторожно начал я.

– Крайне обеспокоен незыблемостью трона, – беспечно бросил Брэндон. – Он получил известие об очередной смуте. Опять восстали корнуольцы. – Парень оглянулся, дабы убедиться, что нас не подслушивают. – Уже в третий раз...

И тут он замолк – должно быть, почувствовал исходящее от Маргариты волнение, готовое выплеснуться в потоке вопросов.

Но она уже отвернулась и смотрела, как толпа шумными возгласами встречает появление Артура. Створы распахнулись, и наш брат въехал в ворота, вцепившись руками в луку седла. Он скривился, увидев вокруг восторженные лица. В одно мгновение приветственные крики достигли апогея. Король выступил вперед и обнял Артура, едва не стащив его с лошади. После короткого объятия Генрих обратился к подданным:

– Теперь для меня действительно наступил праздник! Приехал мой сын! Мой наследник, – закончил он многозначительно.

Отец даже не заметил нас с Маргаритой. Через несколько минут мы присоединились к остальным детям и выслушали яростную отповедь нашей вечно кудахтающей няни Энн Льюк.

Шагая по двору, я украдкой поглядывал, как волокут куда-то тушу растерзанного царя зверей.

Нам показали наши покои, и прибывшие с нами слуги тут же принялись снова враз-вперед, распаковывая вещи и расставляя привезенную мебель. Празднества должны были начаться сегодня вечером с пиршества в Большом зале.

Потом няня Льюк сообщила, что мы с Марией туда не пойдем.

Понятно, почему сестра должна остаться в детской – ей ведь всего два года! Но мне-то уже семь лет. Почему же я не могу присоединиться к взрослым? Целый год я надеялся, что буду участвовать в грядущих рождественских пирах. Неужели, справив минувшим летом день рождения, я еще не достиг разумного возраста?

Разочарование было столь сокрушительным, что я зарыдал и начал разбрасывать по полу свою одежду. Впервые я открыто показал свой характерец, и все застыли, уставившись на меня. Ну и отлично! Наконец они поймут, что я заслуживаю внимания!

– Лорд Генрих! Прекратите! – воскликнула Энн Льюк, подскочив ко мне. – Ваши выходки просто неподобающи!

Она пригнулась, уворачиваясь от летящего наугад башмака, и попыталась схватить меня за руки, но я вырвался от нее.

– Такое поведение недостойно принца!

Последняя фраза возымела желаемый эффект. Я остановился, хотя по-прежнему задыхался от злости.

– Я желаю пойти на этот пир, – переведя дух, спокойно заявил я. – Мне уже сравнялось семь, и, по-моему, жестоко со стороны короля лишать меня удовольствия и в нынешнем году.

– Принцы, достаточно взрослые для участия в королевских праздниках, не разбрасывают свои вещи и не визжат, как обезьянки.

Обрадовавшись, что я успокоился, Энн неуклюже поднялась с колен.

Тогда я понял, что надо делать.

– Пожалуйста, няня Льюк, – ласково сказал я. – Мне так сильно хочется пойти на пир. Я ведь столько ждал! В прошлом году его величество обещал... А теперь опять хочет оставить меня в детской.

Это была выдумка чистой воды, но я надеялся, что она поможет.

– Вероятно, его милость узнал о том, что вы с Маргаритой выкинули сегодня, – туманно намекнула няня. – Помчались вперед как оголтелые, оставив позади всю свиту.

– Но ведь Маргарите не запретили идти, – логично возразил я.

– Ах, Генри, – вздохнула Льюк. – Ну что с вами делать...

Увидев, что она с улыбкой смотрит на меня, я понял, что нашел верный подход.

– Так и быть, я поговорю с лорд-камергером и спрошу, не согласится ли его милость пересмотреть решение.

С радостным видом я начал собирать разбросанную одежду, уже прикидывая, во что лучше принарядиться. Вот так я узнал, как надо добиваться своего: сначала показать характер, а уж потом ласково изложить свои просьбы. Урок запомнился легко, а я никогда не упустил случая поучиться.

В семь часов вечера Артура, Маргариту и меня повели на пиршество в Большой зал. В коридоре музыканты готовились к выступлению. Они изрядно фальшивили и, словно извиняясь, жалобно поглядывали на нас, когда мы проходили мимо.

В числе прочих наук всех детей короля обучали и музыке. Предполагалось, что каждый из нас будет играть на одном из инструментов. Это вызывало сильное сопротивление со стороны Артура и Маргариты, но я научился перебирать струны лютни с той же легкостью, с какой освоил езду на лошади. Мне хотелось заодно овладеть верджинелом⁶, флейтой и органом, но учитель сказал, что придется подождать, поскольку на каждом инструменте учатся играть по отдельности. Поэтому пришлось набраться терпения, хотя его мне явно не хватало.

Я полагал, что королевские музыканты должны мастерски исполнять песни и танцы, однако меня захлестнуло разочарование. В своем искусстве они недалеко ушли от меня.

Уилл:

Это заблуждение, поскольку у Генриха был исключительный талант к музыке. Думается, уже в семь лет он играл лучше этих нерадивых дармоедов.

Генрих VIII:

Переступив порог зала, мы попали в сказочное царство сияющего золотистого света. Там пылало множество свечей, расставленных на длинных столах вдоль боковых стен, между которыми возвышался помост с королевским столом. На белых скатертях поблескивали золотые блюда и кубки.

Как только мы вступили в зал, сбоку к нам приблизился чопорный распорядитель в шикарном наряде бордового бархата и, поклонившись, заговорил с Артуром. Тот кивнул в ответ, и его препроводили к возвышению, где брату полагалось занять место рядом с королем и королевой.

Почти одновременно появился и другой придворный, обратившийся к нам с Маргаритой. Этот парень с круглой физиономией выглядел помоложе и попроще.

– Вашим светлостям отведены места за ближайшим к королю столом. Оттуда будут прекрасно видны все пантомимы и шутовские трюки.

Он развернулся и провел нас через толпу гостей; мне казалось, мы пробираемся сквозь лес бархатных плащей. Показав наши места, он поклонился нам и удалился.

– Кто он такой? – спросил я Маргариту.

Сестра уже побывала на нескольких дворцовых приемах, и я надеялся, что она хорошо осведомлена.

– Граф Суррей, Томас Говард. Раньше его называли герцог Норфолк. – Видя мое непонимание, она добавила: – Ты же знаешь! Он возглавляет род Говардов. Они поддерживали Ричарда Третьего. Поэтому теперь он граф, а не герцог. И ему приходится доказывать свою верность, рассаживая на пирах королевских детей! – Маргарита злорадно усмехнулась. – Возможно, когда-нибудь он вновь заслужит титул герцога. Видимо, рассчитывает на это.

– А род Говардов... – вопросительно начал я, но она, как обычно, предупредила мой вопрос:

– Могушественный и ветвистый. Они повсюду.

⁶ *Верджинел* – разновидность клавирина.

Так оно и оказалось. Потом я припомнил, что до того празднества ни разу не слышал такой фамилии. Став королем, я взял за себя двух женщин этого рода, трех его представителей казнил и женил сына еще на одной из Говардов... Однако эти события произошли много позднее, а тогда никто из моих будущих родственников еще не появился на свет, и сам я, семилетний, второй сын английского монарха, ждал дня, когда мне велят принести церковные обеты. Если бы я знал, чему суждено быть в действительности, то, вероятно, мне следовало бы, опередив время, убить Томаса Говарда в тот же вечер. Или ему меня. Но вместо этого он повернулся ко мне спиной и исчез в толпе, отправившись по своим делам, а я уселся на стул, подложив под себя одну ногу, чтобы казаться повыше. Праздничная жизнь, как и положено, потекла дальше, словно вода по склону холма.

Внезапно гул людских голосов прорезал звучное (хотя слегка несогласованное) пение корнетов и сакбутов⁷. Гости мгновенно затихли. Музыканты начали исполнять медленный церемониальный марш, и в зал торжественно вступили король, королева и мать короля, а за ними следовали первые сановники: лорд-канцлер, архиепископ Уорхем; лорд – хранитель малой печати, епископ Фокс; министр, епископ Рассел. Завершал процессию Томас Уолси, священник, ведавший раздачей королевской милостыни. Должно быть, он не перетруждался, поскольку наш прижимистый король не был щедр на подаяния.

Но вот чудесное явление! Душа моя воспарила, я не мог отвести взгляд от нее – от королевы, моей матушки. С раннего детства я благоговел перед Богоматерью, Царицей Небесной. Ее изваяния стояли в наших детских, и каждый вечер я возносил к ней молитвы. Но один образ я любил более всего: находившуюся в часовне статую из слоновой кости. Она казалась мне очень красивой, стройной и безгранично милостивой, ее лицо озарялось рассеянной печальной улыбкой.

Моя мать всегда напоминала мне ту Богородицу. В душе моей они слились воедино, я одинаково почитал обеих и преклонялся перед ними.

Во все глаза глядя, как королева медленно проходит по залу, я будто лицецрел саму божественную Марию. Я напряженно подался вперед. От волнения у меня закружилась голова.

В полном молчании она шла рядом с королем, но не касалась его, и взор ее был устремлен вперед. Королева шествовала по залу, возвышенная и отстраненная, она плыла в голубом платье, и ее золотистые волосы почти скрывал усыпанный драгоценностями головной убор. Мать поднялась на помост. Она улыбнулась, приблизившись к Артуру, коснулась его щеки, и они обменялись парой слов.

Не могу вспомнить, перепадали ли мне такие ласки, да и радость от разговора с матерью я испытывал не чаще чем раз в год. Она легко родила меня и столь же легко забыла. Но возможно, на сей раз, когда королевская семья уединится для вручения подарков, матушка побеседует и со мной...

Государь обратился к придворным со вступительной речью. Его высокий голос звучал вяло и монотонно. Он приветствовал собравшийся в Шине двор и своего возлюбленного сына и наследника Артура, жестом повелев ему подняться, дабы все гости узрели его на рождественском празднестве. Король даже не упомянул о нас с Маргаритой.

Слуги принесли нам разбавленного водой вина, и начался пир: оленина, раки, креветки, устрицы, баранина, засоленная свинина, морские угри, карпы, миноги, лебеди, цапли, перепела, голуби, куропатки, гуси, утки, кролики, фруктовый заварной крем – так называемый кастард, ягнята, белый хлеб и так далее. Вскоре я потерял интерес к еде, хотя разнообразная снедь продолжала появляться на столе. После миног я уже ничего не мог в себя впихнуть и начал вежливо отказываться от новых предложений.

⁷ Сакбут – старинный тромбон.

– Тебе следовало лишь пробовать каждое блюдо, – наставительно прошептала Маргарита. – Это же не вечерняя детская трапеза! Ты объелся креветками и теперь не сможешь отве-
дать других вкусностей!

– Я же не знал, что их будет так много, – промямлил я, осоловев от вина (пусть разбав-
ленного) и сытости, да и час был поздний.

Мерцающее и колеблющееся пламя свечей и сама застольная атмосфера повлияли на
меня странным образом. Я гнал от себя сон и старался держаться достойно. Смутно помню, как
привезли грандиозный десерт, сахарную копию Шинского замка, но я уже решительно ничего
не хотел. Все мое внимание сосредоточилось на борьбе с сонливостью, я крепился изо всех
сил, боясь уронить голову на стол или сползти вниз и крепко заснуть.

После уборки столов началось бесконечное представление. Шутовские выступления
переменялись непонятными пантомимами. Я не мог постичь суть праздничного зрелища и
молился лишь о том, чтобы оно завершилось прежде, чем я опозорюсь, свалившись на пол и
доказав правоту отца, который считал, что мне еще рановато посещать пиры.

Уилл:

Откровенное мнение о том, как тогда зрители воспринимали шутов. Явно ошибочной
была традиция выпускать нас после застолий; набитые животы делали людей невосприимчи-
выми к любой умственной деятельности. После обильного угощения человеку тяжело сме-
яться, ему хочется спать. Я всегда полагал, что вместо древних римских вомиторий (где пиру-
ющие освобождались от тяжести раздутой утробы) у нас следовало бы устроить спальни, где
гости могли бы вздремнуть и переварить поглощенные яства. Возможно, в будущем королев-
ские архитекторы догадаются предусмотреть такие помещения. Безусловно, их нужно распо-
ложить непосредственно по соседству с Большим залом.

Генрих VIII:

Представление закончилось. Шуты удалились, выделывая причудливые акробатические
трюки и забрасывая зрителей бумажными розами и склеенными шарами. Король поднялся из-
за стола, жестом побуждая Артура последовать его примеру. Никому здесь не разрешалось
двинуться с места, пока венценосное семейство не покинет зал. Увидев, как отец с матерью и
Артуром направляются к выходу, я озадаченно думал, что же теперь делать мне и Маргарите.
Вдруг король обернулся и величественным кивком велел нам с сестрой присоединиться к ним.
Значит, он все-таки помнил, что мы участвуем в пиршестве.

Мы вяло потащились следом, понимая, что никто не собирается обращать на нас внима-
ние. Король на ходу деловито беседовал с Уорхемом, а мысли королевы, казалось, пребывали
далеко отсюда. За ней, вся в черном, точно ворон, семенила Маргарита Бофор, силясь под-
слушать, о чем говорит король. Рядом со мной шла моя сестра, жалуясь на свои узкие туфли,
поздний час и жаркое из лебеда, из-за которого у нее разболелся живот.

Королевские покои находились далеко от Большого зала, в другом конце манора, что
частенько являлось темой кухонных пересудов. Когда мы достигли их, я испытал крайнее разо-
чарование. Комнаты выглядели убогими и запущенными, даже детские в Элтаме были более
просторными и хорошо обставленными. Потолки потемнели от копоти чадящих сальных све-
чей, плиты полов покрылись щербинами и сколами. Несмотря на горящие камины, тут царил
ужасный холод. Сквозняки выдували все тепло, пламя факелов и свечей колыхалось и мерцало
в воздушных потоках. От холода я внезапно взбодрился и совершенно расхотел спать.

Но взволнованный король, казалось, не замечал никаких неудобств. Он призвал к себе
Рассела и Фокса, после короткого совещания оставил их и натянуто произнес:

– А теперь нам надлежит веселиться! Начались Святки. – Он улыбнулся королеве, хотя
его улыбка вышла похожей на нервный тик.

Она поднялась, стройная и прямая, как мраморная колонна.

– Дети мои! – сказала матушка, протягивая к нам руки. – Без них не бывает праздников. – Она повернулась к стоявшему рядом с ней Артуру и, взъерошив ему волосы, ласково произнесла: – Мой первенец.

Потом королева окинула взглядом комнату.

– И Маргарита. И Генри.

Улыбающаяся сестра быстро подбежала к матери. Я же направился к ней медленно, словно хотел удержать ее внимание подольше.

– Ах, Генри! Как вы подросли. Я слышала от Андре о ваших успехах в учебе.

Ее тон казался сердечным, но слова... Они могли быть сказаны любому из нас. На мгновение я возненавидел королеву.

– Благодарю вас, миледи, – выдавил я и умолк, ожидая продолжения разговора. Но его не последовало.

Король опустился в старое, продавленное кожаное кресло. Приказав принести вина, он осушил два кубка для продолжения «веселья». Я уже сожалел, что не остался в детской.

Внезапно отец поднялся.

– Да, начались Святки, – повторил он, словно забыв, что уже говорил это. – И я благодарен, что праздную их вместе со всей семьей. Сейчас мы обменяемся подарками... вернее, вручим подарки нашим детям.

По его знаку церемониймейстер вынес поднос со свертками.

– Вот это для Артура.

Я обрадовался. Раз стали вызывать нас по именам, то и для меня вскоре настанет черед получить подарок.

Взяв объемистый пакет, Артур обхватил его поудобнее и вернулся на свое место.

– Нет, нет! – резко воскликнул король. – Откройте же!

Брат поспешно сорвал обертку. Внутри оказалась сложенная вещь. Что-то мягкое и белое. Я понял: это бархатная мантия, отделанная горностаем! Она упала на колени Артура. Он встряхнул мантию, и ему пришлось встать, чтобы полностью развернуть ее. Король напряженно следил за ним.

– Благодарю вас, отец, – сказал Артур. – Благодарю вас, матушка.

– Шикарная? – просияв, спросил король. – Примерьте-ка ее!

Артур накинул мантию, и все неловко примолкли. Она оказалась слишком большой и смехотворно волочилась по полу. Брат выглядел в ней как карлик.

Увидев это, его величество взмахнул рукой.

– К вашему венчанию она будет как раз впору, – вспыльчиво произнес он. – Разумеется, вам еще надо подрасти.

– Разумеется, – льстиво прошелестели придворные.

Артур снял и свернул свой подарочек.

Маргарите вручили жемчужный головной убор.

– К вашей свадьбе, – проговорила королева и мягко добавила: – Ждать осталось недолго.

Года два или три...

– Да.

Сестра сделала неуклюжий реверанс и протопала на свое место. Она плюхнулась на стул, сжав изящное украшение в испачканных руках так, что едва не испортила его.

– А вот это для Генри...

Услышав свое имя, я подошел к королеве, и она протянула мне подарок со словами:

– Также к вашему венчанию.

Я взял маленький пакет, и матушка кивнула, предлагая развернуть его. Я обнаружил в нем изысканно иллюстрированный часослов и удивленно взглянул на нее.

– К вашему венчанию с церковью, – пояснила она. – Раз уж вы достигли хороших успехов в учебе, то, вероятно, с пользой изучите и сию богослужебную книгу.

Я огорчился по совершенно необъяснимым причинам. Чего же еще я мог ожидать?

– Благодарю вас, миледи, – пролепетал я и понуро вернулся на свое место.

Праздничная ночь продолжалась, но веселье было весьма натянутым. Большую часть времени король совещался со своей матерью, а королева, ни разу не поднявшаяся с украшенного затейливой резьбой стула, чтобы поговорить с кем-то из нас, беспокойно теребила завязки наряда и прислушивалась к напряженному шепоту сидевшей рядом с ней Маргариты Бофор.

Порой и до меня доносились отдельные слова: «Корнуолльцы... Войска... Тауэр... Поражение...»

Никто больше не упоминал об участии льва и мастифов. Надо сказать, этот праздник все больше озадачивал меня. Я не понимал, что происходит, хотя тогда многое оставалось для меня неясным.

Я удивлялся: зачем королю (известному своей прижимистостью) понадобилось устраивать столь дорогостоящий пир? Почему, несмотря на призыв веселиться, отец выглядел мрачным? И какое отношение к нашему Рождеству имеют корнуолльцы?

Пытаясь разобраться во всех этих непонятностях, я покорно тарасился в часослов, чтобы порадовать матушку, и вдруг в нашу гостиную ворвался курьер. Дико озираясь, он выпалил во всеуслышание:

– Ваша милость... корнуолльцы набрали пятнадцать тысяч! Они уже в Уинчестере! Уорбек коронован!

Отец выпрямился, лицо его стало непроницаемым. Тишина прерывалась лишь его затрудненным дыханием. Потом губы короля разомкнулись, и он произнес лишь одно слово:

– Опять!

– Изменники! – презрительно прошипела Бофор. – Накажите их!

Генрих Тюдор повернулся к ней.

– Всех, мадам? – вежливо поинтересовался он.

Я заметил, как сразу исказились ее черты. Тогда я не знал, что брат ее мужа, сэр Уильям Стенли, только что переметнулся на сторону нового претендента на трон.

Она не отвела взгляд, сталь столкнулась со сталью.

– Всех, – подтвердила она.

Курьер подошел к ним, и началось бурное, крайне тревожное совещание. Я следил за королевой: она побледнела, но казалась бесстрастной. Вдруг матушка встала и направилась к нам с Маргаритой и Артуром.

– Уже поздно, – сказала она. – Вам, дети, пора спать. Я пошлю за госпожой Льюк.

Только началось что-то интересное, как ей захотелось отправить нас в детскую!

К моему великому огорчению, няня Льюк пришла очень быстро и увела нас. Она оживленно забрасывала нас вопросами о прошедшем пиршестве и о наших подарках. На обратном пути в наши покои я замерз еще больше, чем в апартаментах короля. Холод струился по открытым галереям, словно вода через решето.

Укрепленные на стенах факелы отбрасывали длинные тени. Светили они тускло, должно быть, из-за позднего времени, а прогорев почти до конца, начинали сильно чадить.

На самом деле в коридорах стояла дымовая завеса, которая становилась все гуще. Когда мы свернули в очередной проход, вдруг ощутимо потеплело, хотя нельзя сказать, что стало жарко. Я начал стаскивать плащ. Помню, мне удалось расстегнуть пряжки на полах потертого бархата, и я с облегчением избавился от его душной тяжести – и почти в то же мгновение услышал первый истошный крик: «Пожар!» Даже сегодня, когда я берусь за плащ, в ушах раздается тот жуткий вопль...

А потом перед нашими глазами предстала страшная картина – красные сполохи вырывались из Большого зала. Огонь пировал там, как мы сами всего несколько часов тому назад. Прожорливые языки пламени уже лизали крышу замка. До сих пор никто не поднял никакой тревоги, никто не бегал по двору, призывая на помощь. Казалось, разбушевавшаяся стихия устроила во дворце собственный праздник.

Вскрикнув, Льюк побежала обратно в королевские апартаменты, увлекая нас за собой. По пути мы наткнулись на двоих спящих стражников; она разбудила их, крича о пожаре. Мы влетели в гостиную, и перепуганная няня начала что-то бессвязно лепетать и заикаться. Король, еще говоривший с курьером, явно рассердился из-за ее вмешательства. Но Энн распахнула массивную дверь, выпустив внутрь черное дымное облако.

– Ваша милость, ваша милость... – бормотала она, беспомощно взмахивая руками.

Король подскочил к окну и выглянул во двор. Пламя уже охватило крышу. Мы с ужасом видели, как коробится и оплавляется, будто свечной воск, черепица. Чуть погода порыв ветра обдал волной жара наши лица.

Король опомнился и стал отдавать приказы.

– Уходим! – воскликнул он, и в его невыразительном голосе зазвучали четкие повелительные нотки. – Все уходим!

Мы бросились в коридор, заполненный дымом и освещенный отблесками огня, и спустились по потайной лестнице в подземный ход, который вывел нас за стены манора. За нами последовали стражники. Король крикнул:

– Бейте в набат! Выводите всех за крепостные стены! А не во двор! К реке! – Он обернулся к нам и, подталкивая нас к дороге на пристань, повторил: – Да, всем к реке!

Манор уже напоминал гигантский пылающий факел. Почти все постройки были деревянными, а сухое дерево отлично горело. Начали обваливаться прогорающие крыши, и мы ускорили шаги, услышав за спиной жуткий треск и скрежет: рухнули своды Большого зала. Оглянувшись, я увидел огромную арку взлетевших к небу искр и клубов дыма. Потом меня сбил с ног бегущий сзади Артур.

– Хватить глазеть, тут нельзя медлить! – крикнул он. – Надо торопиться!

Я поднялся и устремился вперед, к реке, в которой чудно отражались красные отсветы пожара. В незамерзшей глубине плясали языки огня, будто воспаляя саму воду.

Король остановился на берегу.

– Здесь мы будем в безопасности, – заявил он.

Собравшись вокруг него, мы молча смотрели, как сгорает Шинский манор.

– *Sic transit gloria mundi*⁸, – перекрестившись, произнесла Маргарита Бофор.

Она глянула на меня сверкающими черными глазами, а я в странном оцепенении, какое бывает в моменты потрясений, отметил, что в ее зрачках мечутся огоньки пожара.

– Однажды это будет темой вашей проповеди, Генрих, – добавила бабушка, – поучения о том, как скоротечно все в земном мире. – С каждым словом речь ее становилась более насыщенной и цветистой. Очевидно, ей самой хотелось сейчас прочитать проповедь. – Сие есть кара Господня в наказание за наше тщеславие.

– Сие есть происки корнуолльцев, – возразил отец. – Либо их приспешников.

Он поднял булыжник и яростно швырнул его в реку. Отскочивший ото льда камень пролетел несколько футов и тихо плюхнулся в стылую воду. По ней пошли черные круги с жидкой огненной каймой.

– Теперь нам придется отправиться в Тауэр. И наше бегство будет выглядеть так, словно мы вынуждены искать спасительное убежище. Они предусмотрели такой исход.

⁸ Так проходит мирская слава (*лат.*) – обращение к папе римскому во время возведения в сан.

И вдруг меня осенило. Я понял то, что слегка озадачивало меня сегодня: отец устроил роскошный пир, чтобы показать двору и влиятельной знати, сколь он богат и могуществен, как надежно и незыблемо его положение. Он приказал доставить всех детей в Шин, Артура усадил рядом с собой и после празднества привел в свои апартаменты Маргариту и меня, дабы показать сплоченность королевской семьи, представить фалангу своих наследников.

Он повесил собак, потому что страна кишела заговорщиками и ему хотелось предупредить потенциальных изменников, что никакой милости от него они не дождутся. Зрелище имеет особую ценность, оно даже важнее действительности. Люди верят только тому, что видели воочию; не важно, было ли это обдуманым обманом или ярким представлением.

И еще я осознал нечто более важное: враг силен и способен разрушить все в одно мгновение, вынуждая вас сыпать проклятиями и швырять камни в реку. Поэтому всех недругов необходимо уничтожить. Надо всегда быть настороже.

Но более всего меня потрясло ужасное открытие: трон отца не так уж прочен. Эту истину вбили мне в душу ледяными гвоздями. Завтра, через неделю или через год он может потерять корону...

– О Генри, ну почему?.. – всхлипнул Артур, все еще прижимая к себе горностаевую мантию.

Чуть помедлив, он сам попытался ответить на свой вопрос.

– Наверное, повара проявили небрежность. – Он шмыгнул носом и вытер его рукой. – Когда я стану королем, то сделаю кухни более безопасными.

И тогда я тоже заплакал, но не от страха перед пожаром, а из-за Артура, жалкого глупого Артура... Но пришлось согласиться с ним, и я сказал:

– Конечно. Очень важно, чтобы на кухне все было надежно.

Шинский манор выгорел дотла. Ради безопасности мы перебрались в Тауэр, войска отца разбили корнуолльских мятежников, но не сразу, а лишь когда они подошли к Лондону. Великая битва произошла за Темзой на пустоши Блэкхит, и из верхних окон Тауэра нам было видно, как сражались солдаты, как поднимались вверх клубы пушечного дыма. Мы различали даже распростертые кое-где тела, которые уже не шевелились, а к концу дня они гораздо превосходили числом передвигающиеся фигурки.

Уорбека взяли в плен и надежно заперли в тюремной камере Тауэра, после чего мы сразу покинули его. Все оказалось так просто: сила на стороне того, кто вышел из этой крепости. Отец утвердил свое королевское могущество и мог ходить свободно, где пожелает, а самозванца заключили в темницу за неприступными стенами.

Король лелеял грандиозные планы по перестройке Шинского манора в современном стиле, со множеством застекленных окон. Дабы подчеркнуть недавнюю победу, он дал новому дворцу название Ричмондского. (До восшествия на престол Генрих Тюдор носил титул графа Ричмонда.) Наш бережливый отец затратил огромные, по его понятиям, суммы на строительство этого сооружения, и результат получился на редкость великолепным.

Еще король вознамерился как можно скорее обвенчать Артура с его давней нареченной, принцессой Екатериной Арагонской. Он мечтал увидеть, как наследник взойдет на супружеское ложе.

4

Обручение брата состоялось еще в купели, когда его нарекли именем Артур «в честь британского народа». Разве не лучше всего почтить Британию, осчастливив ее новой королевской династией? Отец, как обычно, метил высоко. (Лишь спустя годы я понял, что он мог бы стать отменным игроком. Какая жалость – и урон для кошелька! – что он не играл из принципа.) Испания была очевидным выбором, поскольку король верно решил, что не стоит домогаться очередной невесты у нашего вечного врага Франции. Если испанцы позволят своей принцессе войти в династию Тюдоров, то это станет доказательством того, что нас признали законными правителями. И тогда отец в который уж раз – как в случае с предателями-мастифами – покажет свое умение устраивать грандиозные зрелища. Они должны возвестить всему миру: «Смотрите, смотрите, я – истинный монарх». Ведь древние королевские династии никогда не согласились бы на брачные узы с Перкином Уорбеком или ему подобными самозванцами. А как только новый союз принесет сыновей, иссякнут любые мыслимые сомнения о достоинстве рода Тюдоров. Отпрысков Артура и Екатерины с радостью примут при любом европейском дворе.

По-моему, в то время в Европе еще упорно считали, что Англия не является государством с культурной точки зрения. Нас воспринимали как отсталых островных варваров, из-за наших ужасных династических войн, память о которых еще жива в нынешнем поколении. Конечно, англичане не казались столь же дикими, как шотландцы или ирландцы, но все же нашу страну опасались признавать частью цивилизованного мира.

До нас все новшества доходили слишком долго. Когда мне было около десяти лет, в самом начале шестнадцатого века, народ наш еще не слыхивал о застекленных окнах. Без всяких шуток, простые англичане не пользовались вилками (они их даже не видели), носили исключительно шерстяные одежды, а рацион ограничивался традиционно тремя «би»: beer, bread and beef – то есть пивом, хлебом и говядиной. Каменные полы не застилали коврами, там валялась лишь солома, заплыванная и грязная от объедков и прочего мусора. Сам король трапезничал за шатким складным столом, и лишь во время родов женщины могли надеяться, что им дадут подушку. Такую жизнь вели англичане, тогда как итальянские принцы роскошествовали в особняках, залитых солнцем и окруженных парками, обедали за мозаичными мраморными столами, вкушая разнообразные и изысканные блюда.

Ренессанс, Возрождение – иноземные для нас термины, а все чужое считалось подозрительным. Наши лорды упорно содержали частные войска, хотя европейские правители давно уже сосредоточили государственные военные силы в своих руках. В Англии даже при дворе не исполняли иной музыки, кроме древних мелодий на устаревших инструментах, причем зачастую играли их бедные и неумелые менестрели, собравшиеся вместе волей случая. Парламент созывался только для сбора денег на королевские нужды, а потом зачастую подданные отказывались выплачивать названные суммы. Европейские послы рассматривали назначение в нашу страну как ссылку, где им придется терпеть всяческие лишения и жить среди странных необузданных дикарей; они молили Бога дать им силы выдержать сие испытание и дожидаться заслуженного поста при дворе просвещенного владыки.

Толпы простолюдинов изумленно глазели на переезды английского короля из одного дворца в другой. Вне сомнения, мы были для них важными персонами. Больше они ничего не знали – в отличие от иноземцев. Те откровенно подшучивали над венценосными особами и всей нашей потертой, нелепой и устарелой роскошью.

В десять лет, разумеется, я ничего этого не понимал, однако смутно догадывался о многом. Скажем, о том, что испанскому королю не хотелось посылать к нам свою дочь, несмотря на все подписанные договоры и обещания. Отмечал я и тот факт, что французский король или император Священной Римской империи ни разу не встречались с отцом, никогда не посещали

его двор и не приглашали к себе. Видел иностранных послов – бедно одетых стариков (а некоторые государства, насколько я знал, вовсе никого не присылали).

Я надеялся, что все изменится, когда мой брат займет трон. Мне хотелось, чтобы он стал новоявленным королем Артуром – могущественным властелином, исполненным чести, незыблемой силы и сиятельного величия, который способен превратить наш мир в райский сад. Безнадежно готовясь к участи церковного сановника, я воспринимал грядущее правление Артура как приближение нового золотого века, чье влияние распространится и на религию. При таком короле монастыри будут цветниками просвещения, а священники, достигнув высших добродетелей, примутся прославлять дары Спасителя... и так далее. Да, я усердно осваивал духовные премудрости, стремясь стать образцовым служителем Господа. У меня уже сложилось стойкое убеждение в том, что какое бы призвание ни уготовила нам судьба, его надо принять искренне и безоговорочно. Разве ветхозаветный пророк Самуил не был «испрошен от Бога» еще до рождения? Вероятно, и я избран Всевышним: должно быть, для меня у Бога есть особая миссия. И это оказалось правдой, хотя не в том смысле, в каком она мне виделась в детстве. Разве, став королем, я не исполнял Божью волю? Ведь я защитил истинную веру и уберег английскую церковь от заблуждений папства! Смог бы я осуществить это, если бы не получил должных знаний, если бы не провел детство за изучением Священного Писания? Ничто не пропадает даром, все в нашей жизни наделено особым смыслом. Все в руках Господа. Я уверен в Его всемогуществе.

Уилл:

Слышали ли вы когда-нибудь подобную чепуху? Генри обычно бывал весьма докучлив, когда надувался перед кем-либо и начинал разводить религиозную канитель. Сие есть великолепный пример. А хуже всего то, что он искренне и глубоко верил в свою правоту.

Генрих VIII:

Мне следовало бы испытывать неприязнь к Артуру, но я был далек от этого. Запрещалась даже зависть: если брату суждено быть королем, значит то Божий замысел. Мне ли соперничать с Создателем? В незапамятные времена Иаков попытался купить первородство, но его должным образом покарало. Изучая Книгу Бытия, я многое понял.

Артура называли образцовым принцем: любезным, блестящим, подающим большие надежды. Он отличался изяществом, внешней привлекательностью, образованностью, обладал восхитительными талантами. Никто не замечал его болезненности, мучительной застенчивости и явной нелюбви к военным искусствам (и это у наследника Генриха Тюдора, завоевавшего власть с оружием в руках!). Будущий король всегда обязан быть чудо-ребенком, феноменом, новым воплощением Александра Великого.

Когда с годами я стал выше и сильнее Артура и к тому же догнал его в учебе (бывало, он тайно просил меня сделать за него латинские переводы), этого никто тактично не замечал, как, впрочем, и меня самого.

И лишь Артур не обходил меня вниманием. Он любил меня и до странности завидовал моей свободе.

– Вы такой счастливый, Генри, – тихо сказал брат однажды после одного из визитов отца, когда тот превознес успехи Артура и небрежно кивнул остальным детям. – Никто вас не замечает. Их не волнует, что и как вы делаете.

«И поэтому он считает меня счастливчиком», – уныло подумал я.

– Вы вольны заниматься, чем вам угодно, – продолжил он, – выбирать, что нравится, братья за то, что подскажет вам воображение.

– Нет, – в итоге возразил я. – Так жить можете именно вы. Ведь за что бы вы ни взялись, вас все равно похвалят. А любые мои поступки могут назвать неправильными.

– Но разве вы не понимаете? Как прекрасна такая свобода... вы имеете право ошибаться! Как бы мне хотелось... – Вдруг смутившись, он умолк.

В тот чудесный день ранней весны, когда мы так откровенно разговорились, ему уже минуло пятнадцать, а мне – десять лет.

– Я хочу, Генри, чтобы вы помогли мне, – внезапно выпалил брат, меняя тему беседы.

– Как?

Меня озадачила его внезапная искренняя просьба.

– Вы такой ловкий... искусный наездник, – наконец произнес Артур. – Знаете, мне никогда... не нравились лошади. А теперь придется ехать верхом вместе с отцом встречать Екатерину, мою нареченную.

– Ну, когда она соберется сюда, вы успеете, пожалуй, разменять третий десяток, – усмехнулся я.

Всем было известно, что планы на венчание с Екатериной опять зашли в тупик.

– Нет. Ее приезд ожидается грядущей осенью. И мы сразу поженимся. Я знаю, что испанцы прирожденные наездники. Мать Екатерины, будучи беременной, скакала в битву на коне! А я... в общем, мне...

– Вам не хочется свалиться с лошади перед Екатериной, – закончил я. – Но, Артур, вы же ездите много лет, вас тренировали лучшие учителя. Чем же я могу помочь, если они не сумели? «Он не любит лошадей, не чувствует их, – подумал я, – и тут ничего не поделаешь».

– Я не знаю, – с несчастным видом вымолвил он. – Если бы только...

– Изо всех сил попытаюсь быть вам полезным, – сказал я, – но если уж вам не удастся верховая езда, то почему бы вообще не отказаться от этой затеи при встрече с Екатериной? Может, вместо того, чтобы гарцевать на лошади, вы удивите ее песнями или танцами?

– У меня нет ни голоса, ни грации, – мрачно заметил он. – Вот вы хорошо поете и танцуете, а я в этих искусствах не силен.

– Почитайте невесте стихи.

– Терпеть не могу поэзию.

На что же тогда он способен? Я задумался.

– Тогда заставьте петь и плясать шутов и снисходительно поглядывайте на их выкрутасы.

– Есть и еще одна сложность! Э-э... первая брачная ночь! – Его голос прозвучал выразительнее обычного.

– Ах. Ночь... – беспечно бросил я, изображая знатока.

Он слабо улыбнулся.

– По крайней мере, тут неуместно просить вас о помощи, – попытался пошутить Артур, и эта его шутка – я не преувеличиваю! – не давала мне покоя долгие годы.

Итак, планы наконец осуществились. Артур должен жениться без промедления, и испанская принцесса уже на пути в Англию. Плавание займет не менее двух месяцев. Но она приезжает! И тогда, после долгих лет скучных будней, начнутся великолепные празднества в честь новобрачных. Отцу придется расщедриться, ибо внимание всей Европы будет приковано к английскому двору, все будут смотреть на нас и оценивать. В столице ожидаются роскошные пиры, пышные уличные зрелища, повсюду возведут затейливые аллегорические арки, а городские фонтаны в день свадьбы будут бить красным и белым вином. (Мой духовник уже укорял меня за то, что я, по его словам, чрезмерно очарован блеском и тщетой суетного мира.) А больше всего меня радовало, что мне тоже сошьют новый наряд.

Я ненавидел отцовскую скупость. Мне надоели траченные молью плащи, застиранные рубашки с рукавами, из которых руки торчали почти по локоть. Ростом я уже почти сравнялся с Артуром, и вся моя одежда была мне смехотворно мала. Когда я наклонялся, штаны врезались в зад, а если расправлял плечи, то камзолы трещали по швам.

– Вы прямо вылитый дедушка, – с восхищением твердила няня Льюк, не замечая, как я морщился от ее слов. – Таким же рослым, должно быть, станете. Уж он-то был видным мужчиной. Шутка ли – шесть футов и четыре дюйма ростом!

– К тому же он слыл красавцем! – не удержавшись, добавил я.

– Да уж, – с кислой миной согласилась она, – только чрезмерная красота, видно, не пошла ему на пользу.

– А разве может красота кому-то повредить? – поддразнил я.

– Еще как! Она-то его как раз и сгубила. И вам красота ни к чему. Зачем она священнику? Если вы станете слишком красивым, один ваш вид будет пробуждать в людях тревогу. Никто не захочет исповедаться вам в своих грехах.

– Но мне же самому придется в них признаваться, – рассмеялся я.

– Генрих! – возмутилась няня. – Не следует настраивать себя на греховные мысли.

– Вы правы, госпожа Льюк. Надо грешить бездумно, как придется.

Я с удовольствием наблюдал за растерянным выражением ее лица. Она спешно удалилась, не желая слушать непристойные речи. По правде говоря, я смутно представлял, что значит согрешить, хотя порой замечал, как некоторые молоденькие служанки зазывно поглядывают на меня. Для них, наверное, это не было тайной.

Екатерине не удалось высадиться в Дувре, как предполагалось. Из-за шторма корабль сбился с курса, и испанцы смогли причалить только в Плимуте – откуда к Лондону вела длинная дорога, утопающая в слякоти.

Тем не менее протокол требовал, чтобы король официально встретил невесту сына и выразил радость по поводу ее прибытия в Англию. Стало очевидно, что Артур не сможет сопровождать его. Он недавно болел, и его еще мучил кашель. Врачи предписали ему сидеть дома и греться у камина, дабы окрепнуть и набраться сил в преддверии грядущего свадебного испытания. Поэтому мне велели отправиться с отцом в Плимут и привезти Екатерину в ее новый дом.

Стояла поздняя осень, туманная и холодная. Листья с деревьев уже облетели, земля стала уныло-бурой, и окутанные туманом дали выглядели безрадостно. Путешествие наше обещало затянуться из-за грязных дорог. Однако меня это ничуть не обескуражило; я радовался тому, что вырвался из надоевших дворцовых стен. Распахнув глаза, я с интересом взирал на все, мимо чего мы проезжали: на убогие деревни, восторженные толпы поселян, бескрайние желтеющие луга и темные, напоенные влагой леса.

Через несколько дней мы добрались до места высадки испанцев. Они кое-как разбили лагерь – поставили несколько жалких палаток. С высокомерно задранной крыши стоящего в центре королевского шатра стекали дождевые струи. На флагштоке трогательно болтался насквозь промокший королевский штандарт.

Близился вечер, в конце дня холод уже пробирал до костей и промозглый туман просачивался под плащи. Как хорошо, что скоро мы будем сидеть под пологом, где сухо и тепло. Спешившись, я бодро шлепал по лужам рядом с отцом, который широким шагом направился к входу в шатер.

Но его тут же выставили обратно. Короля – выгнали вон! Он расхохотался, не веря происходящему. Выяснилось, что по испанскому обычаю невесту нельзя видеть до дня свадьбы никому, кроме ее родных.

Отец стоял как вкопанный.

– Я король этой страны, – произнес он обманчиво спокойным тоном, – а в Англии так не принято. Чужой обычай силы у нас не имеет.

И он решительно устремился к пологу, отпихнув протестующих стражников.

– Неужели испанцы считают меня дураком? – проворчал отец. – Не могу же я женить наследника на той, кого в глаза не видел, – может, она рябая или увечная! Я желаю лично увидеть принцессу!

Верная охрана делала робкие попытки остановить его, но он пролетел мимо и ворвался в шатер. Я последовал за ним.

Мы попали в настоящий гарем. Здесь были одни женщины! Нас встретила стайка смущенных камеристок, они лихорадочно пытались привести в порядок разбросанные повсюду вещи и туалетные принадлежности. В воздухе витал аромат благовоний. Стоя посреди дамских накидок и бархатных подушек, мы ощущали себя грязными, громоздкими и неуклюжими.

В занавешенной пологом части шатра началось явное смятение: принцессе доложили, что в ее личные покои ворвались чужие. Безусловно, она была вправе выйти и выразить свое возмущение. Я уже представлял ее: худощавую и нервную, с поджатыми губами, – идеальную невесту для Артура.

Но прежде чем увидеть Екатерину, я услышал ее голос: тихий, мелодичный, вовсе не ворчливый или рассерженный. Потом появилась и она сама – в пеньюаре, с непокрытой головой. Распущенные волосы раскинулись пышными золотисто-русыми волнами по ее хрупким плечам.

Принцесса была прекрасна, как дева из романа «Смерть Артура»⁹, как златовласая Элейн, очаровательная Инид¹⁰. Я мог бы сравнить ее с Андромедой, прикованной цепями к скале, в ожидании спасителя Персея в том древнем мифе, который я старательно перевел с греческого. Эти красавицы ожили для меня, когда я взирал на Екатерину.

Что уж тут говорить? Я влюбился в нее с первого взгляда. Конечно, вы возразите, что ребенку, десятилетнему мальчику, недоступно это чувство. Однако оно вспыхнуло мгновенно, хоть мы не успели сказать друг другу ни слова. Я полюбил испанскую принцессу с поразившей меня самой слепой преданностью. Я глазел на нее, охваченный неведомой мне доселе острой ревностью к Артуру, которому Екатерина будет принадлежать.

Нам предстояла формальная церемония обручения, где я должен был заменить Артура. И мне подумалось, что я не вынесу этого.

Но все прошло на редкость гладко. Ранним утром следующего дня мы с невестой стояли перед священником в ее шатре, вяло повторяя латинские обеты. Екатерине исполнилось пятнадцать лет, но по росту я уже догнал ее. Покосившись в ее сторону, я выяснил, что наши глаза находятся вровень.

Вдруг обнаружив, что она то и дело посматривает на меня, я испытал странное волнение. Но потом, перехватив ее взгляд, я понял, что он выражает. Введенная в заблуждение моим высоким ростом и крепким телосложением, Екатерина видела во мне, втором сыне короля, мужчину. Так на меня никто никогда не смотрел, и за это она полюбилась мне еще больше.

Но ее предназначили в жены Артуру, а сам он станет королем, что я принимал безоговорочно – по крайней мере, так мне казалось. Могут ли тайные желания, желания, в коих не признаешься даже самому себе, сбыться? Задаваясь таким вопросом, я не желал знать ответ.

Венчание должно было состояться четырнадцатого ноября, и ожидалось, что в течение года у молодых супругов родится первенец. Король никогда не говорил об этом, но я слышал болтовню шутов и слуг (все они так откровенничали при мне, словно я уже стал священником). Да, все ждали, что к Рождеству будущего года в Англии появится очередной наследник; более того, только такие надежды и могли питать верноподданные.

⁹ «Смерть Артура» – рыцарский роман Томаса Мэлори, изданный в XV веке.

¹⁰ Элейн, Инид – героини артуровских легенд.

Для особы, обремененной столь громадной ответственностью, Артуру явно не доставало воодушевления. По мере приближения дня свадьбы он делался все более апатичным. Он поху-дел и совсем упал духом; очевидно, ему не хотелось жениться. Однажды он зашел ко мне якобы для того, чтобы я помог ему примерить новые одежды, и с ходу начал плакать и жаловаться, как ему неохота рядиться в них и как все осточертело...

– Я не желаю проходить свадебный ритуал на глазах тысяч людей, – произнес он дрожащим голосом, стоя перед поясным зеркалом в своей белой бархатной мантии.

Через три года она таки стала ему впору.

– Ну это же ваш долг, ничего не поделаешь, – беспечно бросил я и, гримасничая перед зеркалом, стащил с брата шляпу с перьями и нахлобучил на свою голову. – Думайте лучше о том, что произойдет после всех церемоний.

Кое-что я уже знал об этом деле, хотя представления мои были туманными и путанными.

– Об этом мне вообще не хочется думать, – тихо проронил он.

– Тогда и не надо. Возможно, так даже лучше.

Повертевшись, я оценил, как смотрится на мне шикарная шляпа. Честно сказать, мне не понравились завернутые поля.

– Вы не понимаете... – Он помедлил и прошептал: – Ничего не понимаете.

– Да мне ясно, что вам страшно, – внезапно рассердившись, заявил я. – А то, чего вы боитесь, не имеет значения. Но ежели и другие увидят, что вы трясетесь, ничего хорошего не выйдет. Страх нельзя показывать, Артур. Вам необходимо избавиться от него, по крайней мере, скрыть от людей.

– Разве вы, Генри, никогда ничего не боялись? Нет, я не верю, вас тоже наверняка что-то пугает...

Мне пришлось отвернуться, чтобы избежать честного ответа: «Да. Меня частенько охватывает страх». Ничего не поделаешь, он жил и во мне, и все же я давно научился подавлять его и прятать под маской. Но меня порадовали слова Артура. Он думает, что я безбоязнен. Это означало, что окружающие не понимают, что я испытываю на самом деле.

С нарочитой небрежностью я бросил шляпу, целясь брату в голову. Она шлепнулась ему прямо на макушку. Невольно расхохотавшись, я услышал и его ответный смех.

Артур считал меня счастливым. Этого было достаточно. Скромный триумф на фоне его главной победы казался мне сладким как мед и опьянял, словно неразбавленное вино. Хотя по молодости лет мне еще не разрешали его пробовать... А также считалось, что я слишком мал для того, чтобы испытывать любовь к принцессе Екатерине.

Четырнадцатое ноября выдалось ясным и теплым – из той краткой череды последних ласковых солнечных дней перед воцарением зимы, что в одних странах называют бабьим летом, а в Португалии, к примеру, летом святого Мартина.

«В хорошую погоду на улицы может выйти очень много людей», – подумал я, удивившись пришедшей мне в голову зрелой мысли.

Я не появлялся перед лондонской толпой семь лет, с тех самых пор, как меня провозгласили герцогом Йоркским.

Мне предстояло сопровождать Екатерину от ее восточных покоев в Вестминстерском дворце до собора Святого Павла, где их с Артуром обвенчают. Ей не полагалось видеть его до их встречи в храме: преждевременное знакомство сулило несчастье. Таким образом, мне выпала честь проехать рядом с невестой по Лондону, внимая восторженным приветствиям, предназначенным для жениха.

По этому случаю меня нарядили в новый костюм из белого бархата. Екатерина, как и подобает невинной деве перед свадьбой, надела платье из белой, отделанной серебром парчи.

Для нас приготовили белоснежных лошадей. Наша пара будет выглядеть ангельски красиво, и ее издали заметят даже полуслепые горожане, когда мы поедем бок о бок по улицам.

Верхом на изящной белой кобыле невеста выехала на двор. По-моему, с нашей первой встречи она успела еще больше похорошеть, ее бледные щеки раскраснелись маковым цветом. Принцесса волнуется или боится? Я склонился к Екатерине и слегка пожал ее руку, а она в ответ крепко стиснула мою. Ее пальцы были ледяными. Должно быть, она похолодела от страха.

И вот распахнулись дворцовые ворота. За ними простиралось море голов. Люди дожидались нашего выезда, некоторые стояли здесь с рассвета. При нашем появлении они разразились восторженными криками и забросали нас охапками поздних осенних цветов. Я заметил, что Екатерина съезжилась, но я словно опьянел, чувствуя странное возбуждение в чреслах. Мне ужасно нравились изумленные взгляды, приветствия, внимание толпы и хотелось ехать вот так всю жизнь. Я порадовался тому, что нам предстоит длинный путь до собора Святого Павла.

В Лондоне согласно переписи населения, которую постоянно проводили по приказу отца, насчитывалось уже более ста тысяч горожан. Мне подумалось, что все они нынче высыпали на улицы поглазеть на нас. Воистину, я даже представить не мог такое множество народу. И такое всеобщее ликование...

Дорога к главному собору проходила вдоль Темзы по немощеному Стрэнду. Справа от нас возвышались особняки дворян и прелатов, а к набережной узкими полосами тянулись их сады, ворота которых выходили на личные лодочные пристани. На другом берегу реки я хорошо видел Ламбетский дворец архиепископа Кентерберийского. В лучах полуденного солнца старые кирпичи порозовели. Здание стояло уединенно, хотя неподалеку там и сям темнели жилые домики и лавки. Это местечко называлось Саутуорк, и я знал (от Скелтона), что именно тут, прямо под стенами резиденций архиепископа и прочих Отцов Церкви, расположены пивные, таверны, увеселительные парки и публичные дома. Один из самых известных притонов находился в такой близости от особняка епископа Уинчестера, что тамошних проституток прозвали уинчестерскими гусынями. Вопрос о том, принадлежит ли южный берег Темзы к святейшей или к мирской природе, очевидно, оставался открытым.

Наконец мы достигли Ладгейт-Хилла и вдруг сразу оказались в самом сердце столицы. Отсюда до собора Святого Павла уже было рукой подать. Перед входом в храм соорудили дощатый тротуар и покрыли его белыми коврами. Сейчас мы с Екатериной пройдем по центральному нефу до самого алтаря, где я передам невесту жениху.

После яркого солнечного света в сумраке собора я почти ничего не видел. Сам он казался огромной пещерой, в глубине которой что-то ослепительно сияло среди неровно мерцающих огоньков канделябров. Там, судя по всему, и был алтарь. Взяв Екатерину за руку, я обнаружил, что она безжизненно холодна. Я заглянул в ее глаза. В них плескался страх. Под вуалью ее настороженное лицо стало совсем бесцветным.

Мне очень хотелось поговорить с ней, успокоить ее, но ее скудные познания в английском языке, равно как и мои в испанском, препятствовали взаимопониманию. Поэтому я лишь мягко коснулся ее рук и ободряюще улыбнулся. Ее ответная улыбка словно стала своеобразным сигналом к началу церемонии. Полились серебристые звуки труб, и мы торжественно направились к алтарю, где нас ждал Артур. Он стоял в просторной дали главного нефа, белея в полумраке, будто мотылек.

За церемонией венчания последовал сказочный свадебный пир. По всей длине Вестминстерского зала тянулись бесконечные столы, уставленные золотыми приборами и блюдами с самими изысканными и дорогими яствами – они походили на трехъярусные замки с фазанами и золотистыми лебедями, которые отражались в сказочных водоемах. Всю эту красоту создали изобретательнейшие королевские пекари и кулинары. Испанский посол посматривал на угощение оценивающе. Я заметил, как он ходит туда-сюда, делая вид, что любит сερвировкой,

а на самом деле мысленно составляет список блюд для доклада Фердинанду. Однажды, перехватив мой взгляд, он улыбнулся. Он не боялся моего неодобрения, мнение второго королевского сына, как он думал, имело ничтожное значение. Послы Франции и Священной Римской империи тоже прикидывали, во что обошлась свадьба англичанам. Отец же наблюдал за ними со своего возвышения. Он явно радовался, что все его безумные свадебные затраты сослужат ему добрую службу в дипломатических отчетах.

По окончании свадебного пиршества слуги унесли блюда и раздвинули столы, освободив место для бала.

Со мной еще не занимался учитель танцев, однако танцевать я очень любил и самостоятельно преуспел в этом искусстве, постигая его премудрости в уединении своей спальни. Сейчас узнаю, каких успехов я добился, ведь у меня будут настоящие партнеры, вот-вот зазвучит музыка... Я молился только о том, чтобы не выставить себя неуклюжим увальнем.

Мои молитвы были услышаны, да и самостоятельные занятия изрядно помогли мне. Хотя пришлось на ходу учиться незнакомым поклонам и поворотам, многое я уже умел. Я станцевал павану, бассданс и не опозорился в затейливом бургундском бранле. Вскоре мне стало так жарко, что захотелось снять камзол. Я забросил его в угол и с удивлением услышал одобрительные возгласы.

– Смотрите-ка, как разошелся юный лорд Генри! – воскликнул кто-то.

И я продолжал отплясывать, но в конце концов запыхался и взмок от жары. Тогда я пробрался в уголок и привалился к стене. Ручейки пота заливали мне глаза, стекали по щекам и спине, пропитывая рубашку.

– Не желаете ли узнать вашу славную судьбу? – вдруг прошептал чей-то голос мне на ухо.

Обернувшись, я увидел рядом нарядную даму. Глаза ее странно поблескивали, и она склонилась ко мне с заговорщическим видом.

– Мне нельзя находиться здесь, – продолжила она. – Если меня заметят, я пропала. Но я прихожу на все королевские свадьбы. Гуляла и у нынешнего короля, – дама кивнула в сторону моего отца, – а также у несчастных Ричарда и Эдуарда... Да, не попала, пожалуй, только на один пир, хотя то было тайное венчание, может, ведьме так и не удалось окрутить его!

Она явно подразумевала мою бабушку, Елизавету Вудвилл. Я стоял в напряженной позе, не говоря ни слова.

– Так вы не любопытны? – спросила женщина, словно мое молчание обидело ее.

Медленно подобрав подол платья, она собралась уходить. И как только она отступила от меня, ее узнал один из королевских гвардейцев.

– Ну надо же, опять она! – вздохнув, воскликнул он, быстро направляясь следом за ней. – Валлийская гадалка! Колдунья!

Задержав даму, он спешно препроводил ее к выходу и выставил из зала. С извиняющимся видом страж глянул в мою сторону и, расстроено покачав головой, добавил:

– Гости слетаются сюда как мухи! За всеми не уследишь!

В тот вечер Артур повел Екатерину в свою постель. А я, в одиночестве ворочаясь в своей детской кровати, раздумывал о том, почему та валлийская дама назвала мою бабку ведьмой... Надо же было отвлечься от мыслей о том, чем сейчас занимается – или не занимается – Артур. Кто знал, что спустя многие годы над этим вопросом будут ломать голову многие ученые мужи?

5

На следующее утро Артур призвал в спальню придворных. Потребовав вина, он осушил пару кубков, после чего поведал о том, что исполнение супружеского долга усиливает жажду и прочие чувства. Его просто распирало от гордости. Наследник твердил о своих подвигах целый день. С этими словами он бросился и ко мне, как только увидел. И даже изобразил мужественный смешок.

Все рождественские празднества Артур и Екатерина провели при дворе, и я понял, что мне невыносимо видеть их вместе. Пребывая в мрачном настроении, я старался избегать увеселений. Это было так не похоже на меня, что однажды сама королева отыскала своего несчастного сына в пустой мансарде под дворцовой крышей. Мне казалось, никто не знает, где я прячусь, но она, очевидно, выяснила.

В моем уединенном уголке стоял дикий холод; никто не зажигал там камины. Снизу из Большого зала до меня доносились лишь слабые отзвуки музыки и людского смеха. Проходил очередной маскарад, очередной бал. Заткнув покрепче уши, я приник к затянутому паутиной оконцу и грустно смотрел, как косые лучи низкого декабрьского солнца озаряют бурю землю, достигая дальних лесных угодий. Золотистая дымка покрывала застывший мир. Я видел суда, бросившие якоря на Темзе. Они замерли, словно в ожидании. В ожидании чего?..

Мне вдруг отчаянно захотелось стать моряком, жить на одном из кораблей и провести на море всю жизнь, плавая под парусами по всему свету. В сравнении с такой заманчивой перспективой положение принца – такого, как я, – казалось чрезвычайно скучным и нудным. Я мог бы для начала... спуститься к докам и побольше разузнать о кораблях. Я схожу туда тайно! Если одеться попроще, то никто меня не узнает... Тогда отец не запретит... А уж потом я стану опытным моряком и поплыву, куда захочу, исчезну из Англии, забуду прежнюю тоску, стану странствующим принцем... и испытаю много увлекательных приключений! Здесь больше никто не услышит обо мне, а я буду хранить тайну о своем дворцовом прошлом. Я стану сражаться с чудовищами, участвовать в морских баталиях и...

– Генри? – прервал мои мечты тихий голос.

Я обернулся с виноватым видом и увидел королеву.

– Генри, что вы делаете здесь в одиночестве?

– Думаю о своем будущем.

– Ваш отец уже позаботился о нем.

Еще бы. Он хочет сделать из меня священника. Что ж, им придется подыскать кого-то другого, чтобы напялить на него сутану, стихарь и пояс. А я буду плавать по морям и океанам.

– Вам незачем беспокоиться о будущем, – сказала матушка, желая меня утешить, – не надо прятаться и избегать веселья.

– Праздники утомили меня, – с важным видом заявил я. – Надоели и поеденные молью маскарадные костюмы!

Почему-то именно их потрепанный вид сильно смущал меня. Я знал, что испанский посол все видит и посмеивается над нами.

– Да, я понимаю, – кивнула она. – Они изрядно поношены...

– Но почему бы тогда не сшить новые? – с жаром спросил я. – Почему?

Она предпочла не расслышать мой вопрос и отмахнуться от всего, что он влек за собой.

– Скоро начнутся танцы. Пожалуйста, приходите. Вы очень способный танцор.

– Способный танцор! – ворчливо повторил я. – Мне придется выкинуть балы из головы... если, конечно, Артур не позволит священникам отплясывать в сутанах. Вы полагаете, что его святейшество соизволит дать нам такое разрешение?

Безнадежно... Значит, уповать я могу лишь на побег к морю.

Внезапно королева склонилась и легко коснулась моей щеки.

– Милый Генри, – сказала она, – мне тоже многое не нравится. Очень не нравится.

Значит, она поняла, она догадалась. Ведь моя мать была старшей дочерью короля. Но дочь не имеет законного права наследовать корону. Матушка тоже не могла проявить свои способности. Ей оставалось лишь ждать и надеяться. Вечное ожидание – участь того, кому уготована второстепенная роль.

Я кивнул. И покорно спустился за ней в Большой зал.

Там было жарко и многолюдно, повсюду пестрели шелковые, бархатные и парчовые наряды, обильно украшенные драгоценностями. Убожество моей одежды в очередной раз больно укололо мое самолюбие. К свадьбе и Рождеству мне пошили всего три костюма, прямо скажем не слишком шикарных, и я таскал их и в пир, и в мир.

Артур и Екатерина восседали на возвышении в конце зала. Разряженный, будто идол, брат выглядел хрупким, очаровательным ребенком, которого посадили в огромное золоченое кресло. Его нервный блуждающий взгляд то и дело останавливался на супруге. Сразу по окончании рождественских праздников новобрачным предстояло покинуть Лондон и отправиться в холодный старый замок на валлийской границе. Там они будут готовиться к роли короля и королевы. Эта идея всецело принадлежала отцу; он верил в выносливость Артура, в его закалку.

Но Артур, несомненно, не хотел закалять свой характер. Хотя готов был к испытаниям, поскольку сознавал свой долг. Его Артур всегда честно исполнял. Он словно чувствовал, что приличествует королю или даже является сущностью королевского бытия.

Наши менестрели уже заняли отведенные им на каменной галерее места. Их собралось пятнадцать человек – вдвое больше обычного. Капельмейстер объявил, что нас почтили своим присутствием венецианский лютнист и шалмеист¹¹ из Фландрии. Поднялся одобрителный гул голосов. Далее он добавил, что перед нами выступят музыканты, один из которых весьма сведущ во французских придворных танцах, и другой обучался при испанском дворе.

Начали с английских танцев. Дамы и кавалеры в большинстве своем охотно выходили в круг, отлично зная эти мелодии. Всем были известны павана, бранль и аллеманда.

Артура балы не интересовали. С величественным видом он сидел сиднем в своем огромном кресле, намеренно не замечая беспокойства Екатерины, отбивающей ритм носками туфелек. Она явно хотела поплясать – я замечал это в каждой ее черточке, в каждом движении.

Внезапно я решил исполнить как свое, так и ее желание. Мы оба были пленниками своего положения: она стала супругой не желавшего танцевать увальня, меня ждала стезя священника. По прихоти судьбы последующие годы нам, вероятно, придется провести без танцев. Да, но пока еще оставалось немного времени...

Я прошел по залу, приблизился к Екатерине и, склонившись перед возвышением, пригласил ее на бургундский танец. Она нерешительно кивнула, я предложил ей руку, и мы вместе вышли на середину зала.

Голова у меня закружилась. На глазах у всех я сделал то, что захотел! Ах, какое упоение... восхитительное чувство, которое я уже никогда не забуду и с этого момента буду искать всегда и во всем.

Мой взгляд задержался на Екатерине. Она подарила мне столь счастливую улыбку, словно я спас ее. И к благодарности за спасение примешивалось еще что-то... похоже, она сочла меня привлекательным, достойным внимания кавалером. Я почувствовал ее симпатию ко мне, ее расположение, которое согрело меня, как лучи летнего солнца.

¹¹ Шалмеист – музыкант, играющий на шалмее, предшественнике гобоя.

Она потрясающе танцевала, причем знала много затейливых движений, не известных нам в Англии. И я изо всех сил старался соответствовать ей. Ее проворство, грация, чувство ритма приятно поразили меня. Постепенно все танцоры расступились и начали с интересом наблюдать за нами, пока мы исполняли гальярду, королевский гавот, а потом и катр-бранль, и тот испанский танец Альгамбры, что она показала мне. Когда музыканты умолкли, Екатерина остановилась, переводя дух, лицо ее пылало. Мгновение зрители неловко молчали, а потом разразились восторженными похвалами в наш адрес.

Сидя один на возвышении, побледневший Артур смотрел в зал, как обиженный ребенок.

6

Спустя четыре месяца Артур умер от чахотки в холодном, продуваемом сквозняками валлийском замке, и Екатерина овдовела.

А я вдруг стал наследником – единственной защитой от забвения и надеждой на продолжение молодой династии Тюдоров.

Эта новость уже распространилась по двору, но я еще ничего не знал и сидел один в своих покоях. Отцовский паж принес мне короткое послание от короля с просьбой без промедления явиться к нему.

– Без промедления? – удивился я.

Отец никогда не посылал за мной, и уж тем более в середине дня, когда мне полагалось корпеть над уроками.

– Да, ваше высочество, – ответил парень.

В его голосе прозвучала напряженная нотка, и это заметил даже я, десятилетний мальчик. Я всмотрелся в лицо посланника. Он пялился на меня во все глаза.

На пути к королевским апартаментам меня сопровождали пристальные взгляды придворных. И вдруг я понял, что произошло нечто ужасное. Неужели меня решили отослать в какой-нибудь дальний монастырь якобы для обучения?

Наконец я открыл массивную деревянную дверь отцовского кабинета. Внутри, как обычно, царил унылый полумрак. Король, с его извращенным пониманием бережливости, вечно скупился на топливо, если только не ожидал высокопоставленного гостя. В его покоях неизменно стоял такой холод, что слуги держали там за ширмами скоропортящиеся припасы. Особенно хорошо, как мне рассказывали, сохранялось масло.

В тусклом освещении я с трудом разглядел темную фигуру, стоящую ко мне спиной. Король... Он обернулся и увидел меня.

– Генрих!

Он направился ко мне, раскинув руки. Его пальцы слегка посинели от холода, как я заметил. Лицо отца осунулось, словно незримое бремя растянуло его кожу.

– Артур умер. Ваш брат умер. – Он будто бросал мне обвинения, кривя тонкие губы.

– Когда? – задал я единственный вопрос, пришедший в голову.

– Три дня назад. Курьер только что прибыл из Ладлоу. Артура замучила простуда. Чахотка. Не знаю толком.

Он удрученно покачал головой и растерянно развел руками.

– Вы отправили его туда, – услышал я собственный голос, странный, чужой. – Вы отослали его в Уэльс, в тот ужасный замок.

Отец выглядел больным и постаревшим. Я видел перед собой сморщенный кожаный мешок с костями.

– Ему нужно было научиться повелевать... – вяло возразил он.

– Или умереть. Конечно, ему не удалось выжить в вашем холодном Уэльсе. Он никогда не отличался крепким здоровьем. И он не хотел ехать.

«Артур умер... Артур умер...» – эти слова стучали в моей голове, словно дождевые капли по оконным стеклам.

– Верно. Я отправил его в Уэльс. – Серые глаза отца словно остекленели. – И по-видимому, поступив так, я сделал вас королем.

Я и не подумал о последствиях того, что случилось: Артур умер, теперь корона моя.

– Все в руках Господа, – машинально произнес я.

Эту фразу обычно говорили священники, когда происходило какое-либо бедствие.

Отцовские глаза странно выпучились, и он шагнул ко мне с поднятой, точно для удара, рукой.

– Вы смеете полагать, что Господь предназначил вам трон?!

– Я лишь имел в виду... – начал я, но оплеуха не дала мне закончить.

– Артур умер, а вы живы! – выкрикнул он. – Я ненавижу Бога! Ненавижу Его! Я проклинаю Его!

Я испугался, что в холодном кабинете сейчас появится дьявол во плоти и утащит короля в ад. По утверждению церковников, такое наказание грозит всем, кто оскорбляет Бога. Но ничего не произошло. Мне суждено припомнить и это тоже, но гораздо позднее...

Вдруг королева – я не заметил ее в глубине кабинета – стремительно подошла к нам.

– Прекратите! Время ли спорить и обвинять друг друга в смерти Артура? – повелительно произнесла она.

Ее лицо было мокрым от слез, волосы свисали спутанными прядями, но громкий голос звучал решительно и твердо.

– Он обидел меня! И Всевышнего, – запоздало пробормотал я с интонацией праведника, ожидая, что матушка отругает отца, но вместо этого она повернулась ко мне.

«Все теперь разглядывают меня», – сердито подумал я, словно вдруг ужасно устал от такого внимания...

– Вы будете королем, Генрих. Неужели сейчас, став наследником трона, вы настолько довольны собой, что чувствуете себя в безопасности? Ведь вам также угрожает гибель, и спастись от нее трудно. Ваше теперешнее положение не защитит вас, а, напротив, сделает уязвимым.

Она приблизилась и глянула на меня в упор. Внутренний голос вдруг помимо воли отметил сумеречный цвет глаз матери, и они навсегда запечатлелись в моей памяти.

– Теперь смерть будет охотиться и за вами, – продолжила она. – Вы не знаете, что она обожает наследников. Это ее любимая пища. Отныне она возьмет вас на заметку. Сумеете ли вы перехитрить ее?

Всего несколькими словами мать посеяла в моей душе такой страх, что в течение всего времени, что я правил страной, мне не удавалось заглушить его.

Потом она обратилась к тому, кому прежде во всем уступала и перед кем обычно хранила молчание.

– Вы обезумели от горя, – сухо произнесла она. – И даже не соображаете, что говорите. Вы же не хотели обидеть Генриха, вашего единственного сына, и даже не помышляли ни о чем подобном?

Он слабо кивнул.

Я вошел в этот кабинет вторым сыном правителя Англии, готовящимся принять священный сан, а покинул его единственным наследником и будущим королем. Любому дураку понятно, что после этого все изменилось, что и говорить. Наверное, первым делом вы учтете внешние обстоятельства: улучшился мой гардероб, преобразились жилые покои, появились новые учителя. Все так, но величайшая перемена произошла почти мгновенно, в сущности, еще до того, как я вышел от короля.

Когда я направился к выходу из кабинета, дворцовый страж распахнул передо мной дверь и застыл в поклоне. Я едва доставал до плеча этого рослого парня. Когда он выпрямился, я заметил, что его глаза, устремленные на меня, выражают особую тревогу. Он боялся меня, этот здоровенный, сильный вояка, вернее, боялся того, кем я мог оказаться. Ведь он совсем не знал меня, а я должен был стать его будущим королем.

Никто при дворе раньше не замечал меня, но теперь я повсеместно ловил на себе столь же тревожные взгляды. Они словно говорили: «Что он за человек? Надо ли нам опасаться его?»

И я привык не смотреть в глаза людям, чтобы не видеть их настороженности. Ни пользы, ни покоя не приносит знание того, что твое существование угрожает заведенному порядку.

Все кругом приноровились к отцовской воле и, наблюдая за Артуром в течение пятнадцати лет, успели изучить его характер. Но Генрих оставался темной лошадкой...

– Ваше высочество, – сказал стражник с фальшивой ухмылкой.

Эта гримаса была еще хуже опасливого взгляда, хотя их породила общая причина. Вяло махнув рукой, я прошел мимо гвардейца.

Никто отныне не будет откровенен или искренен со мной. Вот какова была главная метаморфоза моей жизни.

Произошли, конечно, и хорошие перемены. Отныне мне надлежало жить при королевском дворе, моего церковного наставника сменил отошедший от дел посол. Мне позволили заниматься танцами и даже наняли француза для обучения манерам, принятым в том обществе, что славилось изяществом и совершенством (вы бы только послушали, как витиевато он изъяснялся). У меня появились собственный оркестр менестрелей и новый учитель музыки, ознакомивший меня с ее теорией и композицией, для моих занятий даже привезли из Италии орган. Я познакомился с детьми лордов, моими ровесниками, и впервые в жизни завел друзей-приятелей.

Кое-что, разумеется, мне совсем не нравилось: мне запретили участвовать в любых «опасных» затеях – к примеру, в охоте и рыцарских турнирах, – ведь отныне мою персону следовало оберегать от малейшей вероятности несчастного случая. В результате я торчал дома, с завистью наблюдая из окна за играми моих сверстников, а если и выходил к ним во двор, то стоял в сторонке, что казалось еще обиднее.

Меня поселили в смежных с королевскими покоях, поэтому я не мог никуда улизнуть и никто не мог прийти ко мне, миновав кабинет его величества. В определенном смысле он спрятал меня так же надежно, как одну из тех прекрасных дам в «Смерти Артура», коих заключали в башни их отцы. За исключением того, что при жизни короля никто не мог спасти меня из заточения и даже просто приблизиться к моей драгоценной персоне.

А долго ли еще проживет мой отец? Ему всего сорок пять, и выглядит он вполне здоровым. Возможно, король просидит на троне еще лет двадцать, и все это время я буду затворником под его присмотром. Смогу ли я выдержать это?

Несколько месяцев после смерти Артура отец вел себя совершенно замкнуто, почти не интересуясь происходящими вокруг событиями. Как и прежде, он часто призывал для развлечения лютниста. Но неумелая игра этого не слишком способного музыканта только раздражала меня. Однажды я вышел со своей лютней и предложил отцу послушать меня. Он вяло согласился, и я исполнил несколько написанных мной мелодий. Но вскоре стало ясно, что король вовсе не слушает музыку, и тогда, перестав играть, я тихо вышел. А он продолжал смотреть в окно и даже не подал вида, что заметил мой уход.

Глупо, но я огорчился. Мне явно стоило поумнеть.

По распоряжению отца я осваивал иные премудрости. Ежедневно меня приходил воспитывать престарелый посол. Его звали Стивен Фарр, более двадцати лет он прослужил Ричарду III и Эдуарду IV, а потом и отцу в посольствах Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, Франции и Испании, а также отстаивал интересы Англии перед папой и императором. Округлое розовощекое лицо моего наставника явно не соответствовало его преклонному возрасту – Фарр был уже на восьмом десятке. Однажды я упомянул об этом.

– Знаете ли, мой секрет – полнота, – заявил он. – Люди доверчивее относятся к толстякам. Именно тощие кажутся наиболее вероятными обманщиками. Скажите мне, ваше высочество,

кого вы скорее заподозрили бы в измене или заговоре – дородного увальня с пухлыми щеками или тощего, с физиономией как сушеное яблоко? Мог ли славный брат Тук делать пакости? Или, с другой стороны, мог ли быть добродушным толстяком шериф Ноттингема? Разумеется, нет. Прошу вас, пользуйтесь услугами только тучных послов.

Я рассмеялся. (Если бы кто-то услышал наш разговор, то меня могли бы обвинить в том, что именно по данному принципу я выбрал Уолси.)

– Уверяю вас, ваше высочество, я не шучу. Люди придают большое значение внешнему виду. Первые впечатления и чувства никогда не забываются. В мире полно тех, кто одарен проницательностью и способен мгновенно составить о человеке определенное мнение. Завистники называют подобные суждения опрометчивыми. Но не это главное. Я слышал, – он встал и подошел ко мне с игривым выражением лица, – что ваше высочество – искусный стрелок. Вы метко стреляете из большого лука. Скажите-ка, разве у вас не бывало удачных дней, когда вы попадали в цель с первого раза?

Я кивнул. Зато в неудачные дни случались сплошные промахи.

– То же самое происходит со многими. Однако прозорливый никогда не ошибается. При чем делает верный вывод с ходу, с первого взгляда.

– Какое отношение ваши слова имеют ко мне?

Мне не терпелось скорее отбарабанить заданный урок и заслужить похвалу Фарра.

– Самое прямое. Во-первых, вам надо развить в себе такие исключительные навыки, какие вы демонстрируете в верховой езде или игре на музыкальных инструментах. Проницательность и быстрота мысли для короля поистине бесценны. Во-вторых, вам надо научиться играючи пользоваться этой способностью, дабы производить на людей именно то впечатление, какое вам будет угодно.

– Как? – изумился я.

Разве это возможно? Ведь мне не удастся повлиять даже на мнение собственного отца!

Стивен развернулся и направился к окну. Его походка изменилась, он еле переставлял ноги. Подол его плаща прошелестел по соломе. Остановившись, наставник издал глубокий вздох. Вполне понятно. Ведь начались затяжные ноябрьские дожди, и тяжелые капли стучали по стеклышкам в наборных рамах. Спина Фарра сгорбилась, плечи поникли... Я еще не понимал того, как он стар.

И вдруг, обернувшись, он словно помолодел. Его походка стала почти изящной и легкой, голова горделиво поднялась. Теперь, глядя на него, я сразу забыл о непогоде и вспомнил о летнем солнце.

– Вы поняли? – Фарр остановился передо мной. – Все зависит от поведения, от манеры держать себя. Лицедеи пользуются этим мастерски. Меняя одежду и позы, они играют стариков и молодых, нищих и венценосцев. Все очень просто: король должен выглядеть по-королевски.

Он сел рядом со мной, бросив взгляд на дверь.

– А сейчас, к сожалению, его величество придет проверить, насколько успешны наши занятия.

Казалось, посол пребывал в замешательстве от того, что только что рассказал мне, и ему хотелось, чтобы я забыл об этом как можно скорее.

– Вы выучили заданный мной урок? – спросил он.

– Да, – ответил я.

Я посмотрел на камин. Пальцы у меня совсем заоченели, и мне захотелось подбросить в топку пару поленьев. Но дров больше не осталось. До Нового года отец разрешал сжигать в день не больше шести поленьев, вне зависимости от капризов погоды. Я подул на руки, согревая их.

– Начну с Франции. Там живет шестнадцать миллионов человек. Это самое сильное государство в Европе. Когда мой отец был там в изгнании, Бретань считалась независимым герцогством. Но в тысяча четыреста девяносто первом году, после женитьбы короля Карла Восьмого

на Анне Бретонской, оно стало частью Франции. Французы – наши враги. Наш король Генрих Пятый покорил почти всю Францию...

– Не всю, ваше высочество, – поправил Фарр.

– Примерно половину, – признал я. – И его сына короновали в Париже как государя Франции! А я должен воевать с ним, чтобы восстановить наши владения!

Он снисходительно улыбнулся:

– Много ли англичан живет в нашем королевстве?

– Три миллиона. Нет, даже три с половиной миллиона!

– А во Франции, ваше высочество, шестнадцать миллионов.

– Разве дело в количестве? Один англичанин стоит двадцати французов! Они боятся нас.

Должно быть, французские матери пугают своих детей *les Anglais*!¹²

– Но ведь и английские матери пугают детей сказочными чудовищами.

– В наших владениях по-прежнему находится Кале, – настойчиво возражал я.

– Надолго ли? Для нас это невообразимо далекий аванпост.

– Но он часть Англии. Нет, я намерен добиться своего наследства! И вновь завоевать Францию.

– Вы опять начитались Фруассара¹³, ваше высочество?

– Вовсе нет! – воскликнул я.

Но он понял, что я солгал. Я обожал хроники, повествующие о рыцарях, прекрасных дамах и сражениях, и зачитывался ими зачастую до поздней ночи, когда мне давно следовало спать.

– Разве что слегка освежил память, – покаянно добавил я.

– Вы перестарались. Не забивайте голову подобными историями. Они глупы и, более того, опасны и старомодны. Английский король, который попытается завоевать Францию в наше время, будет рисковать не только жизнью и казней, ему грозит осмеяние. Первые два обстоятельства можно пережить. Но третье – никогда. А теперь скажите, вы выучили общую карту Европы?

– Да. Французы проглотили Бретань и набросились на Бургундию. Император Максимилиан начал...

– Какой император?

– Священной Римской империи.

– Каковая не является ни священной, ни римской, – весело дополнил он.

– Да. Она просто объединяет германские герцогства и другие королевства и земли.

– Однако формально под властью Максимилиана находится двадцать миллионов подданных.

– Которых ничто не объединяет, – заученно повторил я.

– Точно. – Он довольно улыбнулся. – А как дела в Испании?

– Фердинанд и Изабелла выгнали мавров, и страна вновь стала христианской. У них десять миллионов подданных.

– Очень хорошо, принц Генрих. Я вижу, что вы выучили задание, несмотря на увлечение Фруассаром.

Мой учитель подался вперед и шутливо похлопал меня по плечу.

– Далее обсудим планы Фердинанда и историю папства. Папа Юлий играет в ней важную роль, как вы понимаете. Похоже, он буквально следует словам Христа: «Не мир пришел

¹² Англичанами (*фр.*).

¹³ Жан Фруассар (1333 или 1337 – ок. 1405) – французский хронист, поэт. В своих «Хрониках» отразил события Столетней войны.

Я принести, но меч»¹⁴. Прочтите дальше те записи, что я выдал вам, и проанализируйте все депеши из красного портфеля. В них отражены годы моей службы во Франции.

Фарр поднялся с церемонным видом. Он явно показывал, что наш урок подошел к концу, но я догадался, что наставнику просто стало очень холодно. Огонь в камине почти догорел, и наше дыхание оставляло в воздухе облачка пара.

– Забыл сказать, – добавил он. – Завтра день святого Мартина, и поэтому обычные дневные уроки отменяются.

Я огорчился. Какой бы теме ни посвящались наши занятия, их постоянно прерывали церковные праздники, коих в году насчитывалось больше сотни. Почему нельзя воздать дань памяти святым, просто сходяв к мессе? Почему в их честь все должны еще и бездельничать?

– И еще, ваше высочество... передайте, пожалуйста, ее величеству, как порадовало меня известие о том, что в семье короля ожидается прибавление. Молю Бога о благополучном разрешении королевы от бремени и рождении нового здорового принца.

Он поклонился и ушел, спеша вернуться в теплые уютные комнаты. А мне пора привыкнуть к другой обстановке... Я все равно не смог бы расспросить его как следует, если бы он задержался. Не подобало спрашивать учителя, почему он знал то, чего не знал я. Ни отец, ни мать пока не сообщили мне о радостной новости. Почему?

Я подошел к окну. Дождь сменился мокрым снегом, налипавшим на стены и стекла. Снежинки без помех проникали сквозь щели в плохо пригнанных рамах и таяли на подоконнике.

Окно выходило не в сад, а на сарай и сточные канавы. Я ненавидел эти уродливые строения, соседствующие с дворцом, но больше всего – смердящую внизу клоаку. Если я стану королем, то прикажу закрыть ее. Если я стану королем...

Выпавший снег уже покрыл землю, засыпав крыши и смягчив их убогость. Но краше они не стали. Время делает белыми и гладкими даже бранные останки, но не придает им привлекательности.

Пробирающий до костей холод вынудил меня отойти от окна к угасающему огню камина.

¹⁴ Мф. 10: 34.

7

Слова Стивена Фарра подтвердились. Королева, моя мать, ждала ребенка. Она разрешилась от бремени в феврале 1503 года, на Сретение, но очередной наследник английского престола так и не увидел свет. У королевы родилась мертвая девочка. А спустя девять дней, в свой тридцать седьмой день рождения, умерла она сама...

Даже сегодня я лишь вскользь говорю об этом, чтобы не завязнуть в воспоминаниях и не дать волю... ярости... или скорби? Не знаю... Возможно, и тому и другому.

Страна погрузилась в долгий траур, целыми днями резчики в поте лица трудились над традиционным погребальным изваянием, которое устанавливалось на катафалк. Требовалось создать точную копию, чтобы она могла предстать перед толпой, словно живая, в королевской мантии и мехах, когда похоронная процессия будет проезжать по улицам Лондона из Тауэра, где умерла моя мать, в Вестминстер, где ее похоронят. Народ должен вновь увидеть свою славную королеву и запомнить ее образ. Последнее впечатление также считалось очень важным. Я хотел сказать об этом Фарру.

Но мне-то больше не суждено увидеть ее! Никогда, никогда, никогда... Взглянув на деревянную статую, я возненавидел ее, она казалась почти живой, тогда как на самом деле жизнь моей матери прервалась... Мастера отлично справлялись с таким заказами. Особенно когда им приходилось работать с посмертной маской, а не с живой натурой. Но ведь ей было всего тридцать семь, и казалось невыносимым, что в столь молодые лета пора служить образцом для погребальной статуи. Нет, нет, слишком рано...

Ночью я услышал рыдания короля. Но он ни разу не зашел ко мне, не попытался разделить со мной горе. Так же как не желал видеть, как мне больно. Отец ограничился кратким объявлением о том, что мы все должны отправиться на похороны.

Этот день выдался морозным и туманным. Солнце так и не появилось, оно скрывалось за голубой дымкой. Земля словно погрузилась в вечные сумерки. В Лондоне на улицах зажгли факелы, и мимо них от Тауэра к Вестминстеру под приглушенный бой барабанов медленно продвигалась похоронная процессия. Впереди выступали три сотни лейб-гвардейцев, за ними ехал запряженный восьмеркой черных лошадей катафалк, обитый траурной тканью, своеобразная посмертная колесница высотой около двадцати футов. На крыше ее возвышалась ужасная (на мой взгляд) статуя улыбающейся королевы, облаченной в церемониальный наряд. За одром следовали тридцать семь призрачных, как туман, фигур – молодые женщины в белых одеждах, которые несли белые свечи. Позади шло наше семейство: король, Маргарита, Мария и я.

Испытание этим не ограничилось. В Вестминстерском аббатстве мне еще пришлось выдержать заупокойную мессу и надгробную речь. Катафалк установили в дальнем конце церковного нефа, где он дожидался ужасной завершающей части: погребения.

По-моему, погребальную службу проводил Уорхем, хотя точно не помню. А вот панегирик произнес молодой мужчина. Тогда я увидел его впервые.

– В память королевы я сочинил элегию, – заявил он, – и, с вашего милостивого дозволения, хочу прочесть ее. – В его голосе странно сочетались повелительность и кротость.

Король сухо кивнул, и тот начал читать. В его стихах сама королева прощалась с нами, что вызвало у меня глубочайшие страдания – ведь при жизни она ничего такого не говорила, ей не удалось проститься со мной. И поэт, видимо, пытался исправить упущенное, словно знал об этом. Но откуда?

Adieu!¹⁵ Мой дорогой супруг и господин земной!
Отныне вам вверяю я любви наш дивный сад,
Где годы брачные прошли в гармонии мирской,
И завещаю вам хранить с любовью наших чад;
Смирите строгий взор отца, и щедрою душой
Вы одарите за меня их материнской лаской,
Дабы, покинув мир земной, я обрела покой.
Adieu, лорд Генрих, и adieu, возлюбленный сын мой, —
Да укрепит Господь ваш дух и ниспошлет вам славу...

Каким-то непостижимым образом от одного его вида и голоса я обрел удивительное успокоение. Причиной тому послужили не слова элегии, а проявление всеобъемлющего понимания и сочувствия. Их, вероятно, я встретил впервые в жизни.

– Кто это? – спросил я, склонившись к Маргарите, которая обычно знала имена и титулы.
– Томас Мор, – прошептала она, – адвокат.

В тот вечер, собираясь ложиться спать, я чувствовал себя как никогда ослабевшим и усталым. Давно стемнело. Скудный дневной свет уже иссяк, когда мы покинули аббатство.

Возле моей кровати стоял ароматный поссет¹⁶. Я улыбнулся. О нем, наверное, позаботилась няня Льюк, она по-прежнему не забывала меня, хотя я уже вышел из-под ее опеки. Я взял кубок. Напиток был еще теплым. В нем явственно присутствовали мед, вино и какие-то травы...

Я уснул. И увидел странный сон. Мне приснилось, что я играю в глубине элтамского сада и ко мне идет королева, улыбающаяся и здоровая, как во время нашей последней встречи. Она протянула ко мне руки.

– Ах, Генрих! – воскликнула она. – Я так рада, что вы будете королем!

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня. Я вдохнул розовый аромат ее духов.

– И красивым королем! Таким же, как мой отец! У вас родится дочь, вы, следуя его примеру, назовете ее Елизаветой...

Я расправил плечи и по волшебству сна вдруг оказался гораздо выше матери, гораздо старше ее, хотя сама она почти не изменилась.

– Оставайтесь со мной, – попросил я.

Но ее фигура начала таять или удаляться... Я не понимал, что происходит. Мой голос сорвался на отчаянный крик:

– Пожалуйста!

Но ее облик уже странным образом изменился, и матушка обрела черты незнакомой женщины с бледным овальным лицом. Я услышал ее шепот:

– Королям надлежит вести себя по-королевски.

Она истерически расхохоталась. А потом исчезла.

Я проснулся с колотящимся сердцем. На мгновение мне показалось, что в спальне кто-то есть. Я отвел в сторону край полога.

Никого и ничего, кроме шести светлых квадратиков, нарисованных лучами лунного света, которые проникали через разделенное рамами окно. Но ощущение того, что мать рядом, сохранилось...

¹⁵ Прощай! (фр.)

¹⁶ Поссет – горячий сладкий напиток из молока, сдобренный пряностями и вином.

Я опять откинулся на подушки. Неужели она действительно приходила ко мне? Нет. Она умерла. Умерла. Сегодня ее опустили в могилу. Позднее отец воздвигнет на том месте памятник. Так он сказал.

Понимая, что никто не услышит и не остановит меня, я заплакал... С этими слезами закончилось и мое детство.

8

Очередная перемена в моей жизни совпала с достижением зрелости. И это было весьма кстати.

Покинув Гринвич, мы переехали в шикарный, заново выстроенный отцом Ричмондский дворец, где намеревались провести несколько месяцев, дожидаясь теплых дней и уделяя должное внимание государственным делам. Всякий раз, приезжая в Ричмонд, я замечал нечто новое. Сейчас я увидел отполированные деревянные полы, настеленные по приказу отца. Я счел его решение превосходным. Да и новые стенные панели, скрывшие старомодную и грубую каменную кладку, придавали покоям очень уютный вид. Все это скрасит нам ожидание весны.

Голые ветви деревьев еще коченели на морозе, когда отец вызвал меня к себе в рабочий кабинет – так он называл небольшой, облицованный деревянными панелями альков. Там был и камин, хотя огонь в нем, как обычно, еле тлел. Я всегда потеплее одевался, когда получал сообщение, что король желает видеть меня.

Услышав, что я вошел, он едва кивнул. Все его внимание сосредоточилось на ворохе документов, разбросанных по старому поцарапанному столу. Понять, для чего он предназначен, было бы трудно, если бы не стоящий на нем письменный прибор. Я молча ждал, когда отец соблаговолит заметить мое присутствие.

– Очередные жалобы проклятых бродяг! – наконец неодобрительно проворчал он и, тряхнув головой, взглянул на меня. – А что на сей счет думаете вы? Более того, что вам известно об этом?

– О чем, сир?

– По поводу этих законов о бедных!

– Каких именно?

Законов о бедных у нас хватало с избытком.

Король поднял руку и показал на свое ухо.

– Тех, что пресекают деяния шарлатанов и гадалок? После второго нарушения им отрезают ухо. А после третьего они вовсе лишаются ушей.

Мне вспомнилась валлийская гадалка на свадебном пиршестве Артура. Интересно, удалось ли ей избежать наказания? Отец тем временем продолжал:

– А если прорицатель имеет духовный сан и заявляет, что он свидетель божественных откровений? Как быть тогда?

– Все будет зависеть исключительно от того, какова суть его прозрений, – ответил я саркастически.

Король одобрительно кивнул.

– Вы удивляете меня, – добавил он язвительно. – Я мог бы подумать...

Его прервал чиновник, прибывший из ближайшего городка. По вторникам, а сегодня как раз был вторник, отец, разбирая государственные дела, обычно устраивал прием посетителей.

Посланец явился не с пустыми руками. Он притащил с собой большую разорванную сеть и с несчастным видом развернул ее. Очевидно, государю полагалось понять все без слов. Однако он сурово спросил:

– В чем дело?

– Ваша милость, взгляните, в каком плачевном состоянии эта ловчая сеть!

– Она подходит для ловли крупных птиц, скажем канюков. Неужели канюки повадились воровать овес с ваших полей?

– Ваша милость, нам нужны новые сети. Когда мы сеяли в прошлом году...

– Так купите их, – резко перебил его отец.

– Мы не можем! По закону каждый город должен производить надлежащие сети для ловли грачей, ворон и клушиц. Но налоги-то выросли... Нам не под силу заплатить охотникам за воронами даже обычную цену и...

– Господи боже мой! – Король вскочил, гневно вращая глазами. – Кто впустил сюда этого нищего?

Посетитель закутался в свою старую сеть.

– Да, нищего бродягу! – взревел отец.

Я поразился, как громко он может кричать при желании.

– А есть ли у тебя такое право? Где твоя лицензия на сбор подаяния? Пора приобрести ее, раз ты попрошайничаешь вне пределов твоего города. Уж не надеешься ли ты, что сам король раскошелится на ваши дрянные сети? Налоги платят все мои подданные! Видит Бог, вы совсем разбаловались из-за многолетних поблажек...

Проситель съезжился под раскинутой сетью, словно прачка, собравшаяся стирать белье перед грозой.

– Да, ваша милость...

– Пополни свою нищенскую суму! – возмущенно добавил король, бросив ему какую-то монету.

Когда проситель удалился, государь спокойно сказал:

– А что наш закон говорит о милостыне?

– Если кто-то дает милостыню в неположенных местах, то его следует оштрафовать на сумму, десятикратно превышающую размер данной милостыни.

Король одарил меня сияющей улыбкой – так обычно улыбалась его мать, когда мне удалось успешно проспрягать по ее заданию неправильный латинский глагол.

– Значит, вы знаете этот закон. И будете следовать ему? Не забывая себе голову чепухой об этом бедняке или о золотом веке, когда все мы, подобно дружному хороводу пастушков и пастушек, станем плясать на деревенских лугах, украсившись ловчими сетями? – Он отвернулся. – Такие мысли естественны в юные годы... Меня тоже когда-то посещали идеи... Сколько лет вам нынче?

– Одиннадцать, сир.

– Одиннадцать... – Взгляд его стал рассеянным. – В свои одиннадцать лет я прозябал в йоркистской тюрьме. А через два года обстоятельства изменились, и бедный полоумный Генрих Шестой... мой дядюшка, как вы помните, вновь оказался на троне. А другой мой дядя, сводный брат Генриха Джаспер Тюдор, привез меня в Лондон. Безумец увидел меня и сказал то, что мог услышать весь ближний круг: «Безусловно, именно ему мы и наши противники должны будем смиренно передать трон». Дядюшка Генрих был святым, но умалишенным. Пророчество? Следовало ли наказать его?

Я учел недостаток моего предыдущего утверждения по этому поводу и попытался исправить:

– Очевидно, это зависит как от положения прорицателя, так и от сути его откровения.

Отец закашлял... но не из вежливости, то был надсадный, мучительный кашель. Почему король упорно отказывается обогреть свои покои?

– Прошу извинить меня, – сказал он, удаляясь в нишу своего рабочего кабинета.

Там находилась прекрасно обустроенная уборная – очередное новшество Ричмондского дворца. Здесь его величество мог спокойно облегчиться. В нише стоял шикарный, похожий на трон мягкий стул, обитый бархатом. А рядом – истинно королевского вида огромный оловянный горшок. Его опорожняли по утрам, как и любой подобный сосуд, который держали в спальне для отправления нужды. (Как говорят французы: *vase de nuit*¹⁷.) Отвернувшись, король

¹⁷ Ночная ваза (*фр.*).

застыл над ним на целую, казалось, вечность, продолжая при этом повелительно наставлять меня на путь истинный.

Уилл:

Став королем, Генрих во всем старался превзойти своего отца, и особенно в данной области. Он завел поистине божественное «личное седалище» (так он величал его), обитое подушками из гусяного пуха, богато украшенное, усыпанное самоцветами. Сидеть на нем, наверное, было несказанным наслаждением. Как Гарри умудрялся посещать его всего лишь раз в день (разумеется, если не страдал желудочным расстройством), остается одной из его многочисленных загадок. Я с удовольствием проводил бы там по полдня.

Помнится, несмотря на мои фривольные замечания, Гарри чертовски привередливо относился к таким делам. Он никогда не позволял мне отпускать шуточки на тему данных естественных процессов (обидный запрет для шута) и не разрешал пользоваться добрыми старыми глаголами вроде «отливать» или «пердеть» и даже словом, которое, по его выражению, «рифмуется с бревном».

Генрих VIII:

– Я пригласил вас сюда не для того, чтобы болтать о ловчих сетях или о полоумном Генрихе Шестом, а для обсуждения матримониального вопроса, – заявил король.

Его голос еле слышался из-за трубных звуков, сопровождавших отправление естественных надобностей. Однако, вернувшись в кабинет, отец убедился, что мои глаза почтительно опущены.

– Брачные узы! – веско произнес он, приводя в порядок одежду. – Вот что крайне важно в нашем нынешнем положении.

Его тонкие губы изогнулись в чопорной скупой улыбочке, которую он позволял себе, когда полагал, что изрекает мудрые мысли.

– Маргарита завоюет то, что не смогут завоевать армии.

Он только что сговорился о браке моей сестры Маргариты с королем Шотландии Яковом IV. Она выйдет замуж за Стюарта, достигшего средних лет, но вполне здорового, и волевым решением отправится жить в варварскую северную страну. Англию и Шотландию свяжет родство правящих домов.

Отец взял со стола какое-то письмо.

– Я получил также... интересное предложение. От Фердинанда и Изабеллы. Они пожелали, чтобы вы женились на их дочери Екатерине.

Я пытаюсь сейчас припомнить, что почувствовал вначале. Да, меня охватили ужас и желание уклониться. Но их быстро сменила радость.

– На вдове Артура?

– А разве у Фердинанда и Изабеллы есть еще одна дочь с таким именем?

– Но она ведь уже... она была...

– Папа может дать разрешение. Тот брак не будет помехой. Порадует ли это вас, сын мой?

– Да, – выдохнул я, не смея пока думать о глубине моей радости.

– Я тоже буду весьма доволен. Ибо вновь укрепится наш союз с Испанией. И увеличится приданое... Женщина согревает постель, а деньги – душу. Разумнее всего заполучить супругу с прибылью.

И король бросил короткий взгляд в мою сторону.

Его слова вызвали у меня отвращение. Он оскорбил мою мать, на которой, без сомнения, женился вовсе не ради пополнения казны.

– Возможно, – с трудом выдавил я.

– Тогда я договорюсь об обручении. А теперь вам лучше удалиться и оставить меня на расправу яростным жалобщикам, нищим ловцам птиц.

С раздраженным видом он вернулся за рабочий стол и жестом велел страже впустить очередного просителя.

Я ушел с большим удовольствием. У меня уже давно сосало под ложечкой от голода, а отец, насколько я знал, никогда не ел до самого вечера. Вернувшись в свои покои, я попросил принести немного хлеба с сыром, эля и в ожидании завтрака принялся беспокойно слоняться взад-вперед. Из головы не шло отцовское предложение. Взялся было за лютню, однако не смог сыграть ничего путного. Потом мое внимание привлек раскинувшийся за окнами дворцовый сад. Изломанные ветви деревьев чернели на фоне белоснежного покрывала.

Тихий шорох заставил меня повернуться, и я увидел пажа с нагруженным подносом. Взяв его, я сел за свой рабочий столик и подкрепился. С недавних пор сыр мне стали подавать не твердый и сухой, а исключительно вкусный, золотистый и сочный. Темный эль явно достали из холодных погребов. Я быстро прикончил все до крошки. Всегда с жадностью поглощая еду, я все равно оставался тощим, только упорно тянулся вверх. Линакр, один из отцовских врачей, говорил, что это вызвано моим ускоренным ростом. Он сказал еще, что в процессе роста кости могут болеть. За прошлый год я вымахал на целых пять дюймов и уже стал выше короля: мне совсем немного осталось до шестифутовой отметки.

Близилось мое любимое послеполуденное время, когда живущие при дворе юноши и молодые пажи собирались в большом Рыцарском зале (еще одно новшество) для занятий военными искусствами. Решив, что эти тренировки не представляют опасности, король неохотно позволил мне участвовать в них.

С ноября по март юные отпрыски знатных родов не покидали дворцовых покоев. Единственное утешение доставляли такие сборища, проходившие очень шумно и беспорядочно. Я был самым юным среди всех: остальным исполнилось от четырнадцати до девятнадцати лет. Благодаря физическим данным и врожденной ловкости я никоим образом не проигрывал им по малолетству, хотя дело обстояло сложнее из-за моих королевских кровей. Поначалу ко мне относились настороженно и сдержанно (опасаясь высоких титулов), но всяческие сложности, как обычно и бывает в молодежном кругу, исчезли после близкого знакомства. Да, все знали, что я стану их королем, но во время наших шумных игр (не могу придумать более подходящего слова), по-моему, все начисто забывали о церемониях. Я же на тренировочных турнирах никогда не испытывал иных чувств, кроме стремления как можно лучше проявить свои способности перед старшими.

Уилл:

Вероятно, ты, Гарри, действительно не испытывал иных чувств, но я уверен, что с тобой изрядно «церемонились». Ознакомление с этой страницей дневника огорчило меня. Мне даже в голову не приходило, насколько наивным был принц, коль скоро убедил себя в том, что окружающие могут забыть о его положении! Удивительно, что с такого раннего возраста человеку свойственно поддаваться самообману. Безусловно, товарищи Гарри отлично понимали, с кем состязаются, и легко проигрывали будущему королю. Клянусь Богом, те зимние детские турниры немало способствовали их придворной карьере в следующие два десятилетия.

Генрих VIII:

На занятия собиралось около дюжины юношей. Самым старшим был Чарлз Брэндон, тот парень, с которым я познакомился у ворот Шина. Ему уже минуло девятнадцать лет, но теперь наша разница в возрасте казалась не столь большой. В отличие от остальных Чарли привез в Лондон не его отец. Он погиб, сжимая штандарт с тюдоровским драконом, в той самой битве

при Босворте, где Генрих VII отвоевал корону у Ричарда. Победитель не мог наградить героически павшего знаменосца и вместо этого приблизил ко двору его сына, взяв на себя заботу о сироте. Таким образом, нас связала не только личная симпатия, но и в какой-то мере семейные узы.

Николасу Карью исполнилось шестнадцать. Будучи отменным красавцем, он очень любил наряжаться, заявляя, что крайне важно быть *au courant*¹⁸ французской моды. Он обручился с сестрой Фрэнсиса Брайена, своего лучшего друга и сослуживца, также страстного поклонника французского стиля. Они вечно обсуждали, кто во что одет, и спорили о том, какие перья заменят меховую отделку головных уборов. Молодые люди имели склонность скорее к балам, нежели к военным искусствам, и, вероятно, поэтому Фрэнсис Брайен в дальнейшем лишился глаза на рыцарском поединке. Он прямо-таки наткнулся на копьё противника. Зато впоследствии щеголял в украшенной драгоценными камнями глазной повязке.

Эдвард Невилл, ровесник Николаса, принадлежал к одному из самых влиятельных родов северных графств и в отличие от Брайена и Карью увлекался полевыми играми. Мы с Невиллом были весьма похожи, так что издали нас даже путали. Позднее это породило абсурдный слух о том, что он мой незаконнорожденный сын. Весьма интересная мысль, учитывая, что он старше меня почти на пять лет.

Пятнадцатилетних Генри Гилдфорда и Уильяма Комптона ничего не интересовало, кроме чтения военной истории и жаркого обсуждения планов вторжения во Францию. А Томас Уайетт¹⁹, сын одного из королевских советников, был еще моложе меня. Он родился в Кенте и, подобно мне, провел детство в загородных замках. Томас писал стихи с раннего возраста, хотя никогда не показывал мне своих первых опытов.

Уилл:

Чему вам следовало бы порадоваться. Ведь одной из героинь уайеттовских пасторалей в Кенте стала Анна Болейн... Вероятно, с ним она впервые познала восторги любви. Какая знаменательная честь. Позже он посвятил ей много нескромных стихов, которые благоразумно утаил от Гарри.

Генрих VIII:

Когда я в тот день спустился по лестнице в Рыцарский зал, большинство моих приятелей уже натягивали защитные жилеты. Значит, сегодня у нас будут уроки фехтования и, наверное, занятия по рукопашной борьбе.

Брайен и Карью пришли следом за мной, притащив большую черную штуковину, которую опустили на пол с громким лязгом.

– Поглядите-ка! – хором крикнули они. – Вот вам новые итальянские доспехи!

Мы тут же бросились смотреть. Все, кроме Брэндона. Он стоял, скрестив на груди большие сильные руки.

– Где вы их взяли? – спросил он.

– Да просто стащили, – ответил Карью.

– Ничего подобного, – возразил Брайен. – Мы лишь позаимствовали их. У одного рыцаря. Он прибыл с петицией к королю и как раз снял их в караулке, а сам отправился на аудиенцию.

– Отнесите обратно, – потребовал Чарлз.

– Да пожалуйста, – хором отозвались друзья. – Нам лишь хотелось, чтобы вы поглядели на них. Смотрите, какие украшения...

– Я сказал, верните на место! – взревел Брэндон.

¹⁸ В курсе (*фр.*).

¹⁹ Томас Уайетт (1503–1542) – поэт и государственный деятель.

Карью взглянул на меня с мольбой, чего я как раз и опасался. Однако это должно было произойти рано или поздно...

– Да. Отнесите, – проворчал я.

Мне не нравилось решать подобные споры.

– Только если вы пообещаете учредить ваш личный арсенал, когда станете королем. Должен же быть хоть один такой в Англии.

– Ну ладно! – в замешательстве пробормотал я.

Они подхватили доспехи и нехотя потащили их вверх по лестнице.

Позже, когда Комптон и Брайен сражались в рукопашную на набитых соломой тюфяках, я подошел к Брэндону.

– Спасибо, – тихо произнес я, – за то, что вы сказали им. Я не осмелился.

– Однако именно вас они послушались, – ответил он, пожимая плечами. – Вам лучше привыкнуть к этому, ваше высочество.

Глухой тяжелый удар. Брайен склонился над упавшим на спину Комптоном. Теперь на поединок вышли Невилл и его напарник. Спертый воздух, в котором ощущался душок вчерашнего ужина, вдобавок пропитался запахом пота от напряженных тел.

Близился вечер. Слуга только что пришел, чтобы зажечь факелы. Скоро наши игры должны закончиться, и мне придется опять торчать одному в своих покоях.

Я глянул на окружавших меня парней. Что и говорить, привлекательные здоровые молодые мужчины! Некоторые уже обзавелись невестами, и почти все успели познать женщин. Они иногда упоминали об этом, небрежно, желая показать, что эти радости далеко не внове для них. Подобно первому причастию, такого события долго ждут и много размышляют о нем впоследствии. Но когда оно происходит, человек обычно спокойно заявляет: «Я приобщился к своему Создателю». Именно так Брайен, Комптон и Карью отзывались о своих отношениях с женщинами.

Уилл:

Как нравится Гарри находить духовные сравнения для любовных связей! Причастие – вот уж поистине близкое понятие!

Генрих VIII:

Зато в уединении я мог помечтать о Екатерине. Мне предстояло обручение. Хотя пока нельзя было никому рассказать об этом. И я задумался: когда же будет моя свадьба?

Официально нас обручили спустя три месяца, уговорившись, что свадебные торжества отложат, пока мне не исполнится четырнадцать.

Церемония обручения в резиденции епископа Солсбери на Флит-стрит состоялась в июне, холодном и дождливом на редкость. Садовники утверждали, что такая погода отлично подходит для цветов, и действительно – цветение в тот год продолжалось удивительно долго. Я и отец должны были встретиться с невестой, английскими и испанскими адвокатами непосредственно в епископском доме. Участники обеих сторон поехали туда верхом по разным улицам Лондона. А на месте пришлось делать вид, что мы с Екатериной незнакомы.

По правде говоря, я не видел ее с тех пор, как они с Артуром уехали из столицы в Ладлоу. Она переболела той же лихорадкой, что сгубила ее супруга, и даже не присутствовала на похоронах, не успев оправиться от болезни и вовремя вернуться в Лондон. А по возвращении ее поселили в особняке на широкой открытой набережной Стрэнда, что соединяла Вестминстер с городским центром. Этот дом называли Дарем-хаус. Там Екатерина и жила в окружении испанской челяди – говорила по-испански, носила исключительно испанские платья и питалась

испанскими блюдами. Сперва все надеялись, что она носит под сердцем ребенка Артура, но вскоре выяснилось, что мечты короля были тщетными. Принц умер, не оставив наследника.

И теперь мне предложили объедки с Артурова стола. В тот дождливый июньский день, через год с небольшим после кончины брата, я отправился заявить о своих претензиях на этот лакомый кусочек.

Королевский баркас причалил к пристани возле монастыря доминиканцев. Там нас ожидали лошади, и от Стрэнда мы поскакали по расхлябанной дороге к Флит-стрит, столь же грязной, размытой, мрачноватой улочке, ведущей к центру столицы. Большую часть пути мы проделали по малолюдным окраинам Лондона. Путешествие оказалось малоприятным, и, словно в довершение наших бед, закрапал мелкий дождик.

В епископском доме нас препроводили в небольшой зал, где уже сидели в ожидании Екатерина с законниками. Духота усугублялась запахами мокрой шерсти и множества людей, набившихся в тесное помещение. Адвокатов, привлеченных к церемонии обручения в качестве законовевов и свидетелей, собралось так много, что, казалось, здание расположенных поблизости Судебных иннов должно было опустеть. Причем все они, подобно огромной стае мартышек, жестикулировали и тараторили, подняв жуткий гвалт.

Екатерина скрывалась где-то среди них, но через мгновение я увидел ее. Когда затих шум ученых споров и скрип перьев по пергаменту, мою невесту вывели вперед и велели нам с ней встать рядом.

«Какая она маленькая», – отметил я про себя.

Ведь в отличие от меня принцесса совсем не выросла.

«Как же она прекрасна», – посетила меня вторая мысль.

Екатерине уже минуло семнадцать лет, и ее красота достигла расцвета. После кончины Артура она жила столь уединенно, что все успели забыть о ней, и ни слухи, ни легенды о ее неповторимой прелести до меня не доходили. Но ее возвращение... Ах, какие воспоминания оно оживило!

Мы стояли бок о бок в напряжении и неловком смущении. Королевский адвокат передал брачные документы в руки нашего епископа и испанского адвоката. Далее мы с Екатериной, не глядя друг на друга, послушно повторили за епископом священные клятвы, длинные обеты на латинском языке. И поставили подписи на нескольких бумагах.

Обручение завершилось, почтительные законники незамедлительно развели нас в разные стороны. Жениху и невесте не полагалось разговаривать до тех пор, пока они не окажутся на супружеском ложе. Но до того оставалось ждать два года. Резиденцию епископа мы покинули через разные двери, так же как вошли.

Отец обратился ко мне только тогда, когда мы удалились на безопасное расстояние, на борту неповоротливого баркаса, что вез нас в Гринвич, на другой берег Темзы. Хмурое небо отражалось в спокойной реке. Вода была неприятного бурого оттенка. Мимо то и дело проплывал всякий мусор. Похоже, народ считал реку личной клоакой, несмотря на указ, запрещающий «бросать в Темзу любые старые вещи и отбросы, отравляющие и загрязняющие ее воды в Лондоне и его окрестностях». Я заметил медленно влекомый течением и опускающийся на дно труп собаки. Когда я стану королем, то обязательно позабочусь о надлежащем уважении к нашей реке.

– Вы понимаете, – внезапно произнес отец почти шепотом, чтобы гребцы не могли его услышать, – что вам не следует так или иначе общаться с принцессой. Пусть она остается с испанцами в своем особняке.

– Но ведь мне, несомненно, следует посылать ей памятные подарки, писать...

– Вы болван! – гневно воскликнул он, скривив рот. – Неужели вы считаете себя ее поклонником? Подарки! – Король презрительно фыркнул. – Никаких подарков и писем. Ничего. Забудьте о ее существовании.

– Но... почему?

– Потому что договор об обручении заключен лишь на бумаге. Я сомневаюсь, что свадьба вообще состоится.

– Тогда зачем мы провели церемонию? К чему все эти долгие переговоры?

– Они ничего не значат. То, что одобрено на одной церемонии, на другой можно отменить. Уверен, что вам сие известно! Это едва ли не главное правило королевской власти. Мы устроили официальное обручение лишь для того, чтобы выиграть время и показать испанцам наши добрые намерения.

– Каковые на самом деле не являются ни добрыми, ни благими, ни честными...

Мимо нас, кружась в пенном водовороте, опять проплыло дохлое животное. От него шел мерзкий запах. Все казалось мне прогнившим: река, воздух, да и сам отец. Все, кроме принцессы.

– Испанцы обманули нас с приданым. Ваше обручение основано на обманных маневрах и ложных толкованиях. И я сомневаюсь в том, что дело завершится к взаимному удовлетворению. Более того, как я уже сказал, до свадьбы вряд ли дойдет.

– Неужели принцесса... согласилась... на такое жульничество?

– Она ничего не знает. Лишь делает то, что ей велят. Как должно поступать и вашему высочеству.

Я до боли в пальцах стиснул резные перила.

Мне не хотелось подчиняться подобным приказам.

9

Но ничего другого не оставалось. Отцовские распоряжения приходилось выполнять. Я не мог отправить весточки Екатерине, ведь кто-то должен был стать моим посыльным, однако королевские слуги не осмеливались нарушать волю короля. Должен признать, что такая преданность произвела на меня впечатление. Отцу верно служили.

Близился мой четырнадцатый день рождения, но никто даже не вспоминал о предстоящей свадьбе. Вместо этого я готовился к скромному празднованию по случаю достижения дееспособного возраста. (Говоря дипломатическим и официальным языком, в четырнадцать лет уже разрешалось подписывать документы, жениться и вступать в права наследования, если, конечно, имелось само наследство.)

Хотя до самого того дня, до двадцать восьмого июня, я еще считался ребенком, и со мной именно так и обращались.

Накануне вечером отец вызвал меня и безапелляционным тоном велел мне переодеться и быть готовым к поездке в город. Он не стал объяснять, куда именно мы отправляемся и почему в столь позднее время.

Выехали в сумерках. В июне они тянутся долго, тьма сгущается не раньше десяти. Проезжая по Лондонскому мосту, мы обнаружили, что жизнь здесь течет более оживленно, чем днем. По обеим сторонам тянулись ряды двухэтажных домов, и в полумраке улица между ними превращалась в место развлечений и приятного досуга. Взрослые отдыхали на лавках, а дети играли или рыбачили прямо с моста. Мне показалось, что все они знают друг друга. Именно это поразило меня более всего. Здесь жило много народа, огромное количество семей, и все они запросто общались между собой.

В наших кругах о таком повальном дружелюбии не могло быть и речи. Двор, конечно, тоже опутывали родственные связи, – к примеру, глава семейства служил в личных покоях короля, его жена исполняла обязанности камеристки королевы, а их дети числились в пажах или фрейлинах. Они имели право жить во дворце, чем обычно и пользовались, и в общей сложности там проживало около двух сотен семей. Но они сторонились друг друга, и между ними не завязывалось теплых дружеских отношений, какие я подметил тем июньским вечером у обитателей Лондонского моста.

Мы петляли по лабиринту улиц в самом сердце столицы. Дома лепились один к другому, и в каждом из них наверняка ютилось не менее двух десятков жителей, судя по толпам гуляющих горожан. Они праздновали окончание трудового дня и благодаря медленно увядающему фиалковому свету могли веселиться еще несколько часов.

Повернув на запад, мы миновали собор Святого Павла и выехали из города через Ладгейт, и тогда я понял, куда мы направляемся. Мы пересекли мостик над зловонной и застойной речонкой Флит и вскоре остановились возле особняка епископа Солсбери.

Уже почти стемнело. Король спешил и велел мне последовать его примеру. Перед самым входом в дом отец сжал мое плечо и резко сказал:

– Сейчас вы сообщите епископу, что прибыли к нему, дабы законно опротестовать ваше обручение с принцессой Екатериной. Вы поясните, что муки совести побуждают вас подписать новые документы.

– Да, – глухо произнес я.

Значит, отец вознамерился обеспечить два пути: открытое обручение и тайное отречение. Дела с приданным так и не разрешились. Я слышал это от Брэндона. В его присутствии придворные говорили свободно, а он, в свою очередь, рассказывал мне о том, что касалось моих интересов.

Подтолкнув меня вперед, король показал жестом, что я должен сам постучать в дверь. Хозяин проворно распахнул ее; очевидно, они обо всем сговорились заранее.

– Принца терзает сознание того, что он обручился с вдовой брата, – заявил отец. – Он прибыл к вам, дабы облегчить муки совести и успокоить душу.

Прошелестев сочувственным тоном несколько подобающих случаю слов, епископ провел нас в дом. На его письменном столе уже лежали аккуратно разложенные и заблаговременно составленные документы. Под текстами было оставлено место для моей подписи.

– Он очень страдает, – добавил отец, отлично играя свою роль.

– Ах, как печально, – сказал епископ, – и что же мучает вас, сын мой?

Король не репетировал со мной ответы на вопросы. Я понятия не имел о том, что надо говорить, поэтому выпалил правду:

– Мне тяжело думать о том, что принцесса лежала в постели с моим братом! Это невыносимо.

Да, я не покривил душой. Мысль об их соитии терзала меня. Я хотел обладать Екатериной, но изначально и безраздельно. Однако она уже отдавалась другому...

– Наверное, вас мучает возможное кровосмешение... – подсказал епископ. – Ведь сказано же в Писании: «Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего».

– Не совсем так...

Мне хотелось пояснить, что терзаюсь я не потому, что Артур был моим братом, а по другой причине. Я испытывал бы те же чувства, если бы на его месте оказался любой другой мужчина...

– Он живо интересуется священными книгами, – быстро перебил меня отец. – Ведь он глубоко изучал их, готовясь к духовному сану. Было бы странно, не правда ли, если бы он не стремился к точности их толкования...

– Да. Мерзостен грешник, возлегший с женой брата, – произнес епископ с улыбкой, которая показалась мне неуместной. – Мы успокоим вашу совесть, мой принц.

Приняв величественный вид, он протараторил слова, кои мне надлежало повторить.

– ...Питая отвращение... к мерзости... союза с вдовой нашего возлюбленного брата...

Затем он подsunул мне перо и указал на бумаги. Я поспешно подписал их. Плохо заточенное острие оставляло кляксы и царапало пергамент.

– И теперь моя совесть будет чиста? – спросил я.

Все это напоминало фарс, ведь я нарушил собственную клятву.

– Воистину так, – ответил епископ.

– Как просто, – заметил я. – Очень просто. Казалось бы, меня ожидали более серьезные осложнения. В столь важном деле...

– Важнейшие дела зачастую разрешаются простым актом, – с уверенностью заявил он.

– Нам пора, – поторопил меня отец, опасаясь, что я могу некстати что-нибудь брякнуть. – Дело сделано.

Уилл:

В сущности, Генрих с презрением отнесся к описанным им махинациям и тайным маневрам, хотя в какой-то мере оценил открывшиеся перед ним возможности. По моим подозрениям, первое зерно «угрызений» запало в его совесть тем самым вечером благодаря хитроумной замене совершенно естественной ревности к своему предшественнику на основательную, означенную в Писаниях, заповедь. Несмотря на приверженность к высокой церкви, Генрих оставался суеверным. Раз уж он подписал эти документы, то должен был в конечном счете уверовать в их подлинность. Ничто не вызывало у него такого смятения, как гнев Всемогущего, который он мог навлечь на себя. Более того, во всем Гарри видел промысел Божий и всячески стремился поддерживать свою связь с Ним. Генрих воспринимал общение с Всевышним

как своеобразное партнерство, полагая, что если он будет честно исполнять свое предназначение, то Господь, безусловно, будет милостив к нему. Вы помните высказывание Гарри (нет, конечно, вы же тогда еще не родились), которое частенько повторяли: «Воля Господа и моя совесть пребывают в совершенном согласии»? Ничто иное его удовлетворить не могло.

Генрих VIII:

Вскоре после этого очередные пререкания по поводу приданого вынудили Екатерину покинуть Дарем-хаус со всей его челядью и переселиться во дворец. Теперь она могла полагаться лишь на щедроты Генриха VII, пусть даже весьма скудные. Ни ее отец Фердинанд, правитель Испании, ни ее тесть, английский король, не желали тратиться на содержание свиты принцессы, поэтому испанских слуг распустили. Еще бы, ведь столь скромное существование обходилось гораздо дешевле. Короче говоря, принцессу обрекли на затворническую и одинокую жизнь без денег, без друзей, лишь за счет отцовской милости. Она никуда не выезжала, не видалась ни с кем из наших придворных. Отец предупредил меня, чтобы я ни в коем случае не пытался встречаться и даже переписываться с ней – хотя, по ее мнению, мы оставались обрученными. (Тайна нашего путешествия в канун моего четырнадцатилетия строго сохранялась.)

Тем не менее до меня дошли вести о плачевном положении Екатерины. У нее совсем не было наличных денег, за исключением тех, что выделял отец, который славился своей скупостью. Если уж своего законного сына и наследника он держал в черном теле, вынуждая ходить в обносках и мерзнуть в холодных и нищенски обставленных покоях, то чем же он мог обеспечить женщину, от которой не ждал выгоды и которая лишь напоминала ему о потерянном сыне и провалившихся планах?

С самого приезда из Испании для принцессы не заказывали гардероба, и ей приходилось носить залатанные и неоднократно перелицованные вещи. Ей подавали тухлую рыбу, отчего она частенько страдала расстройством желудка. У нее появился странный духовник, некий фра Диего, которому она доверяла. Болтали даже, что он стал ее любовником и ежедневно налагал на нее епитимью за те греховные деяния, коими они занимались по ночам, а она, дескать, полностью подпала под влияние этого монаха и слушалась его беспрекословно.

Я никогда особо не доверял слухам, которые разносили льстивые придворные, но само их распространение все же кое-что значило. Я начал опасаться за жизнь Екатерины, понимая при этом всю сложность собственного положения. Однако ее участь была гораздо хуже. Я, по крайней мере, находился в родной стране, говорил на родном языке. Меня окружали друзья, опекал отец (признаю это, хоть порой я и испытывал к нему неприязнь). Сейчас я мог быть единственным другом и защитником принцессы. И я решил, что должен увидеться с Екатериной и помочь ей во что бы то ни стало.

Теперь она жила в другом крыле дворца, неподалеку от королевских покоев, и связаться с ней не представляло большой трудности. Я успел обзавестись приятелями, у них были знакомые... Не доверяться же королевским слугам.

Где же нам лучше встретиться? Я много думал об этом. Наше свидание должно остаться тайной. Лучше всего выбрать место подальше от дворца, где-нибудь в лесу или на лугу, но это зависело от таких условий, как немота присматривающих за лошадьми конюхов и благосклонность погоды. Нет, надо найти укрытие, где нас не увидят, а в противном случае не заподозрят в том, что мы заранее сговорились.

Днем в дворцовой часовне бывало пусто. После полудня там не проводились службы до вечера. В дневные часы священник никого не исповедовал без особой договоренности. К тому же Екатерина славилась своей набожностью...

Я послал ей записку с просьбой прийти к трем часам пополудни в часовню – там, мол, исповедник поможет мятущейся душе обрести покой. Подпись гласила: «Томас Уолси, подаватель королевской милости».

Незадолго до трех часов я пришел в нашу церковь, небольшую, но богато убранную. Ее украшал образ святой Маргариты в драгоценной короне и мантии из чистого золота. В алтаре поблескивала изысканная утварь. Особенно красивы были потир, дискос и дароносица.

Замкнутое пространство маленькой, лишенной окон часовни навечно пропиталось запахом ладана. Дневной свет туда проникал редко, лишь через открытые двери. Храм освещался только горящими перед образами свечами. Их пламя мерцало и трепетало, отбрасывая причудливые тени на резные деревянные лики.

До назначенного часа оставалось немного времени. Быстро преклонив колени, я зажег свечу перед Богородицею и помолился о ее покровительстве. Потом зашел в исповедальню, опустился на скамью и накиннул на голову капюшон.

Мне не пришлось долго ждать. Сразу после того, как часы во дворе отбили третий удар, на порог упала полоска света, затем дверь тихо закрылась. Шорох одежды выдавал чье-то присутствие, кто-то приблизился к исповедальне – видно, чтобы покаяться. Я опустил голову, не желая показывать свое лицо. Судя по звуку, принцесса встала на колени на молитвенную скамеечку рядом со мной. Помедлив немного, она вздохнула и сказала:

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешила. Последний раз я исповедовалась...

– Погодите, Кейт! Я не хочу выслушивать ваши признания! – взволнованно воскликнул я и откинул капюшон.

Она явно перепугалась. В полумраке я разглядел ее бледные щеки и удивленно открытый рот.

– Генри! – прошептала она. – Это же святотатство...

– Я не собирался осквернить тайну исповеди. Но боже мой, Екатерина, я должен был вас увидеть! Три года! Уже три года мне не позволяют видеть вас, говорить с вами и даже...

Склонившись к ней, я успокаивающе коснулся ее руки.

– Я... знаю, – кротко проговорила она с заметным акцентом.

Возможно, Екатерина плохо поняла мои слова.

– Но ведь мы обручены! И я несу за вас ответственность.

Трудно сказать, от кого я услышал эту фразу... уж определенно не от отца. Скорее, почерпнул ее в рыцарских историях, которые продолжал увлеченно читать.

– И меня огорчает, что вы так одиноки и живете в столь стесненных условиях.

Принцесса вспыхнула.

– Кто это вам сказал? – возмутилась она.

«Испанская гордость», – подумал я.

– Это всем известно. Говорят...

– Я не нуждаюсь в жалости!

– При чем тут жалость. Вы нуждаетесь в любви, моя дорогая Екатерина... – Я завладел ее руками. – А я люблю вас.

Она выглядела смущенной и явно испытывала неловкость.

– Мы должны уйти, – после долгой паузы проговорила она.

– Никто не найдет нас здесь. В нашем распоряжении еще целый час, – уверенно произнес я. – О, побудем тут немного! Расскажите мне... расскажите, что вы делаете, как проводите дни.

Она подалась вперед. Наши лица оказались совсем близко в теплом сумраке.

– Я... я молюсь. Читаю. Занимаюсь рукоделием. Пишу письма королю, моему отцу. И... – ее голос понизился до такого шепота, что я с трудом разобрал слова, – я думаю о вас, милорд.

От волнения я едва не заключил ее в объятия.

– Правда? И я думаю о вас, миледи.

Как жаль, что я не захватил лютню и мы не сидели в каком-нибудь славном местечке, где я смог бы спеть принцессе о своей любви. Я уже сочинил несколько лирических баллад в ее честь и хорошо разучил их.

– Я женюсь на вас, Кейт! – пылко воскликнул я, совершенно не имея права давать такое обещание. – Клянусь вам. При первой же возможности...

– Наша свадьба должна была состояться после вашего четырнадцатилетия. С того дня миновал уже год, – задумчиво сказала она.

Не мог же я рассказать ей о том ужасном «отречении», которое меня вынудили подписать.

– Да... знаю, – с запинкой признал я, – и тем не менее мои намерения серьезны... Король должен...

– Королю, очевидно, не хочется, чтобы вы обвенчались со мной. Мне уже двадцать лет, я бездетна... возможно, у него есть для вас иные претендентки.

Со стороны Екатерины было излишне жестоко говорить это мне, ее единственному стороннику и защитнику.

– С моей молодостью я ничего не могу поделать, миледи. Не я выбирал, когда мне родиться. Но я не такой наивный и неопытный, как можно подумать.

Выпалив эту загадочную фразу (даже сейчас не понимаю, что именно она значила), я страстно сжал ее руку.

– Вы сами во всем убедитесь, – добавил я шепотом, – а теперь нам лучше разойтись. Скоро придут священники.

Она быстро поднялась и поправила юбки. К запаху ладана добавился легкий лимонный аромат, рассеявшийся после ее ухода.

Немного погодя я тоже покинул часовню, вполне довольный успехом нашего тайного свидания. Мне стало ясно, что я люблю Екатерину и должен жениться на ней. Я также вполне убедился в ложности оскорбительных слухов о фра Диего. Как ее расстроила мысль о том, что наше невинное свидание может осквернить исповедальню! Она и вправду глубоко религиозная и благочестивая дама.

Уилл:

Да, для Гарри было бы куда лучше, если бы принцесса оказалась не столь «религиозной и благочестивой». Если бы она порезвилась с тем доминиканцем (который, кстати, позднее вел себя в Лондоне – только представьте, в самом Лондоне! – с вопиющей распущенностью), то во время знаменитой бракоразводной кампании Генриха он мог бы заслужить графский титул. Но, увы, Екатерина осталась безгрешной. Как Гарри вообще умудрился дождаться от нее детей, остается одной из тайн их странного супружества. Пожалуй, правы католики, утверждая, что брак является таинством. А разве таинства не даруют нам «благословение на исполнение данных обетов»?

Интересно отметить, что в таком нежном возрасте Гарри уже использовал церковь в своих интересах. Я не сомневаюсь, что если бы невеста согласилась, то он с радостью овладел бы ею прямо под сенью алтаря.

10

Генрих VIII:

Теперь у меня появилась высокая миссия: освободить принцессу от заточения в башне, как и подобало истинному рыцарю. А состояние влюбленности (равно как и возбуждение, которое я неизменно испытывал, мысленно рисуя прекрасный образ Екатерины) решительно усиливало желание совершить этот подвиг.

Шла подготовка к одному из государственных летних походов короля, что сулило мне свободу действий на несколько недель его отсутствия. Когда-то я мечтал сопровождать отца в подобных путешествиях и ужасно огорчился, когда меня лишали такого удовольствия, теперь же я с нетерпением ждал его отъезда.

Король не любил бывать в обществе, ему не нравилось пристальное внимание к его особе, он испытывал тревогу, когда не мог полностью владеть ситуацией. Несмотря на это, он довольно часто отправлялся в поездки. Отец считал их необходимостью, но более всего его привлекала возможность сберечь изрядное количество денег – ведь он ежегодно проживал по месяцу за чужой счет.

Предполагалось, что во время походов монарх должен отдыхать от дворцовой рутины. На самом деле цель была иной: король осматривал свои владения, видел, сколько у него подданных, а самое важное – дарил им великую милость лицезреть себя. Людям следовало напоминать, каков из себя их правитель. Одна из первейших его обязанностей – показываться народу во всей красе. Как только разносилась весть о королевском путешествии, англичане, бросая дела, пускались в дальний путь и выстраивались по обочинам дорог, в надежде хоть мельком увидеть своего монарха. Отцы поднимали на плечи детей, желая, чтобы и они увидели его. Бывало, к кортежу прорывался золотушный страдалец и умолял его величество прикоснуться к нему, поскольку простолюдины верили, что королевское прикосновение исцеляет эту болезнь.

Эти поездки никогда не проходили впустую, исключительно ради наслаждений красотами окружающей природы, привалов на прекрасных речных берегах, простой и здоровой сельской еды. Хотя именно так все выглядело со стороны. В действительности о тщательно спланированном в зимние месяцы пути следования заранее оповещались все богатые землевладельцы и дворяне, чьи имения находились неподалеку, дабы благодарные подданные успели подготовиться к приему и размещению короля со всей его свитой. Он не путешествовал в одиночестве; его сопровождала большая часть двора, что являлось серьезным затруднением для устройства непритязательных трапез на луговых просторах. Для этого требовалось непомерное количество пищи, и домовладелец, которого удостаивали подобной чести два года подряд, подвергался опасности разориться или влезть в долги.

Существовал и другой, менее явный повод для поездок по стране: король желал проверить преданность высшей знати и воочию убедиться, соблюдают ли они его закон о запрещении феодальных свит, одетых в ливреи своего господина. Хотя в данном случае обмануть могли и собственные глаза. Эдуард IV, к примеру, приказал распустить личные войска, которые лорды держали в своих владениях. Это угрожало его правлению по очевидным причинам. Однажды он гостил у графа Оксфордского, одного из ярых сторонников Ланкастеров. Тот передел своих людей в ливреи и выстроил их вдоль дороги, чтобы они приветствовали короля, всячески выказывая ему преданность. Эдуард помалкивал на сей счет до самого отъезда.

– Я благодарю вас за хороший прием, – сказал он графу на прощание, – но мне нестерпимо видеть, как законы нарушаются прямо у меня на глазах.

Он наказал графа, взыскав с него десять тысяч фунтов – что являлось гораздо более существенной суммой в те времена, когда ценность денег не падала с такой тревожной скоростью, как сейчас.

Первого августа в дворцовой церкви проводилась традиционная месса в честь праздника урожая, во время которой у алтаря освящали хлеб, испеченный из первого собранного зерна. После полудня король отправился в путь. Он собирался вернуться лишь в конце сентября, к Михайлову дню, когда зима была уже не за горами, а к столу подавали жирного жареного гуся.

Устроившись на верхнем этаже возле окна, я смотрел на участников похода. Пока еще стояло жаркое и знойное лето, а осень с ее Михайловым днем представлялась бесконечно далекой. Меня охватило головокружительное ощущение свободы. Похоже, весь двор отбывает в путешествие! Я разглядел в толпе Фокса и Рассела, Томаса Говарда и Томаса Ловелла, а также двух отцовских министров финансов Эмпсона и Дадли. Король обязан думать о финансах, уж если не на лугах при ярком свете дня, то хотя бы под прикрытием ночи.

Во дворце оставались лишь архиепископ Уорхем и моя бабушка Бофор. Знатные дворяне и сановники, необязанные сопровождать короля, могли вернуться в собственные владения, поскольку в его отсутствие занятий при дворе у них не было. Дела отбывали вместе с кортежем короля, а его свита располагалась там, где ей приказывали расположиться.

Впрочем, брат в поход весь груз государственных забот не предполагалось, поскольку целый мир, казалось, предавался заслуженным удовольствиям в эти золотые августовские деньки.

И для меня они стали поистине чудесными. Я постоянно упражнялся в любимых боевых искусствах, участвовал в запретных конных и пеших турнирах и поединках с приятелями, непрестанно рискуя жизнью. Зачем? Даже сейчас не знаю толком, как ответить на этот вопрос. Однако я жаждал опасностей так же, как человек жаждет воды в пустыне. Вероятно, потому, что меня так долго и упорно от них оберегали. А может, мне хотелось испытать себя, проверить, на каком же пределе моя смелость сменится страхом. Или все объяснялось гораздо проще. «Молодая кровь играет и требует развлечений!» – однажды написал я. Разве плохим развлечением служили рыцарские турниры, где мы бросали вызов самой смерти?..

Вспоминая то шальное времечко, я невольно прихожу к мысли, что само Провидение уберегло меня от суровой кары за безрассудство. Именно летом 1506 года Брайен потерял глаз, а один из моих приятелей умер от удара по голове, полученного на турнире. Странно, что сразу после поединка он выглядел вполне здоровым. Но той же ночью внезапно скончался. Один из учеников Линакра (поскольку сам лекарь уехал с королем) пояснил, что так часто бывает при травмах головы. В черепе происходит внутреннее кровоизлияние, которое невозможно заметить и остановить.

Мы испытали потрясение и страх, но благодаря бесшабашной молодости уже по прошествии нескольких дней опять принялись за свое и продолжали драться на мечах и налетать друг на друга на конных турнирах. Вот так быстро и естественно юность забывает о смерти и по-прежнему играет с ней в опасные игры.

По вечерам мы вместе бражничали, бренчали на лютнях и строили планы по завоеванию Франции, мечтая стать братьями по оружию. В это славное беззаботное время я не вспоминал о былом и не задумывался о том, что ждет впереди.

Поздней ночью я уединился в своей комнате и вдруг понимал, что не хочу спать. Теперь, когда меня ни в чем не ограничивали, я наслаждался одиночеством после шумного дневного общения.

Два окна моей спальни в Гринвиче выходили на юг и восток. Я частенько устраивался на удобном подоконнике с восточной стороны и глядел на темный небосклон. К середине августа смеркалось гораздо быстрее и ночь спускалась раньше. И тогда небо усыпали ярчайшие звезды. Они неизменно привлекали мое внимание. Я пытался распознать их скопления, вспоминая уроки астрономии. Мне удалось найти многие созвездия. Я поражался, что можно точно пред-

сказать затмения и прочие небесные явления, и хотел понять, как это делается. Математики уже вычислили, что через три месяца будет частичное затмение. Каким образом?

Мне хотелось все знать, все испытать; меня влекли новые знания, новые открытия, я мечтал познать пределы своих возможностей и постичь нечто неведомое.

Из окна пахло теплым воздухом, и издали донесся тихий рокот. На горизонте полыхнули зарницы. Где-то шла гроза. От резкого дуновения тревожно взметнулись огненные язычки свечей и факелов.

Ветер дул с запада. Я вдруг вообразил себя летящим над землей, вольным и открытым всему свету. Я потянулся за лютней, и вдруг мелодия и слова пришли мне в голову одновременно, словно они уже давно созрели в моей душе:

О западный ветер,
Когда принесешь ты
На землю мою свой живительный дождь.
Господь, ниспославший мне дар любви,
Оживит мое ложе вновь.

Лето закончилось, и король вернулся. Вскоре после прибытия он вызвал меня к себе. Кто-то доложил ему о турнирах. Мне следовало бы догадаться. При дворе невозможно ничего скрыть.

Я подкрепился перед этим разговором и быстро выпил подряд три кубка кларета. (Одной из перемен, которых я добился во время отсутствия отца, стал изрядный запас неразбавленного вина в моих покоях.)

Отец сидел в своем излюбленном рабочем алькове (его частенько называли «счетной конторой», поскольку там он решал большинство финансовых вопросов). Когда я вошел, он сражался с громадным ворохом жеваных и скрученных бумаг, напряженно склонившись над столом. Впервые я заметил, как поседел его волос. Он не надел головной убор, и его макушка серебрилась в отблесках огня факелов. Вероятно, именно поэтому король давно не появлялся в обществе с непокрытой головой.

– Будь проклята эта мартышка! – Он махнул рукой на обезьянку, которая в тот момент нахально играла с большой государственной печатью, и его голос зазвенел от гнева. – Она разодрала мой дневник! Он совершенно испорчен!

Очевидно, шалунье вздумалось соорудить из личных бумаг короля уютное гнездышко, сначала разорвав их в клочки, а потом хорошенько спрессовав.

– Возможно, сир, вам лучше поместить ее в королевский зверинец, – тактично сказал я, подумав, что это следовало сделать полгода тому назад.

Я невзлюбил эту тварь с первого взгляда. В отличие от собак она по природе своей совершенно не поддавалась дрессировке, однако лихо передразнивала людей и подражала им во всем.

– Да, – отрывисто бросил он. – Но теперь уж поздно. Она уже уничтожила мои самые ценные вещи.

В тот же миг проказница завизжала и начала карабкаться по настенной драпировке. Обезьяна выглядела в кабинете явно неуместно. Ее следовало если не утопить в Темзе – хотя, по моему, отличная мысль, – то, во всяком случае, отдать в зверинец Тауэра. Его обитателей, порой весьма диковинных, подарили королю доброжелатели, чью щедрость ввело в искушение само наличие такого заведения. (Не сказать, чтобы его величество всякий раз приходил в восторг от подобных подарков.) Там держали львов (дань избитому символизму), больших черепах (за стойкость и долговечность), кабанов (изображенных на гербах тех или иных знатных родов), верблюдов (наверное, за мудрость) и даже слона (в качестве памятного сувенира?).

– Мне очень жаль, отец.

– Вам лучше пожалеть о другом, – резко заявил он, отбрасывая ком испорченных документов. – Во-первых, о вашем поведении во время моего отсутствия. Неужели вы полагали, что я ничего не узнаю?

– Нет, сир.

– Тогда почему... Почему вы нарушали мои запреты?

– Не знаю. Мне очень хотелось.

– Вы болван, – фыркнув, сказал он. – Один из ваших приятелей умер. И мне сказали, что...

Внезапно на короля напал яростный кашель. Мне еще не приходилось слышать столь сильный приступ. Восстановив дыхание, он продолжил:

– ...что вы тайно встречались с принцессой Екатериной вопреки выраженной мной воле. Да, я даже не предоставлю вам возможности оправдаться. Вы своенравный и капризный мальчишка! Вам никогда не стать настоящим королем, никогда, никогда, никогда...

В его голосе прозвучали слезы. Он уронил голову на руки и заплакал.

Я покинул его в печали, переполняемый собственной болью. Неужели отец не ошибся? «Вам никогда не стать настоящим королем, никогда, никогда, никогда...» Эти слова жгли и разъедали мне душу. Ведь он повидал многих монархов и знал, о чем говорит.

11

Поздней осенью кашель короля заметно усилился. Редкие раньше приступы теперь мучили его постоянно, не давая покоя даже по ночам. В ноябре в его мокроте впервые появилась кровь: верный признак скорой смерти.

Что он почувствовал, увидев зловещие красные пятна? Из всех испытаний, посланных нам Богом, самым жестоким однозначно является осознание неизбежности близкой смерти. Я молился, чтобы, когда подойдет мой черед, меня миновала такая определенность.

Отец продолжал сопротивляться болезни. Он продержался и ту зиму, и следующую.

Поэтому меня миновала участь стать королем в пятнадцать лет. И в шестнадцать – тоже. За что я еженощно благодарил Господа.

Я был еще слишком молод и неопытен, чтобы царствовать. Если бы мне довелось короноваться в столь юном возрасте, бразды правления перешли бы в мои руки только по достижении нравственной зрелости. На этот срок непременно назначили бы регента. И еще неизвестно, удалось ли бы мне избавиться от него! Регенты частенько захватывали трон. За печальным примером далеко ходить не надо – взять того же Ричарда III.

Кроме того, поначалу мне пришлось бы руководить теми, кто был намного старше меня; они могли принародно твердить о вассальной преданности, но на деле преследовали бы лишь собственные интересы. Вдобавок неизменно появлялись бы новые претенденты на английский престол и заговорщицкие фракции. У меня оставалось еще несколько кузенов из династии Йорков; в частности, сын сестры Эдуарда IV, герцог Суффолк, Эдмунд де ла Поль, он именовал себя Белой Розой и злорадно выжидал во Франции, чтобы двинуть против меня свои войска. Кроме того, предстояло противостоять монархам, почти втрое превосходящим меня по возрасту: испанскому королю Фердинанду, императору Священной Римской империи Максимилиану, французскому Людовику XII и папе Юлию II. Легко ли быть самым юным королем, к тому же окруженным сворой опытных интриганов и лицемеров?

Отец упорно избегал любых осложнений с европейскими государствами, но так не могло продолжаться вечно, особенно потому, что французы и Маргарита Бургундская (сестра Эдуарда IV, известная как «тетушка всех претендентов») усердно подогревали фантазии йоркистов и давали приют всем самозванцам и претендентам на английскую корону. Отец выдержал три ожесточенные баталии, чтобы завоевать и защитить свою власть, и меня, весьма вероятно, ожидает та же судьба. Выживу ли я на поле боя? Я мог успешно сражаться по строго ограниченным правилам турнирных поединков, но настоящий бой подразумевает иные законы. Ричард III считался храбрым и опытным воином... однако не сумел отразить нападение, ему нанесли множество ран, а после битвы его обнаженное тело привязали к старой лошади. На переправе его разбитая голова подскакивала на каменных плитах моста, хотя ему, мертвому, уже было все равно...

Я должен вступить в борьбу и доказать, что достоин короны. Однако мне хотелось уклониться от испытаний. Да, признаюсь: я молился, чтобы они отделились или выпали на долю кого-то другого. Я попросту испугался. Приближалось время моего восшествия на престол, и меня терзал мучительный страх потерпеть поражение. В детстве я жизнерадостно предполагал, что Господь окажет покровительство своему помазаннику в любых начинаниях. Теперь я осознал, что все далеко не так просто. Разве Он защитил Саула? Или Генриха VI? Бог приводил к власти многих королей исключительно ради того, чтобы потом, свергнув их, исполнить какие-то высшие неисповедимые замыслы. Он использует нас, как мы используем скот или бобы. И никому из смертных не ведомо, каково его предназначение и какой его ждет конец. Судьбы павших правителей, недалновидных монархов – вот отличный пример того, что порой делает с человеком таинственная и непостижимая круговерть власти.

В год моего семнадцатилетия придворные обсуждали две главные темы: когда умрет король и как ему суждено умереть? Испустит ли он последний вздох мирно во сне, или болезнь прикует его к постели и от страданий он превратится в жестокого безумца? Будет ли он вести дела по-прежнему, или из-за его тяжелого недуга страна надолго останется без жесткой и крепкой правящей руки?

И что станет с принцем Генрихом? Кто будет править от его имени? Король не назначил регента, хотя, безусловно, принц пока не может принимать важные решения самостоятельно. Таковы были общие страхи.

Внешне жизнь текла своим обычным чередом. Отец продолжал принимать послов, обсуждать договоры, спорить о точном значении тех или иных оговорок так, словно его волновали последствия долговременных вложений. Едва ли не поминутно ему приходилось прерывать совещания, и он кашлял кровью с тем спокойным видом, с каким здоровые люди прочищают горло. Он всегда держал при себе большой запас чистых салфеток. Их аккуратно сложенная стопка неизменно появлялась у его постели по утрам, а когда он забывался сном, слуги убирали кучу скомканных окровавленных тряпок.

Прямо в опочивальне отец устраивал и совещания Тайного совета, частенько приглашая меня присутствовать на них. Скучные разговоры затрагивали исключительно денежные проблемы: поступления в казну, ссуды или сбережения. Эмпсон и Дадли, министры финансов, оказались бессовестными вымогателями. Очевидно, главной заботой короля (которая отнимала все его силы) являлась добыча денег. Отвратительно. Неужели Александр Великий задумывался о подобных мелочах, а Юлия Цезаря волновало приданое Кальпурнии?

Отца все еще терзало то, что никак не разрешится вопрос с приданным Екатерины. Он поносил послов Фердинанда, угрожал отослать ее обратно, а меня женить на французской принцессе. По-моему, король наслаждался своими вспышками и угрозами – так иные с удовольствием травят медведей. К тому же это отвлекало его от окропленных кровью платков.

Зато именно о них сосредоточенно размышляли придворные. Всех страшно интересовало, сколько салфеток он перепачкал за день, много ли крови было на них и какой – густой или жидкой, алой или розовой? А может, черной? Прачки изрядно пополнили свои карманы, предоставляя желающим такие сведения.

На рождественских празднествах медленная и мучительная пляска смерти продолжалась, хотя по негласным правилам не следовало этого замечать. Государственной изменой считалось даже «мысленное представление» королевской кончины, несмотря на то что никому из людей еще не удавалось избежать такого исхода.

Отец продолжал играть в политические шахматы, используя двух своих оставшихся непристроенными детей в качестве фигур. Более того, он упоминал (возможно, всего лишь тешился самообманом) о собственном участии в брачных переговорах наряду со мной и Марией. Накануне Нового года король внес последние дополнения в план своего грандиозного Тройственного союза, некоей обескураживающей путаницы брачных связей, сводящих Габсбургов и Тюдоров в единый роскошный фамильный храм. Для себя лично он отвел роль жениха леди Маргариты Савойской, регентши Нидерландов, мне прочили в жены дочь герцога Альберта Баварского, а суженым тринадцатилетней Марии стал девятилетний Карл, внук венценосных особ Фердинанда и Максимилиана и, по всей вероятности, будущий император Священной Римской империи. (Впрочем, император оной по-прежнему избирался, но курфюрсты по странной слепоте замечали лишь заслуги рода Габсбургов. И эти так называемые выборы были ничем не лучше торговли папской тиарой.)

Уилл:

Как высоки цены на тех торгах, Генрих и Уолси узнали из первых рук, попытавшись сначала купить императорские выборы 1517 года для Генриха, а потом, в 1522 году, – папские выборы для Уолси. Такие должности доставались недешево, и Гарри, так же как его напыщенный отъевшийся канцлер, попросту не пожелал выплатить полную рыночную стоимость. Порой Генрих проявлял наследственную склонность к неразумной скарденности – может, когда его обуревали сентиментальные воспоминания об отце?

Генрих VIII:

Удовлетворенный успешно проведенными переговорами, король перебрался в свои смертные покои. Он удалился туда вскоре после наступления нового, 1509 года и уже больше ни разу не покидал их. Местом земного упокоения он избрал опочивальню Ричмондского дворца.

Однако видимость его благоденствия всячески поддерживалась. Король не умирал, он лишь испытывал недомогание; не одряхлел, а всего-навсего переутомился и просто нуждается в отдыхе. Ежедневно он посылал за мной, и я проводил по несколько часов у его постели, но отец упорно отказывался доверить мне нечто важное. Он должен был до конца сыграть свою роль, как и я – свою.

Мне не следовало замечать его расточительной уступки угасанию жизненных сил: в опочивальне жарко горел наполненный поленьями камин и стояла африканская жара. Тем более запрещалось выказывать недовольство удушливым запахом ароматических добавок и ладана, заглушавшим тяжелый дух смертельной болезни. Самым противным, почти тошнотворным казался там аромат роз, но в результате я привык и к нему... до известной степени. Мне полагалось всегда быть бодрым и жизнерадостным, проявляя бездумную невосприимчивость и черствость, кои однажды предрек мне отец.

Шикарные большие окна со множеством мелких прозрачных стекол, сверкающих чистотой, подобно драгоценному, оправленному в рамы хрусталию, закрывали плотные портьеры, которые не пропускали яркий свет. Со своего ложа отец мог бы видеть луга и небеса, но предпочел отказаться от этих красот. Он лежал на объемистой кушетке, обложенный подушками. Рядом неизменно высилась стопка чистых платков. Иногда больной начинал вялый разговор, а чаще молча и печально созерцал распятие над маленьким алтарем, устроенным в дальнем конце опочивальни. Король стал крайне набожным, как все Ланкастеры, – хотя не столь безумным, сколь его предшественник Генрих VI.

– Вчера во время трапезы я заметил у вас в руках странную вилку, – внезапно прошеле-стел он.

Его голос звучал так слабо, что я с трудом расслышал его.

– Верно, – ответил я.

Вся молодежь при дворе уже пользовалась вилками.

– Французская мода, – мечтательно произнес он. – Французы бывают чертовски изобретательны. Надо же додуматься до такого – есть миниатюрным трезубцем... М-да... хитроумное новшество. Король Франции когда-то помог мне спастись от гибели. Вам известно об этом?

– Нет, сир.

Почему старики всегда так многоречивы? Разумеется, тогда я поклялся, что сам никогда не буду таким.

– Когда я жил в изгнании, король Ричард подкупил герцога Бретани, вернее, герцогского казначея, Пьера Ландуа. В обмен на мою жизнь он обещал Ландуа доходы не только от моего графства в Ричмонде, но и от владений всех моих сторонников. Ха!

Легкий смешок вызвал у отца приступ удушливого кашля. Он завершился жуткими булькающими звуками. На простыни выплеснулась кровь. Отец помотал головой и передернулся от холода.

– Позвольте, я достану еще одно покрывало для вас, – быстро проговорил я, взяв сверток, положенный в изножье.

Разворачивая его, я не сразу понял, что это. У меня в руках оказалась львиная шкура, сохранившаяся с того устрашающего представления с мастифами, что король устроил много лет тому назад. С кушетки свисал длинный львиный хвост с кисточкой на конце, похожей на декоративную.

– Лучше. Так лучше, – прошептал отец. – Французский король... он подсказал мне, где я буду в безопасности. И оказался прав. Я выжил. Сначала я бежал от Ландуа, хотя это не представляло сложности. Я просто переоделся в платье моего слуги. Прямо в лесу. И мы галопом помчались к французской границе. Бретань тогда не входила в состав Франции, как вы знаете, – добавил он.

– Да, знаю.

Внимательно рассматривая отца, я пытался разглядеть в нем черты того юного валлийца, искателя приключений. Но видел лишь старика, дрожащего под грудой одеял в жарко натопленной опочивальне.

– Французы могут быть нам как друзьями, так и врагами. Они в свое время предоставили мне безопасное убежище, но когда я стал королем, приютили у себя герцога Суффолка, Эдмунда де ла Поля.

– Белую Розу, – с горечью произнес я. – Фаворита йоркистов.

– Они не только дали ему кров, но даже признали его законным королем Англии и приняли со всеми достойными королевской особы почестями! Да, он красиво пожил при французском дворе. Но в конце концов мне удалось заставить этого лживого француза выдать его. Теперь Суффолк сидит в Тауэре. И пока он жив, вы будете подвергаться опасности.

– Несмотря на то, что мы держим его в заточении?

– Вам придется казнить его, – прозаично произнес отец. – Его жизнь для вас непозволительная роскошь.

Я оторопел. Как можно казнить человека за то, что в его жилах течет кровь рода, незаконно (или законно) рвущегося к власти?

– Я не могу! – в ужасе воскликнул я. – Он же ни в чем не виноват!

– Он существует. Этого достаточно.

– Нет!

– Он сбежал за границу и позволил, чтобы при иностранном дворе его величали королем Англии. Он вынашивает изменнические замыслы.

– Замысел еще не преступление.

– Генри! Во имя Господа, поймите, что от этого зависит ваша жизнь. Суффолк ваш враг. В стране может быть только один правитель, и если недруги сочтут вас нерешительным или мягкосердечным, вам грозит участь полоумного Генриха Шестого. Противник беспощаден, и вы должны быть таким же. Если вас не станет, воцарится хаос. Вы – единственная защита нашего королевства от беспорядка и анархии. Берегите же себя. Сие есть ваш долг, ибо вы избранное Господом орудие!

– Но забрать жизнь невинного?

– Если бы так! Он виновен кругом, подлый и мерзкий изменник! – Отец так разволновался, что приподнялся с подушек и ударил слабыми кулаками по львиной шкуре. – Не важно, разбираетесь ли вы в денежных делах, тут вы можете положиться на моих министров финансов, Эмпсона и Дадли. А лорд – хранитель малой печати епископ Фокс расскажет вам все, что вы захотите узнать о деятельности Тайного совета, и наставит вас на путь истинный. Но в деле защиты трона рассчитывайте только на самого себя. – Он откинулся на подушки, истощенный чрезмерным для него усилием. – Король обречен на нечеловечески сложную жизнь.

Вам придется быть грубым, когда другие кротки и мягки, и уступчивым, когда другие жестоки и непримиримы. И...

Я подождал продолжения, но его не последовало. В тусклом свете я разглядел успокоенное лицо отца, расслышал его тихое дыхание. Он уснул.

Теперь я мог покинуть его покои. Испытывая головокружение, я едва не бегом поспешил в ярко освещенную соседнюю комнату и вдохнул воздух, лишенный густого аромата ладана и прочих благовоний. В приемной сидело в ожидании множество слуг. Там же находился священник на случай внезапной необходимости. Сегодня дежурил Томас Уолси, податель королевских милостей (чьим именем я воспользовался, чтобы заманить Екатерину в исповедальню). Сидя на скамейке возле окна, он спокойно читал книгу. Заметив меня, Уолси печально кивнул.

Я вернулся к себе, все еще испытывая потрясение от жестокого совета отца. Казнить моего кузена де ла Поля... Подойдя к письменному столу, я достал свои записи и нашел листок, на котором начал сочинять латинское послание. Обмакнув перо в чернила, я впервые вывел на бумаге слова: *Henry Rex*²⁰. Мои пальцы дрожали, и я посадил кляксу. Потом сделал еще несколько попыток. Наконец рука окрепла, и на листе появилась изящная и чистая подпись *Henry Rex*.

Прошла зима, весну обещали раннюю. К концу марта небеса поглубели, а берега Темзы украсились желтыми полевыми цветами. Но в опочивальню умирающего весну так и не впустили. Плотнo задернутые занавеси надежно удерживали ее снаружи. Когда в саду под отцовскими окнами зацвели яблони, больной уже не мог ни видеть их, ни почувствовать их аромат.

Отец заметно ослабел, все больше слуг суеилось вокруг него, и мы с ним уже не вели беседы, как прежде. Не дожидаясь, пока станет совсем беспомощным, он рассказал мне все, что следовало. Теперь наше общение ограничивалось паутиной придворных церемоний, нити которой опутали даже опочивальню, препятствуя нашим тайным разговорам. Тем не менее мне полагалось присутствовать там почти постоянно, я приходил к отцу ранним утром, когда Уолси служил мессу, и торчал в покоях допоздна. Вечером камердинеры проводили сложный ритуал подготовки королевского сна (скатывали матрасы, проверяя, нет ли под ними предательских кинжалов, и кропили святой водой постельные принадлежности), а напоследок украдкой выносили груды испачканных за день кровавых салфеток. Затем опять являлся Уолси, читал вечерние молитвы, и тогда мое бдение завершалось.

Однажды мне пришлось задержаться до полуночи, отца мучили сильные боли, и он заснул лишь после того, как лекарь выдал ему успокоительную маковую микстуру. Я не спешил возвращаться к себе, мне вдруг ужасно захотелось выйти и подышать прохладным свежим воздухом. Спустившись по узкой лестнице к выходу, я оказался в дворцовом саду. Деревья стояли в цвету, освещенные округлой, но еще не полной луной. Они выглядели как вереницы призрачных невест, очаровательных и юных. Внизу плескалась разлившаяся по весне Темза, она быстро несла свои воды, поблескивающие под звездами.

Впервые с самого рассвета мне удалось остаться в одиночестве, и я содрогнулся, словно с облегчением сбросил с себя тяжкую ношу. День за днем у смертного ложа...

Я медленно шел по сказочному саду. Тени казались особенно четкими, а лунный свет отливал серебристой голубизной. Моя длинная тень плыла между неподвижными причудливыми тенями деревьев.

– ...скоро умрет. Недолго ему осталось.

Я замер, неожиданно услышав чьи-то голоса. Они звучали неестественно резко и громко в прохладном безмолвии ночи.

– Все равно он уже стар...

²⁰ Король Генрих (*лат.*).

– Не так уж стар. Ему пятьдесят два, по-моему.

Голоса приближались. Они принадлежали двум лодочникам, которые только что причалили к пристани и теперь направлялись к дворцу.

– Он был неплохим королем.

– Ну да, по сравнению с Ричардом.

– Не слишком обременял нас.

Оба рассмеялись.

– А что слышно про нового короля?

– Он еще юнец, – после изрядной паузы произнес один из лодочников. – Говорят, его волнуют только турниры.

– А женщины?

– До женщин ему нет дела. Пока нет! Ему всего семнадцать.

– При определенной склонности этого вполне достаточно.

– Пожалуй, но у него другие интересы.

Они почти поравнялись со мной. Если бы они повернули голову, то наверняка заметили бы меня. Но лодочники, ни о чем не подозревая, устало продолжили путь к входу для слуг.

– Сколько он еще продержится, как ты думаешь?

Выразительное мычание второго собеседника явно показало, что у него нет желания задумываться о столь сложном вопросе.

Мое сердце отчаянно колотилось. В тот момент я решил, что больше никогда не позволю себе подслушивать чужие разговоры. Эти люди не сказали ничего особенного и тем не менее расстроили меня. С какой бесцеремонностью обсуждали они жизнь отца и мои привычки... словно знали нас лично и имели на нас собственные права...

Уилл:

Такое решение – не подслушивать сплетни – Генри не сразу удалось осуществить. (К счастью для меня, именно эта его слабость привела к нашему знакомству.)

Генрих VIII:

Для них кончина отца не имела особого значения, поскольку предполагалось, что она не вызовет новых смертоубийств и потрясений.

А для меня? Я не хотел, чтобы он умер, покинул меня... оставил одного. Я любил его. И ненавидел... До нынешнего момента я не осознавал, что во многом полагался на него. Король был нашим неизменным кормчим, защищал меня от вредоносных течений и прочих треволнений, присущих жизненному пути. Если отца не станет, то все это обрушится на меня самого.

Лодочники скрылись из вида. Я продолжил прогулку. Как ни странно, я живо помню влажные ароматы той ранней весны, бренный запах пробуждающейся земли. Цветущие кроны были совершенно недвижны. В скудном свете луны ветви выглядели орнаментом, вырезанным в мраморе. Ничто не могло поколебать их каменную твердь.

Подняв руку, я тряхнул ветку, ожидая, что меня накроет цветочный ливень. Но этого не произошло. Бутоны только распустились, и лепестки держались крепко. Им еще не пришло время опадать. А когда наступит срок, они хлынут на землю изобильным снегопадом, с завидной легкостью расставшись с породившим их деревом...

Мне уже исполнилось семнадцать, приближалась пора потрясений и битв, но я опасался, что не сумею выдержать их с достоинством и изяществом.

Однако страхи мои сменились покорностью судьбе. Чему быть, того не миновать. Изучая жития святых, я узнал, что Августин Блаженный взывал к Богу: «Дай мне целомудрие и воздержание, но не сейчас». Господь уважил его просьбу, даровав ему святость в конце жизни. Так ведь и я тайно желал стать королем, «но не сейчас»! Всемогуший не услышал моих молитв.

И мне, не успевшему обрести достаточно сил и знаний, придется надеть корону. Я ждал этого поворота судьбы, как осужденный ждет удара палача.

Смерть подкрадывалась к отцу мягко и незаметно, точно вор. И час, отрезавший мое прошлое от настоящего, пробил.

Еще три дня я каждое утро приходил в покои больного. По правде говоря, там уже слабо ощущалось его присутствие, вокруг роились придворные, которым вменялось в обязанность ухаживать за умирающим монархом. Линакр и еще двое лекарей постоянно дежурили у его постели. Рядом безотлучно находились два священника: одному надлежало выслушать последнюю исповедь, а другому – провести соборование, в то время как третий монотонно и беспрестанно бубнил молитвы у алтарной ниши в дальнем конце опочивальни. Вокруг топтались законники, желавшие обсудить с королем традиционную амнистию для арестантов, которые не совершили особо тяжких преступлений. Непрерывным потоком, как вереница муравьев, сновали туда-сюда сиделки и слуги, поставляющие пищу, лекарства и салфетки. Заглядывал, чтобы посоветоваться, даже Торриджано, флорентийский скульптор. Отец заказал ему надгробный памятник для своей будущей усыпальницы в Вестминстерском аббатстве, где уже несколько лет строилась его погребальная капелла. Отец продержался до самого конца.

Нам о многом не удалось поговорить, и, несомненно, он намеревался еще раз серьезно побеседовать со мной, однако по привычке откладывал это напоследок. Не имея опыта в столь скорбном деле, король не осознавал, что вскорости у нас не будет ни времени, ни возможности для уединения. Так и случилось. Мы с Марией (Маргарита, шесть лет назад обвенчавшаяся в шотландском королем Яковом IV, жила теперь далеко на севере) стояли рядом с кроватью, испытывая неловкость и смущение. Отец не сводил с Марии полузакрытых глаз, он очень долго взирал на нее, должно быть, видел в ней материнские черты. Сестра тогда была хрупкой тринадцатилетней девочкой.

На четвертый день состояние больного заметно ухудшилось, он уже едва дышал. Обложенный горами подушек, которые высились наподобие зловещего трона, он напоминал обтянутый кожей скелет, и бледность его лица соперничала с отбеленными простынями и салфетками. От стоящей рядом курильницы с розовыми лепестками поднимался ароматный дымок, но он больше не вызывал у короля приступов кашля. Я, стараясь почти не дышать, с трудом подавлял рвотные позывы, порождаемые этим резким запахом.

Отец жестом показал, что хочет говорить со мной, и я наклонился поближе к изголовью.

– Я забыл, – прошептал он, обдав меня гнилостным дыханием. – Дайте обещание сражаться с неверными. – Он помедлил. – И еще... У вас не должно быть друзей.

Не дождавшись моего ответа, отец тихо продолжил:

– Вам известно о де ла Поле. Он опасен. Но и доверительные отношения могут стать лазейкой, через которую проникнет измена. Не приближайте к себе никого. Король друзей не имеет.

Я почувствовал к нему глубочайшую жалость. Его странная бродяжническая жизнь совершенно лишила его друзей детства, связь с которыми порой сохраняется до самой смерти. Я глубоко благодарен судьбе за то, что она подарила мне Карью, Невилла, Генри Куртене... С ними я не чувствовал себя обездоленным и дорожил нашей дружбой. Я помню, с какой неизменной и бурной радостью размышлял о ней. (И решил честно написать об этом именно из-за их последующей измены. Хотя мог бы, разумеется, представить себя более дальновидным и осторожным.)

– Я не могу жить отшельником, – еле выдавил я.

– Тогда вы не сможете стать королем, – чуть слышно отозвался он. – Я теперь вижу, что вы рождены для иного. Вы оказались правы... Сие есть Божий выбор. И вам следует...

Ему не дал договорить сильнейший приступ кашля, из его горла хлынула кровь, окропив кровать и пол.

– Священника... – прохрипел король и, запнувшись, выдохнул: – Уолси.

Вскочив, я бросился искать капеллана. В тускло освещенной опочивальне, затуманенной целебными курениями, я не увидел его. Может быть, он возле алтаря у дальней стены? Я ринулся туда и никого не нашел. Должно быть, он вышел в соседнюю приемную. Подбежав к массивным дверям, я с силой распахнул их и застыл на пороге, задыхаясь от волнения. Уолси сидел на скамье и спокойно читал псалтырь. Меня, в сравнении с собственной растерянностью, поразило его почти противоестественное самообладание.

– Оте... – начал я, но тут же опомнился. – Король зовет вас.

Уолси встал, и мы вместе вошли в опочивальню.

– Идите же к нему быстрее!

Я едва не толкал медлительного Уолси к отцовской кровати. Но он словно прирос к полу. Потом, повернувшись ко мне, преклонил колени.

– Ваше величество... – тихо произнес он.

Я оглянулся, однако отец не мог стоять за моей спиной. Все глаза в комнате были устремлены на меня. Уолси сразу заметил это, а я точно ослеп.

– Король умер, – подходя ко мне, объявил Линакр.

Я видел, что отец по-прежнему лежит на подушках, словно в удивлении приоткрыв рот.

– Да здравствует король! – с грубой непристойностью заорал какой-то придворный в дальних рядах.

Кто-то раздвинул плотно закрытые бархатные шторы и распахнул оконные рамы. Внутри хлынули потоки солнечного света и свежего ветра, рассеивая ладанный дым, напоминавший о болезни.

– Да здравствует король! – подхватило еще несколько голосов, и вскоре опочивальню, где лежал мой ничего уже не слышавший и забытый отец, заполнил громогласный хор пожеланий здравствования новому монарху.

Ко мне подошла моя сестра Мария. Я подался вперед, желая обнять ее, разделить с нею скорбь, ведь мы полностью осиротели. Но она почтительно встала на колени передо мной.

– Ваше величество, – произнесла сестра, поймав мою руку и поцеловав ее.

– Мария! Тебе вовсе не надо...

– Вы мой король, которому я всецело повинуюсь, – сказала она, обратив ко мне сияющее юное лицо.

Потрясенный до глубины души, я отдернул руку. Пробежав мимо Уолси, я, не чуя под собой ног, пролетел к тайному выходу из приемной, который вел в сад, где я прогуливался несколько дней назад. Меня неудержимо влекло туда, словно это место обладало магией и я мог найти там утешение.

Распахнув тяжелую кованую дверь, я выскочил наружу и ослеп на мгновение от яркого солнца и блестящей апрельской зелени. Все деревья покрылись цветами, легкие лепестки уже плыли по ветру, опускаясь мне на плечи. Панорама прояснилась, обрела четкость до самого горизонта, будто я смотрел через волшебную призму. Издалека от дворцовых ворот донесся крик возвещающего обо мне герольда: «Генрих VIII, милостью Божьей король Англии, Франции и владыка Ирландии». Его голос, плывущий среди цветочных ароматов, казалось, принадлежал призрачному ангелу.

Через пару минут таинственный потусторонний мир исчез, и я осознал, что стою в знакомом мне с детства дворцовом саду, среди фруктовых деревьев. Здесь ничто даже мало-мальски не наводило на мысль о призраках, но сегодня днем сад, безусловно, посетила высшая сила: появление королей неизменно сопровождается небесной магией.

12

Я провел там долгое время, наслаждаясь иллюзией одиночества, пока мои размышления не прервал гомон многоголосой толпы придворных садовников и слуг. Они стекались ко мне отовсюду, отрезая все пути к отступлению.

Оглядываясь по сторонам в смятенном изумлении, я услышал нарастающий гул радостных приветствий.

– Да здравствует король! – взревел садовник, здоровяк с багровым лицом. Воздев руки к небу, он исступленно повторил: – Да здравствует король Гарри!

Я мысленно поморщился от его фамильярности. Неужели они тогда еще воспринимали меня как малыша Гарри? Какая уж тут Божья милость, какой священный трепет! Просто игрушка судьбы...

– Славный красавчик Хэл! – воскликнула какая-то старуха.

И вновь я вздрогнул, вспомнив высказывание другой дамы о привлекательности Эдуарда.

Мне хотелось, чтобы они ушли, чтобы перестали насмехаться надо мной. Я направился к ним, намереваясь пройти мимо и вернуться во дворец. Как им удалось так быстро разыскать меня?!

Когда я приблизился, их приветствия переросли в дикий восторженный рев. И отчасти страх перед этими людьми изменил вдруг что-то в моей душе, и я обратился к ним. Чей-то незнакомый голос (хотя слова вылетали из моей гортани) помимо моей воли произнес:

– Я благодарю вас. И желаю лишь одного: чтобы на протяжении всего моего царствования вы всегда были так же счастливы, как сегодня. Вина! Вина для всех!

Я ни к кому конкретно не обращался, отчего-то будучи убежденным, что распоряжение будет исполнено. Оно еще больше обрадовало толпу, отвлекло ее от моей особы, и мне удалось незаметно вернуться во дворец. Наконец-то, слава богу, я закрыл за собой тяжелую дверь. Хотя из сада еще доносились ликующие крики.

Однако за дверью меня поджидала очередная группа людей – на сей раз пажей, поваров и прочих дворцовых слуг. Они мгновенно бухнулись на колени, заверяя меня в своей преданности и восхваляя своего благословенного короля. Нескладно выразив благодарность, я решительно двинулся к отцовским апартаментам. В коридорах я видел ряды коленапреклоненных подданных. Как быстро разнеслась повсюду весть о моем новом положении? (Тогда я еще не знал, что в стенах дворца новости разлетаются со скоростью, недоступной даже крылатому богу... А некоторые события начинают обсуждать еще до того, как они произошли. И тогда в голове моей забила одна-единственная мысль: «Неужели мне больше никогда не дадут покоя?»)

Наконец (казалось, путь длился вечность) я достиг караульного поста, границы монарших апартаментов. С трудом открывая массивную дверь, я надеялся обрести за ней блаженное одиночество. И надежда моя оправдалась: обширный зал, увешанный выцветшими коврами и старым оружием, оказался пустынным. Там обычно просители ждали аудиенции у короля. У меня мелькнуло предположение, что отец специально сделал это местечко на редкость мрачным и неудобным, чтобы обескуражить большинство жалобщиков перед тем, как настанет их черед заявить королю о своих претензиях. Даже в конце апреля в этой приемной стоял ледяной холод.

В дальнем конце темнела дверь, ведущая в государственный Тронный зал. Направившись к ней широким шагом, я заметил какое-то движение: вынырнувший из темного угла священник направился туда же. Я узнал Уолси.

– Ваше величество, – почтительно произнес он, – вы можете полностью располагать мной. Как податель милостей покойного короля, я хорошо знаком...

Карьеристы уже нацелили на меня алчные взоры.

– Я сам хорошо знаком с покойным королем, – оборвал его я.

– Вы не поняли меня. Я имел в виду... что осведомлен о скорбных делах, кои сопутствуют королевской кончине, – о подготовке похорон, погребении и...

– Отец уже сам все подготовил.

Я потянул дверную ручку, но капеллану удалось задержать меня.

– Разумеется, до последних деталей, – упорно бубнил Уолси с невозмутимой настойчивостью. – Он заказал Торриджано великолепную гробницу, а ослепительная капелла в аббатстве уже почти завершена. Но особые детали, такие скорбные процессы, как бальзамирование, доступ к телу покойного и изготовление погребального изваяния...

– Несущественные мелочи, – бросил я, вновь попытавшись отвязаться от него.

– Неприятные хлопоты, – многозначительно произнес он. – Безобразные, жуткие, однако без них не обойтись, в то время как вашего внимания требуют более важные решения. У вас, ваша милость, будет множество дел. Бывают ли вообще сыновья, готовые с радостью присматривать за отцовскими похоронами? А вы должны радоваться жизни, ваше величество: вам следует ликовать вместе со всем королевством. Нельзя показать и следа унылой мрачности, если вы не хотите напоминать подданным о... – Уолси тактично умолк, не закончив мысль.

Обдуманное молчание. Однако ему удалось задеть меня за живое.

– Тогда и позаботьтесь об этом! – раздраженно воскликнул я.

Он угодливо поклонился, а я решительно открыл дверь и наконец оказался в пустом Тронном зале.

Я прошелся по этому обширному, но на редкость невзрачному помещению, которое не красило даже возвышение с шикарным тронным креслом. Проситель пересекал весь зал, прежде чем воочию увидеть королевскую особу. Это, безусловно, поражало, однако унылая серость обстановки производила удручающее впечатление, и его не могло погасить даже лицемерие величественного монарха.

Покинув Тронный зал, я перешел в покои, которые занимал отец. Его больше нет, напомнил я себе...

Великолепная опочивальня, с недавнего времени превращенная в палату смертника, приятно изменилась. Исчезли курильницы с ладаном и благовониями, распахнутые окна пропускали яркий свет. А кровать... опустела.

– Куда его унесли? – закричал я.

– Вопль Марии Магдалины, – произнес голос за моей спиной.

Развернувшись, я увидел Уолси. Опять! Должно быть, он незаметно последовал за мной.

– «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его»²¹.

– Вам хочется поразить меня знанием Писания? – вежливо спросил я. – Оно известно любому священнику так же, как и мне. Я спросил, куда унесли его.

Уолси выглядел сконфуженным.

– Некоторые дела требуют незамедлительного исполнения. Я сожалею, что предвосхитил данное вами поручение. Тело забрали для изготовления посмертной маски, а также для процедуры очищения и бальзамирования.

– Понятно.

К горлу подступил ком. Я растерянно окинул взглядом комнату, испытывая отчаянное желание выпить вина. И вдруг, как по волшебству, оно исполнилось – в моей руке оказался полный кубок. Снова Уолси. Я с жадностью припал к вину, надеясь подавить странное, туманящее голову ощущение оторванности от земного мира.

²¹ Ин. 20: 13.

Уолси исчез, его сменил юный рыжеволосый паж. Какая-то магия. Полная чертовщина. Я едва не расхохотался и сделал очередной добрый глоток вина. Амброзия. Итак, я бессмертен, подобно богам. И сам же возразил себе: нет, не бессмертен. Короли умирают. Однако при жизни они равны богам...

Я огляделся. Ничто здесь уже не принадлежало отцу, все стало моим. С легкой неуверенностью я подошел к двери, ведущей в личные королевские апартаменты. Там отец проводил много времени и частенько вызывал меня к себе. (Название «личные покои» не соответствовало их назначению, поскольку там крутилось множество слуг: дворяне, камердинеры, церемониймейстеры, пажи, цирюльники... А вот в следующее помещение разрешалось входить только избранным. И следовательно, «рабочий альков» являлся главным в анфиладе.) Распахнув дверь, я замер у входа, обозревая этот бедно и скудно обставленный кабинет и вспоминая, сколько унижительных мгновений мне пришлось пережить в его стенах. Ненавистная обезьянка по-прежнему с визгом прыгала здесь. Сейчас никто не ограничивал ее свободу.

– Уберите отсюда эту тварь, – бросил я пажу, с сожалением отметив, что второе распоряжение короля касается столь недостойного предмета, затем схватил обезьяну за загривок, всучил ее подошедшему юноше и сказал: – Позаботьтесь о ней. Меня не волнует, кому вы ее передадите!

Парень взял животное на руки и покинул кабинет. Какое легкое избавление! Я приятно удивился. Хватило одного волеизъявления, чтобы мгновенно избавиться от того, что раньше приходилось терпеть годами. Я рассмеялся от радости. Потом, окинув кабинет оценивающим взглядом, задумался о первоочередных изменениях. Не холодновато ли? Да, тут нужны камин. Письменный стол, похоже, староват, и в нем явно не хватает ящиков. Надо заказать новую мебель в Италии с инкрустациями из редких пород дерева. Да и интерьер, по моему, выглядит старомодно. Понадобятся плотники для замены стеновых панелей, скульпторы и позолотчики для обновления отделки.

Оттуда я направился в опочивальню, где он проводил ночи, – единственное пристанище отца, не доступное никому, даже мне. Король не спал там уже много месяцев, но его огромная кровать (квадратное ложе со стороной одиннадцать футов) высилась посреди зала, словно норманнская башня. Я медленно обошел вокруг. Балдахин был потертый, проеденный молью. Похлопав по складкам полога, я закашлялся от взлетевшего с него пылевого облачка. И вдруг – не знаю, что на меня нашло, – я начал в ярости колотить по балдахину, срывать и топтать занавесы, поднимая тучи пыли. К глазам подступили слезы... Непонятно, отчего я так разъярился.

Слезы и пыль вынудили меня отойти от кровати, и тут я увидел отцовскую молитвенную нишу. Я опустился на колени перед аналоем, попытавшись сосредоточиться на висевшем прямо над ним распятии, хотя взор мой притягивало изображение Девы Марии, так похожей на мою мать. Я молил Бога помочь мне стать хорошим королем, достойным монархом. О чем еще я просил? К сожалению, отчаянный призыв о помощи объяснялся охватившим мою душу ужасом. Однако я верил, что Господь услышит...

Испытывая страшное головокружение, я повалился на кровать. Многодневное переутомление, трагический конец отца и вино Уолси dokonали меня. Я провалился в глубокий сон.

И очнулся в кромешный, самый потаенный и жуткий час ночи. Я определил его не по крикам глашатаев или бою дворцовых часов, это знание жило в глубине моего существа. Нам всем знакомы такие ощущения, они присущи нам изначально...

Я лежал в одежде поверх покрывал. Какой же тут холод, я совсем замерз. Меня била дрожь. Однако в моей душе произошла разительная перемена, когда я вспомнил, что стал королем. И почти в то же мгновение в памяти всплыла полузабытая восточная мудрость, частенько повторяемая Скелтоном: «Юность, отменное здоровье, высокое происхождение и неискушенность: каждое из этих понятий является источником гибели. Какова же тогда судьба того, в ком соединяются четыре этих губительных условия?»

Я ужаснулся. Но именно молодость спасла меня, и я снова погрузился в здоровый сон.

– Ваша милость...

Чей-то голос нарушил мое сонное забытие. Кто-то тряс меня за плечо. Открыв один глаз, я увидел Брэндона.

– Вам пора вставать.

Я приподнялся на локтях. Странно, почему я лежу одетым на чужой кровати? Но почти в тот же миг память вернулась ко мне.

Брэндон топтался передо мной, сияя лучезарной улыбкой.

– Вас давно ждут.

Меня все еще одолевала дремота, и вид, вероятно, у меня был заспанный.

– Народ. Он ждет! – пояснил Брэндон, махнув рукой в сторону окна.

Спрыгнув с ложа, я медленно приблизился к окну.

И действительно, внизу колыхалось море голов. Огромная толпа заполонила двор. Я не видел ни деревьев, ни травы, ни дорожек – кругом были только люди.

– Они жаждут лицезреть вас! – воскликнул Чарлз. – Некоторые проторчали здесь целую ночь.

Я начал открывать окно, но он остановил меня:

– Нет, ваша милость. Народ ждет вашего появления, вашего выезда в Тауэр.

Очевидно, звук наших голосов, как бы тихо мы ни говорили, послужил для придворных сигналом к действию. Первым в опочивальню влетел стройный паж.

– Ваше величество, – сказал он, преклоняя колено. – Я хотел бы...

Но его слова заглушил шум множества шагов, и в комнату потоком потекли слуги, которые несли нагруженные блюдами подносы и разнообразные наряды. Один из них, низко поклонившись, начал расстегивать на мне одежду. Я решительно оттолкнул его.

– Но, ваша милость, – протестующе произнес он, – я же заведую вашим гардеробом. И в мои обязанности входит раздевать и одевать короля.

Он с гордостью подозвал своего помощника.

– Мы уже согрели вашу одежду перед камином, согласно протоколу покойного...

– Достаточно! – воскликнул я. – Приступайте.

Да, мне пришлось вытерпеть церемонию утреннего туалета, во время которой два камергера шнуровали, застегивали, крутили и вертели меня, как куклу. (Неужели мой прадед Тюдор действительно ввел такие обременительные порядки?)

Наконец меня нарядили, и я выставил слуг из опочивальни. Мы с Брэндоном ненадолго остались одни.

– Что надо делать? – спросил я. – Отец не поделился со мной этой тайной.

– Вы должны ехать в Тауэр, – ответил он. – На ритуал принятия командования. В прежние времена коронация проводилась сразу после кончины старого государя. Но в наши дни, столь благостные и спокойные, – по губам его пробежала легкая усмешка, – можно действовать без излишней спешки. Вашего батюшку надлежит похоронить со всеми положенными почестями. Однако народ жаждет лицезреть своего нового короля. Людям не терпится, и они не собираются ждать целый месяц до окончания погребального обряда. Потому-то вам и придется прокатиться в Тауэр. – Он улыбнулся. – Это доброе предзнаменование. Давненько при смене правителей люди не видели церемониального королевского выезда. Ваша коронация впервые почти за сотню лет пройдет мирным путем.

– И когда же именно она произойдет? – спросил я, силясь прогнать остатки сонной вялости.

– В день святого Георгия, – произнес вошедший, и я сразу узнал голос Уолси. – В праздник святого защитника Англии. Доброе предзнаменование.

Предзнаменования! Как же они мне надоели. Я вызывающе глянул на Уолси.

– Добрым может быть любой весенний день, – возразил я. – А что касается моего выезда в Лондон...

– Все уже готово, ваша милость. Лошади оседланы, и свита в полном парадном облачении ожидает вашего выхода.

Внезапно я испытал приступ ненависти. Меня раздражало самодовольное всезнайство Уолси.

– И кто же там меня ждет? – спросил я. – Разве я давал... я же не давал вам никаких распоряжений...

– Те, кто любит вас, – любезно ответил он. – Ваша сестра и ваши ближайшие спутники. Они будут сопровождать вас в Тауэр, и вы прекрасно отдохнете там вместе с ними. Сегодня не будет совещания Тайного совета, не придется заниматься делами с престарелыми сановниками. Нынешний день для молодых. – Он уничижительно усмехнулся, словно признавая собственную неуместность на празднике.

– Вы должны поехать со мной, – обратился я к Брэндону.

День выдался чудесный, теплый, уже наполненный дыханием близкого лета. И кровь во мне заиграла. Во дворе я увидел множество людей: моих друзей, сторонников и доброжелателей. Мое появление вызвало бурный восторг, мгновенно переросший в оглушительный рев. Охрипшие, срывающиеся голоса мощным хором взлетали в весеннее небо.

Сомнения и страхи, неуверенность и смятение будто растворились в воздухе с порывом теплого ветра. Я стал королем и испытал от этого огромную радость. Все будет замечательно – я понял это, словно получил обещание...

Вскочив на отличную гнедую лошадь, чей нрав был мне хорошо знаком, я умело направил ее легким шагом к дворцовым воротам. Их уже предупредительно распахнули, и с новым потрясением я увидел за ними громадное скопище народа, бесконечные колонны – по шесть-семь человек в ряду – тянулись по обочинам лондонской дороги. Завидев меня, толпа взревела. К небесам взлетел могучий ликующий хор голосов. И я почувствовал: от людей исходит благотворная, дружеская сила, мне нечего бояться. Мои подданные благословляли меня и желали доброго здравия. Не задумываясь, я сорвал с головы шляпу и тоже вскинул руки в приветствии, отчего восторженные крики еще более усилились. Все это воодушевило меня: и горячее солнце, и явное одобрение народа.

Праздничное настроение не покидало меня. Толпы зрителей выстроились вдоль берега реки, воды которой золотились в лучах набирающего силу светила. Сегодня мы, я и мой народ, в равной мере испытывали радость, нас связывали волшебные узы всеобщего упоения и первобытного счастья.

До Тауэра мы добрались почти в сумерки. Крепостные стены розовели в отблесках заката. За Лондонским мостом стало совсем многолюдно, горожане теснились даже в окнах верхних этажей, стараясь хоть одним глазком увидеть молодого короля. Они не могли заранее подготовиться к неожиданной королевской процессии, однако узкие улочки густо увивали гирлянды, сплетенные из цветущих ветвей яблони, вишни и персика. Их раскачивал свежий вечерний ветерок, и нас осыпали душистые лепестки... Они казались золотым дождем в ярких сполохах факелов, огни которых оживили апрельские сумерки.

Мир перед моими глазами начал расплываться, в зыбком мареве факельного света стирались очертания домов, улиц, нечеткими стали силуэты и лица. А в Тауэре к приветствиям добавились трубные звуки. Да, вновь я прибыл сюда, но мне уже семнадцать...

В стенах крепости меня сопровождали королевские гвардейцы в бело-зеленых мундирах (цвета дома Тюдоров). Подъехав к Белой башне, я спешил, сбросил плащ и приказал принести вина. Начала наваливаться ошеломляющая усталость. Магия закончилась, остались боль в ногах и жжение в глазах...

За мной в башню последовала свита: Брэндон, Невилл, Карью, Комптон. Кто-то принес огромные кубки с вином. Невилл схватил пару кубков с подноса и, вручив мне один, по привычке размахнулся, собираясь хлопнуть меня по плечу, но вдруг его поднятая рука замерла: ведь его старый приятель теперь был королем, а сам он – его подданным. В голубых глазах Невилла отразилось смятение, да и я чувствовал себя весьма неудобно.

– Ваша милость, – почтительно и тихо произнес он, а его рука (как и моя) вяло опустилась и повисла.

Он ждал, чтобы я спас его от неловкости, помог пережить момент осознания того, что в наших судьбах произошла перемена. Я не знал, как мне следует поступить. И вдруг, словно по волшебству, на меня снизошло озарение.

– Благодарю вас, – ответил я так спокойно, словно давно привык к роли короля.

То, чему правители учатся годами, было освоено мной в единый миг. Могу объяснить это только тем, что именно тогда я, видимо, и стал королем, причем бесповоротно. В ту минуту и произошла подлинная коронация: официальная церемония всего лишь скрепила ее печатью, подтвердив свершившийся факт.

И одновременно я понял, что моя главная цель – достичь идеала в управлении страной, превзойти Генриха V и самого короля Артура величием и рыцарским благородством.

На следующий день я вернулся в Ричмонд, где прожил до отцовских похорон, назначенных на начало мая. Меня предупредили, что, в сущности, мне лучше пока отсидеться в замке по причине столь же лестной, сколь и поразительной: народ так бурно ликовал и радовался при виде меня, что любое мое новое публичное появление могло пагубно сказаться на памяти о покойном короле и на его похоронах. Меня это крайне удивило.

Уилл:

Неужели Генрих действительно был так простодушен, как описывает? Он отмечает, как бурно люди приветствовали его, однако поражается тому, что их праздничное настроение будет мешать печальному обряду погребения. Впрочем, стоит вспомнить, каковы мы все бываем по молодости. А ему сравнялось всего семнадцать лет, и, несмотря на радушный прием, он испытывал неуверенность в собственных силах. Те, кто узнал его в более зрелые годы, должны принять это во внимание. Я, к примеру, верю его словам.

Однако должен признать, что если Гарри действительно терзали сомнения, то он умудрился отлично скрыть это. (Триумф королевской воли?) Я видел его в тот день, когда стоял на Лондонском мосту в огромной безымянной толпе.

Генрих, восседавший на громадной лошади, покрытой роскошным чепраком, показался нам золотым божеством – широкоплечий, красивый, совершенно спокойный. Он воистину выглядел по-королевски! Исполненный врожденной грации, он ехал по улицам столицы, откликаясь на поздравления со всем своим юношеским пылом (ведь он был совсем юнцом), еще толком не осознавая себя объектом всеобщего поклонения. Люди полюбили его с первого взгляда, и Генри отвечал им взаимностью. А ведь подобное доверие и привязанность редко возникают в один миг. Подданным понравились красота, наряд, непринужденность и яркая индивидуальность молодого короля. Гарри, взращенный в холодной и унылой серости, всю свою последующую жизнь тянулся к свету, теплу и красочному разнообразию. Народ почувствовал его стремления. И приветствовал их.

Генрих VIII:

Во время траура приходилось заботиться о многих тонкостях, касающихся как погребения старого короля, так и коронации нового. Все надо было подготовить одновременно: похоронные и коронационные процессии, пиры, музыку. В связи с этим волей-неволей разные угощения пеклись бок о бок в королевских печах, а музыканты на репетициях оттачивали

исполнение и минорных и мажорных мелодий. Хотя весь двор, официально пребывая в трауре, носил черные одежды, наряды для коронации уже шили вовсю.

Чем же предписывалось заниматься лично мне? Как и со всех остальных, с меня сняли мерки для пошива коронационного облачения. Но в отличие от других от меня требовалось исполнение всяческих неотложных дел. Раз я намеревался стать идеальным королем, мне следовало взять в свои руки всю власть, оставленную отцом. Я должен был прийти на Тайный совет и ознакомиться с кругом его дел. Пришлось многому учиться. Раньше на этих совещаниях для меня отводилось самое незаметное местечко, а теперь я там председательствовал. В наследство мне достался крепкий и надежный Совет. С одной стороны, это облегчало жизнь, с другой – сильно осложняло ее, поскольку многие отцовские советники были разочарованы тем, что никого из них не назначили моим лорд-протектором, и не имели никакого желания уступать мне руководящую роль.

Все девять советников обладали прекрасными деловыми качествами. Однако двое из них оказались бесчестными: Эмпсон и Дадли, министры финансов. Несмотря на попытки Совета защитить всех своих членов, через придворных более низкого ранга до меня дошли сведения о бессовестных методах сбора денег и «правовых принуждениях», а также о презрительном обхождении этих сборщиков с подданными независимо от их чина, звания и состояния. Именно Эмпсон и Дадли подпортили репутацию моего отца в заключительные годы его царствования.

Я приказал арестовать обоих министров, лишив их перспективы традиционного помилования, и отменил долговые обязательства, полученные в результате их вымогательств. Эти люди поступали как изменники. В моем заявлении говорилось: «Действуя безусловно порочными и незаконными методами, они подвергли сомнению добросовестность всего Совета нашего покойного отца, что, в свою очередь, могло навлечь серьезную опасность на благословенную душу вышеупомянутого покойного короля».

Их злодеяния угрожали душе моего отца, и за это Эмпсон и Дадли заслуживали бесславного конца. Учитывая тяжесть вины, их отправили на эшафот без проволочек.

Уилл:

Вот так возмущали «нравственные» преступления мягкосердечного юношу, которого ужасали «политические» казни! Он не мог казнить за опасные для его власти титулы, зато выносил смертные приговоры за ущерб, причиненный душе...

Генрих VIII:

Трое из семи оставшихся советников представляли духовенство: лорд-канцлер, архиепископ Уорхем; лорд – хранитель малой печати, епископ Фокс; и государственный секретарь, епископ Рассел. Мирскими членами Совета являлись знатные дворяне: лорд-казначей, граф Суррей, Томас Говард; лорд-распорядитель, граф Шрусбери, Джордж Тальбот; лорд-гофмейстер, Чарлз Сомерсет, лорд Герберт Раглан; канцлер казначейства и констебль Тауэра, сэр Томас Ловелл.

Они собирались ежедневно в первой половине дня, независимо от наличия дел для обсуждения. Совещания проходили скучнейшим образом: на первом – им я самолично руководил – битый час говорили о том, откуда следует взять средства на гроб покойного короля, отнести ли их к трапам на содержание двора или взять из «личного кошелька» монарха.

Я понял, однако, насколько важны денежные вопросы. Но не смог уразуметь, какое же состояние я унаследовал, поскольку члены Совета пытались затемнить эти сведения, изо всех

сил ограждая от забот «неопытного юнца», дабы он не промотал наследство. В конце концов именно Уолси обеспечил меня точными цифрами, предоставив аккуратный отчет.

Я прочел его, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. То была геркулесова задача, ибо указанные в отчете суммы казались баснословными.

– Вы уверены в точности ваших сведений? – невозмутимо спросил я Уолси.

– Полностью, – ответил он. – Я получил их из трех разных источников, каждый из которых заслуживает безоговорочного доверия. И сам лично четырежды проверил их.

– Все понятно.

Я отложил этот страшноватый отчетик. Он свидетельствовал о том, что я теперь толсто-сум, самый состоятельный из всех королей Англии и, вероятно, богатейший правитель в мире. (За исключением турецкого султана, о чьих сокровищах не знал даже Уолси.) На некоторое время я попросту онемел.

– Благодарю вас, – произнес я, прервав затянувшееся молчание.

Уолси развернулся и исчез, но я едва обратил на это внимание.

Богат, богат! Поправочка: имущество принадлежало короне. А король может иметь все, чего пожелает. Армию? Хорошо обученную и обеспеченную новым оружием. Дворцы? Сколько угодно. И людей... Я мог покупать их, использовать для украшения моего двора так же, как приобретают лучшие драгоценности, чтобы придать пышность наряду.

В общем, вспоминая первые безмятежные времена моего правления, я вижу их лишь в одном цвете: в золотом. Золото сияющее, потускневшее, полированное. Его божественный блеск. Расшитые золотом наряды и золотые перстни, золотые трубы.

Я ударил по отцовским сундукам – подобно тому, как Моисей извел воду из горной скалы ударом жезла, – и из них заструился ослепительный поток чистого золота. Англия владела ошеломляющими богатствами, как и показал отчет Уолси. Их было достаточно для того, чтобы я мог удовлетворить претензии любого подданного, имевшего спорный долг, возместить ущерб или попросту заплатить жалобщику, пострадавшему от какого-то государственного акта.

Нас потрясло множество откликов: с претензиями приходили сотни людей и мне пришлось назначить особую группу законовевов для разбора их дел. Основной причиной недовольства служили жестокие вымогательства Эмпсона и Дадли.

Большинство исков разрешалось в пользу истцов, и корона заплатила им. Поэтому часть золота вернулась в руки мучительно нуждающихся в нем простолюдинов.

Деньги потекли не только к ним, но и к слишком долго обходившимся без всяких средств музыкантам, ученым, скульпторам и художникам. (Ну почему тем, кого избрали музы, всегда приходилось жить в тисках бедности, в то время как торговцы шерстью ели вдоволь и жили припеваючи? При моем дворе все будет совершенно по-другому.) И вот в Англию потянулись мировые знаменитости – из Италии и Испании (где жестоко притеснялись лучшие представители эпохи Возрождения), из Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и германских княжеств. Эразм. Джон Колет. Ричард Пейс. Хуан Луис Вивес. Мне хотелось, чтобы мой двор стал великолепным центром просвещения, своеобразной академией, посвященной разуму, в духе древних греков. (Я сам начал обучение с греческих мыслителей и читал их труды в оригинале.)

Уилл:

Он, безусловно, достиг желаемого. С трудом накопленные средства Генриха VII обеспечили «академию» Генриха VIII. Вскоре полчища высоколобых творцов с Континента устремились в Англию и, прочно обосновавшись у нас, зазывали сюда друзей и коллег. (Увидев открывшиеся перспективы, бедствующие ученые приняли выгодные предложения; годы лишений научили их ценить деньги.) О дворе молодого Гарри мечтали мыслители и мудрецы. Далее как раз приведен пример того, как один из них (Маунтджой) заманил в Англию другого (Эразма).

Если бы вы могли видеть, как все здесь радуются появлению столь выдающегося юного государя, который воплощает в жизнь самые лучшие пожелания подданных, то и вы не удержались бы от искренней радости. Прекращены всяческие вымогательства, богатства изливаются, как из рога изобилия, однако наш король не ослеплен блеском золота и драгоценностей, его волнуют лишь духовные ценности, процветание и бессмертная слава. На днях он сказал мне: «Хотелось бы мне приобрести более основательные знания». «Но ведь от короля не ждут всесторонней образованности, – возразил я, – ему достаточно поощрять исследования ученых». А он ответил: «Вы, без сомнения, правы, ведь без них человечество едва ли выживет». Вряд ли заурядный правитель сделал бы такое блестящее замечание...

И Эразм приехал. В Англии он примкнул к кружку единомышленников, в который помимо Пейса и Колета входили Линакр, Джон Лиланд и Ричард Уитфорд. А молодой Томас Мор, уже сочинявший свою «Утопию», упорно сопротивлялся, не желая попасть в сплетаемую Генрихом заманчивую паутину. Она в равных долях состояла из золота и обаяния – смертельное сочетание. Благодаря этому молодой король рано или поздно залучал к себе всех, на кого набрасывал свои сети. Не то чтобы самому Гарри не хватало ума или талантов. Он был богато одаренной личностью, но смятение царило в его голове – в этом-то и таилась опасность. Гарри искренне, точно ребенок, тянулся к знаниям. Он ознакомился с корабельным делом, стал опытным моряком, а, к примеру, о прибрежных водах Франции знал даже больше служащих адмиралтейства. Вот что записал один простой солдат, участник губительной французской кампании Генриха, в своем дневнике: «Он овладел множеством научных знаний и языков. Он славился как прекрасный теолог, сведущий философ, отлично освоил военные и боевые искусства, разбирался в тонкостях ювелирной и оружейной техники, в строительстве военных крепостей и увеселительных парков и дворцов, причем уважительно относился к любой добросовестной работе, считая важным как деятельность короля, так и труд извозчика».

Да, Гарри изрядно увлекался теологией, хотя, возможно, не досконально постиг ее догматы. Тем не менее его сведения в этой области производили весомое впечатление не только на многих епископов, но и на самого папу. Кроме того, бесспорны исключительные музыкальные способности Генриха. Он сочинял разные произведения, от церковных гимнов и песнопений до любимых народом баллад и мелодий. Они до сих пор еще исполняются; и даже королева Мария слушает во время месс написанные им мотеты «О Господь, творец всего сущего» и «*Quam pulchra es*»²².

Всего пару дней назад на кобемском рынке я встретил красотку, которая пела «Зеленые рукава». Я спросил ее, откуда она знает эту балладу. «Просто запомнила, – ответила она. – Все поют ее». А сочинил-то мелодию Гарри, и людям она полюбилась. Если бы он не стал королем, то мог бы, я уверен, зарабатывать на жизнь, сочиняя и исполняя музыку.

Однако судьба менестреля миновала Генриха. Зато он собрал при дворе оркестр из лучших музыкантов и певцов. Руководил ими Роберт Ферфакс. Они славились своим мастерством, и никто даже отдаленно не мог сравниться с ними. Ни при каком другом королевском дворе не было подобного оркестра. Во Франции (якобы опережающей всех на музыкальном олимпе) музыканты играли ужасно, певцы фальшивили и сбивались с ритма, а «сочинители», не обученные музыкальной грамоте, обычно на концертах напивались допьяна.

Генрих VIII:

²² «*Quam pulchra es et quam decora*» (лат.). Мотет создан под впечатлением от «Песни песней» Соломона, и этот стих переводится: «Как ты прекрасна, как привлекательна [возлюбленная, твоей милотливостью]».

Мне приходилось заниматься и менее важными делами. В числе прочих – обновлением королевских покоев по собственному вкусу. (Все началось с изгнания противной обезьяны. Возможно, это изменение было самым лучшим.) Я отправил заказы на ковры в Турцию, на стеклянную посуду в Венецию, на инкрустированные деревянные и мраморные столы в Италию и на глазурованный фарфор во Францию. (В данном случае не имели значения постоянная вражда между христианскими и мусульманскими державами, осадное положение Венеции и не слишком добрые отношения с Францией. Как ни странно, войны никак не затрагивали купцов, их возмущало только разрушение торговых путей.) Вместо жалкой мебели и соломенных подстилок на полах – той обстановки, что была при отце, – в апартаментах постепенно появлялись новые вещи, которые проделали долгий путь на верблюдах и кораблях.

А зал аудиенций нуждался в более существенных переменах. Ибо, как говорил Фарр, «король должен выглядеть по-королевски». И я понимал, что невозможно обойтись без достойного окружения. Тронный зал призван ослеплять посетителей, и нет никакой пользы в богатом наряде монарха, если выцветший балдахин над его тронном проеден молью.

Уилл:

Ему хотелось ошеломлять, и он преуспел в своих намерениях.

Я отлично помню, как впервые увидел Гарри в полном парадном облачении под тронным балдахином. Он казался не простым смертным, а небожителем. Каким и надлежит выглядеть королю.

Мы с вами забываем, что в обязанности монаршей особы входят налаживание работы кабинета министров, а также заботы о мощении дорог или чтении законов. Я знаю, каково общепринятое мнение: король является особым созданием, происходящим из божественно предопределенного рода. Однако прадед Гарри заведовал гардеробом. Откуда же тогда взялась в нем королевская кровь? На какой стадии она чудодейственно преобразилась? Нет, Кэтрин (раз вы радикальны в вопросах веры, то, думается, ваш радикализм можно распространить и на другие сферы), подлинное величие проявилось в его наследниках лишь после их призвания к безграничной власти. «Король должен выглядеть по-королевски». Но не все так просто, как кажется. Правда в том, что очень мало людей умеют убедительно «поступать по-королевски», пытаясь играть роль государя. Гарри умел, гениально умел; он мастерски пленял воображение, завладевал людскими душами, завоевывая преданных сторонников. Он с самого начала осознал, каково могущество внешнего впечатления, и, не прилагая ни малейших усилий, пользовался своим величайшим наследством: ослепительной наружностью. Вы помните того остроумного венецианского посла, Юстиниана? Он прослужил при дворе Гарри четыре года и написал книгу, весьма уместно озаглавленную «Четыре года при дворе Генриха VIII». Далее привожу его запись об одной из «аудиенций» Генриха:

«Его пальцы унизывали драгоценные перстни, а под золотым воротником сверкал бриллиант величиной с грецкий орех. На короле были камзол из белого и красного атласа и пурпурная бархатная мантия с белоснежной шелковой подкладкой. Он принял венецианских послов, восседая на троне под золотым парчовым балдахином».

Правителю полагается быть необыкновенным, исключительным, ибо таким народ хочет видеть его. Нам это нужно – в равной степени мы нуждаемся в том, чтобы плотники делали выдвижные ящики, которые хорошо бы скользили, открываясь и закрываясь. Многие из поступков Гарри непостижимы, если судить о них как о действиях обычного человека, но они воспринимаются в другом свете, если вспомнить, что он король. Нас более всего потрясает тот, кто осознанно стремится быть идеальным, превосходным монархом.

И при этом исключаются любые колебания и полумеры. Монарх всегда остается собой. Он должен присаживаться на стульчак с той же важностью, с какой восседает на государственном троне. Недопустима даже минутная слабость: маска величия должна неизменно заменять

обычные человеческие проявления, подобно тому как сахарный сироп вытесняет натуральные ароматы в засахаренных фруктах и цветах. У них сохраняется исходная внешняя форма, но их внутренняя сущность становится совершенно иной.

Гарри легко свыкся с такой ношей и подавал свою царственность с великолепной убедительностью. Чего это ему стоило в человеческом смысле, разъясняется в его дневнике.

Генрих VIII:

Порой я ощущал себя римским сотником, который сказал Господу: «...ибо и я подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: „пойди“, и идет; и другому: „приди“, и приходит; и слуге моему: „сделай то“, и делает»²³. Я, как тот центурион, распоряжался многими людьми и знаю точно: чувство власти опьяняет.

Однако быстро обнаружилась ее оборотная сторона. Да, я мог приказывать своим подданным – мужчинам и женщинам. Но в отличие от евангелического легионера скоро выяснил, что ритуал, сопровождавший любой мой приказ, лишает меня свободы выражения и постепенно замедляет мои побуждения и жесты до такой степени, что уже начинает казаться, будто я живу в чудесном сне. Если бы, проголодавшись, я потребовал подать мне хлеба с пивом, то столь скромный приказ задел бы гордость и привилегии десятка слуг. Каждый из них стал бы завидовать получившему задание счастливицу. Посыльный не должен сам приносить поднос, ибо это обязанность королевского камергера, а тот, в свою очередь, не может входить в личные покои короля и передает поднос камердинеру, который вручает его мне... Вы понимаете, в чем сложность? Вместо того чтобы велеть кому-либо за чем-либо сходить, я зачастую обхожусь без желаемых вещей, дабы избежать долгой церемонии.

Зачем же тогда я подчиняюсь всем этим условностям? Потому что мне ясна истинная цель такого порядка: он ограждает меня от бесконечных претензий честолюбцев и жалобщиков. Длинная цепь приказов, протянувшаяся между мной и моими слугами, сплетает вокруг меня отличную защитную паутину, и раз я сам не могу прорвать ее, никто из посторонних также не проникнет ко мне.

При выходе из королевских покоев множество людей начинают одолевать меня просьбами. Одним нужна приличная должность для родственника. Другие умоляют повлиять на благоприятное решение их дела, разбираемого придворным законоведом. Безусловно, просители не давят на меня в прямом смысле; они облачаются в изысканные шелковые одежды, почтительно держатся на расстоянии, коего требует этикет, и не кричат, а тихо шепчут свои просьбы. Но неужели так трудно понять, что мне необходимо порой побыть одному, отдохнуть на соколиной охоте, пострелять оленей или прогуляться верхом? Иногда я кажусь себе наковальней, по которой все бьют молотами своих желаний, отчего у меня начинает звенеть в голове.

В связи с этим пришлось посетить еще одно собрание, чтобы хотя бы немного разобраться в придворной иерархии: ее возглавлял лорд-сенешаль, который председательствовал на так называемом Совете зеленого сукна. Подчиненные лорд-сенешаля отвечали за обеспечение двора всеми земными благами. Сам он присматривал за деятельностью двадцати пяти департаментов – пекарен и продуктовых складов, посудомоечных и прачечных, – каждый из которых обслуживался отдельным штатом. Эти освященные веками традиций службы бывали, в силу внесенных жизнью изменений, совершенно абсурдны: к примеру, «птичник» поставлял овец, в то время как «актуарий», секретарь конвокации, тоже занимался поставками мяса, включая баранину. Лорд-сенешаль управлял (если такой глагол здесь уместен, учитывая полную неразбериху в делах) армией, насчитывающей двести двадцать человек. (В мирное время он распоряжался огромными деньгами, коих не мог позволить себе ни один богач в королевстве.) Тем не менее он проверял счета и записывал поставки, еженедельно заседа с казначеем

²³ Мф. 8: 9.

и ревизором за столом, покрытым зеленым сукном. Отсюда и произошло негласное прозвание этих заседаний.

Я побывал на трех таких совещаниях. Одно из них было полностью посвящено одной теме: где лучше закупать пшеницу – в Кенте или Дорсете? (Вопрос, безусловно, интересный, но вряд ли он требует присутствия королевской особы.) На втором выработывался план сбора свечных огарков и повторного их использования. А на третьем обсуждалось наилучшее применение для гусиных перьев. После этого я перестал лично присутствовать на них, предпочитая посылать Уолси.

Но перейдем к более важным делам: еще не осуществилась моя давняя мечта. Я хотел жениться. Да, мне была нужна королева. И кто, как не Екатерина, с которой мы давно обручились, подходила на эту роль больше остальных? Я не придавал значения расплывчатым брачным договорам отца: с его кончиной они потеряли законную силу. (Особенно потому, что в одном договоре он сам выступал в роли жениха.) Мне хотелось обвенчаться именно с Екатериной.

Как оказалось, следовало поторопиться. Прослышав о матримониальных планах отца с Габсбургами, испанцы совсем отчаялись дождаться нашей свадьбы, и испанский посол отправил из Англии большую часть имущества Екатерины, считая, что не за горами и ее собственный отъезд. А сама она, поклявшаяся, что лучше умрет в Англии, чем вернется в Испанию незамужней, готова была нарушить свой обет.

Но в отличие от нее я хотел сохранить ему верность. Мы с Екатериной оставались обрученными. Я велел пригласить ее в мои покои на следующий день.

Она прибыла точно вовремя. Я испытал легкое разочарование, когда низенькая, бедно одетая дама пошла мне навстречу по большому залу. Она выглядела значительно старше и не такой красивой, как мне помнилось. Но я не видел ее при хорошем освещении почти шесть лет, и за это время сам превратился из мальчика в мужчину. Все-таки она по-прежнему моя невеста.

– Екатерина, – сказал я, подходя к ней с протянутыми руками, – жена моя.

Я заметил, как сильно возвышаюсь над ней. Моя нареченная... так приземиста? «Нет, – мысленно возразил я себе, – напротив, она очень изящна, несмотря на маленький рост».

– Нет. Вы же должны породниться с Габсбургами, – со смущенным видом произнесла она. – Де Пуэбла уже начал переправлять мое приданое в Брюгге.

– Черт с ним, с приданым! – воскликнул я. – Мне оставили громадное состояние, такого еще не получал ни один английский король. Я не нуждаюсь в вашем приданом и не хочу его. От него пахнет тайными и фальшивыми сделками и ухищрениями. Мне нужны вы, Екатерина, а не ваши сундуки.

Она продолжала пристально смотреть на меня. Вдруг я перепугался: неужели принцесса так и не выучила английский? Я сделал шаг вперед, но она отступила.

– Прошу вас, Екатерина, – сказал я. – Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Она замерла в напряженной позе. Потом тоном сорокалетней гранд-дамы сухо и с достоинством процедила:

– Очень хорошо.

Внезапно Екатерина бросилась ко мне, раскинув руки.

– Генри! – вскричала она, вскинув на меня влажные блестящие глаза. – Мне тоже хотелось... но я полагала... – она смахнула слезы, – я полагала, что этому не суждено сбыться.

– Нет, Екатерина. На самом деле наоборот. – Я заявил об этом со слепой уверенностью, свойственной молодости. – Вопреки всем препонам мы с вами поженимся! И скоро... дабы нас короновали одновременно.

– Когда же?

– Сразу после похорон моего отца. Мы обвенчаемся тайно и на несколько дней сбежим из Лондона, уединимся...

– Беглая супружеская пара!

– Вы хорошо преуспели в английском, – рассмеявшись, заметил я. – Да, мы станем беглыми супругами! Мы приведем в полное замешательство всех тех, кто стремился помешать нашему соединению из-за иных договоров, альянсов, приданого и освобождения от обетов. Мы же молоды и любим друг друга. Все остальное не имеет значения.

– Да, – подхватила она, – никакого значения.

Наклонившись, я поцеловал ее. Ее губы были упругими и прелестными.

– Теперь я король, – пробормотал я. – И нам с вами нечего больше опасаться.

13

Мы с Екатериной поженились в середине июня, всего за две недели до коронации. Свадьба прошла скромно. Служба состоялась в Гринвиче в церкви бенедиктинцев (где меня когда-то крестили), и обвенчал нас архиепископ Уорхем. Присутствовали лишь члены семьи.

Уилл:

Интересная особенность: Генриху в отличие от его брата Артура так и не довелось покровиться на собственной пышной свадьбе, хотя он обожал многолюдные общенародные празднества. Когда и где он женился на Анне Болейн, Джейн Сеймур или Екатерине Говард, остается тайной для большинства его подданных.

Генрих VIII:

Третий раз я стоял рядом с Екатериной, повторяя брачные обеты. Первый раз – в десять, второй – в двенадцать, и вот теперь в семнадцать лет.

Мне с трудом вспоминается тот день, ибо наши дальнейшие отношения вытеснили его из памяти. Но я испытывал гордость и настоял, чтобы Екатерина надела мой свадебный подарок: ожерелье из огромных жемчужин с мраморный шарик²⁴ величиной. Тогда я не знал народной приметы: мол, жемчуг невесты отошьется ей слезами и плакать она станет из-за своего суженого. Впрочем, тогда я все равно не поверил бы в это. Мы вступили на паперть, и вдруг сверху брызнули серебристые капли. Пошел грибной дождь. Второе предзнаменование того же толка... Слезами будет оплачена каждая дождевая капля, упавшая в день венчания. Но мы восприняли тот дождь как кропление святой водой, как небесное благословение и счастливый дар. Смеясь, мы взялись за руки и побежали по плитам двора к Гринвичскому дворцу, где нас ожидал семейный свадебный пир.

«У бедняжки Екатерины не было родни в Англии, но это пустяки, – подумал я, – ведь теперь мы одна семья».

Из моих родственников за столом сидели бабушка Бофор (она неважно себя чувствовала) и мой одиннадцатилетний кузен Генри Куртене, граф Девон. С нами пиروвал и мой так называемый дядюшка, Артур Плантагенет, родной сын Эдуарда IV от одной из его любовниц. Он был лет на десять постарше меня. Достойно внимания отсутствие некоторых членов моей семьи: мой кузен Эдмунд де ла Поль, герцог Суффолк, по-прежнему пребывал в Тауэре, а его братец Ричард сбежал во Францию. Празднество не отличалось многолюдием.

Зато веселья и радости нам вполне хватало. На лице моей бабушки отражалось откровенное облегчение. Ее внук взошел на английский трон, женился, и будущему рода Тюдоров больше не грозит опасность. Теперь старая леди могла спокойно уйти в мир иной, что и произошло всего три недели спустя.

Сидя рядом с Екатериной, я не мог оторвать от нее глаз, словно еще не верил, что она действительно стала моей. И она невольно поглядывала на меня, видно не узнавая в молодом и красивом короле того десятилетнего мальчика, который был ее другом.

Не смолкала музыка менестрелей, казались бесконечными перемены блюд. Я испытывал нарастающую тревогу и смутное беспокойство. Мне хотелось, чтобы свадебный пир завершился, и одновременно я желал, чтобы он продолжался вечно...

Неужели я готов сделать признание? Да, я все еще хранил целомудрие. В отличие от моих приятелей по боевым искусствам и турнирам я пока не познал женщину. А могло ли быть иначе, ведь до сих пор мне приходилось жить в уединении под бдительным надзором

²⁴ Игра в мраморные (или стеклянные) шарики в то время была широко распространена.

дворцовой стражи и самого короля! О, разумеется, служанки, бывало, заигрывали со мной. Но они не привлекали меня... возможно, потому, что так откровенно жаждали отдаться. Или меня смущала собственная неопытность, которая, по моим предположениям, могла стать для них очевидной, и потом они потешались бы надо мной на кухне или в прачечной. Поначалу, считая себя слишком юным, я попросту боялся, а позже, как ни смешно, я стал казаться себе уже слишком старым.

И вот теперь мне предстоит возлечь с Екатериной на супружеское ложе. Молодой король, превозносимый как новоявленный Гектор, преемник Ланселота и всех прочих героев, оставался таким же неискушенным, каким проявил себя когда-то его хилый старший брат. Его жена – теперь моя королева. Я припомнил, как десятилетним юнцом в блаженном неведении посмеялся над робостью и недостатком самоуверенности Артура.

Мы остались одни в опочивальне. Благополучно закончился унижительный, но должным образом проведенный ритуал «укладывания новобрачных в постель». Наши друзья и приближенные специально пришли на церемонию раздевания (происходившую за отдельными ширмами), приятели толпились вокруг, забрасывая меня непристойными шуточками и советами. Я продолжал прикладываться к вину. Брэндон подмигнул мне и закрыл кубок ладонью.

– Ваша милость, пить больше не стоит. Вам же известна притча: «Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше... Впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид»²⁵.

Я поспешно отставил кубок, чем вызвал громкий взрыв смеха.

За другой ширмой Екатерину раздевала Мария де Салинас, ее испанская придворная дама и ближайшая подруга. Потом нас вывели из-за ширм и препроводили к необъятной кровати под новым бархатным балдахинном. («Как агнцев на заклание», – невольно подумал я, полагая, что наши белые одеяния лишь подчеркивают такое сходство.) С разных сторон мы поднялись по пологим ступенькам и неловко легли на ложе. Мария и Брэндон натянули на нас покрывала. Вся компания, отступив, удовлетворенно поглядывала на нас.

– Мы все видели! – качнувшись, вдруг вскричал Карью и взмахнул своим мечом.

Он изрядно напился.

Наконец свидетели удалились, и я повернулся к Екатерине. Мы выглядели до смешного глупо, как две куклы, обряженные в расшитые кружевом ночные рубашки и уложенные на подушки. Под покрывалами что-то странно шуршало и царапалось. Я запустил под них руку и вытащил сухую ветку.

– Это луговая буковица из Испании, – тихо пояснила Екатерина. – Она придает простыням запах свежести.

Медленно приподнявшись, она вынула шпильки из прически, и золотисто-медовые волосы волнами рассыпались по ее плечам.

Ее движения пробудили во мне ответное желание действовать, и я мягко коснулся ее волос, прохладных и гладких, словно новый атлас, провел по теплой ровной спине. Внезапно меня затопила глубокая нежность. Казалось, все, что я любил в этой жизни, чудесным образом воплотилось в одном существе.

Наклонившись, я ласково поцеловал новобрачную, приятно удивившись пухлости ее горячих губ. Она пылко прижалась ко мне, и через тонкую ткань рубашки я ощутил упругие округлости ее груди. «Для такой малорослой и худенькой дамы у нее на редкость пышные груди», – подумал я отстраненно. Неизвестный мне внутренний голос безучастно отмечал разные подробности, меж тем как я был во власти смятения и смутного возбуждения. Робость

²⁵ Притч. 23: 31, 32.

куда-то испарилась, и мое желание мгновенно возросло до животворной страсти. В нетерпении я развязал тесемки ночной рубашки Екатерины. Одна из них оторвалась.

– Милорд... – начала она, озабоченно подняв ее.

– Я подарю вам новую! – отрывисто бросил я. – А вы лучше сами снимите ее!

– Сначала нужно задуть свечи.

– Нет, я хочу видеть вас! Вашу красоту, – смущенно добавил я.

– Не надо... – прошептала Екатерина. – Не надо света. Пожалуйста... Генри. – Она пронесла мое имя после большой паузы.

Я хлопнул по подсвечнику, и огоньки погасли. Тогда, сбросив рубашку, я начал раздевать свою нареченную. Все происходило в возбужденной суете, но мог ли неискушенный семнадцатилетний юнец действовать уверенно?

Она оттолкнула мои руки и, медленно сняв ночную рубашку, изящно бросила ее на пол. Потом вдруг Екатерина повернулась и прижалась ко мне всем телом.

– Ах, Генри... – пролепетала она, обняв меня и лаская мою спину.

Она целовала меня, вздыхая и постанывая. Неужели именно в тот момент я погиб, возжелав языческого рая?

В результате все произошло само собой. Видимо, соитие заложено в нашей природе, и только благодаря этому мы успешно удовлетворили естественное желание.

Екатерина казалась такой невинной... Трудно, однако, одному девственнику с уверенностью распознать другого. Поэтому через много лет, когда возник яростный спор по этому вопросу, я дипломатично хранил молчание, чтобы не выдать себя.

14

Уилл:

Общенародные празднества продолжались в Англии около полугода, с кончины старого Генриха в апреле до холодных осенних ветров. Бурное ликование охватило и простой люд (окружавший меня в те дни), и самую родовитую, на мой взгляд, знать. Очень трудно описать царившее тогда настроение – пожалуй, то был всеобъемлющий восторг. Молодого Гарри – так его называли – встретили с распростертыми объятиями, ему могли позволить и простить все, что угодно. Народ едва ли не мечтал о том, чтобы он согрешил, дабы выразить ему свое безоглядное признание.

Но он вел себя благопристойно, словно строго следовал личному уставу под названием «Кодекс великого государя». Обладая, без сомнения, всеми достоинствами, молодостью, красотой и одаренностью, Генрих неукоснительно, по пять раз на дню, посещал мессы, выполнил обет, взяв в жены испанскую принцессу, и украсил унылый чертог отцовского двора великолепными звездами мудрости, остроумия и талантов. С тревожным волнением люди ждали, какую же коронацию он устроит. И Гарри не разочаровал их.

Генрих VIII:

Для коронации я выбрал день летнего солнцестояния 1509 года. Даже сегодня, едва я написал эти слова, от сухой листвы моей старческой памяти повеяло ароматом свежей зелени. Середина того лета уже почти сорок лет хранится, подобно засушенным в гербарии цветам, в копилке ослабевшей памяти редких очевидцев, оставшихся в живых...

А в тот день бесконечные толпы народа высыпали на извилистые лондонские улицы посмотреть, как проследуют молодые Генрих и Екатерина к Вестминстерскому аббатству. Люди встречали нас многоголосым хором приветствий и протягивали к нам руки. Я до сих пор мысленно вижу те лица, цветущие здоровьем (слегка покрасневшие от вина, выданного по моему повелению всем простолюдинам) и сияющие от счастья. Подданные нуждались во мне, а я – в них, и по нашему взаимному заблуждению мы полагали, что радость сия будет длиться вечно.

Когда мы достигли аббатства, я спешился. Фрейлины помогли Екатерине выйти из паланкина. Как девственная невеста, она облачилась в белоснежный наряд, поверх которого свободно рассыпались ее золотисто-каштановые волосы. Я подошел и взял ее за руку. Перед нами расстилался чудесный белый ковер, по которому нам предстояло прошествовать к входу в храм. Плотные ряды лондонцев выстроились вдоль нашей ковровой дорожки.

И вдруг вся эта церемония показалась мне странно знакомой. Ведь однажды я уже вел Екатерину по точно такой же дорожке к величественному собору. На душе стало тяжело, словно пролетевший ворон закрыл на мгновение лик солнца. Но гнетущее чувство быстро улетучилось, я спокойно повернулся к жене и шепотом спросил:

– А вы помните другой торжественный случай, когда вот так же шли рядом со мной?

Екатерина подняла на меня глаза (и тут же вновь устремила взгляд к церковному входу).

– Да, милорд, – тихо признала она. – Тогда вам было всего десять лет. Но уже в тот момент я подумала, что вы будете... что вам суждено...

Она не договорила, поскольку мы подошли к дверям аббатства, где ждал нас архиепископ Уорхем. Вдруг сзади поднялся страшный шум, я обернулся и увидел, что люди бросились к коврам, орудуя ножами и ножницами. Они вознамерились разрезать его, разобрать на лоскуты, которые будут напоминать о дне коронации Генриха VIII, дабы потом передать по наследству детям и внукам. (Интересно, сохранились ли еще у кого-то те обрезки?) Такова традиция, пояснили мне. И все-таки вид поблескивающих лезвий был неприятен...

Мы с Екатериной торжественно проследовали по главному нефу, обрамленному трибунами со скамьями. Там расположились вельможи и представители знатных родов, удостоенные чести присутствовать на коронационной церемонии. Возле главного алтаря мы остановились, и я прошел к старому деревянному тронному креслу, веками служившему для коронаций. Помню, мне подумалось, как грубо выполнена его резьба и сколь топорно оно сколочено. Но потом, опустившись на сиденье, я испытал такое ощущение, будто оно сделано по заказу специально для меня.

Архиепископ повернулся к собравшимся и звенящим голосом спросил, желают ли они видеть меня своим королем. Троекратно они выразили свое согласие, причем третий ответ прозвучал так громко, что звук, достигнув высоченных храмовых сводов, многократно отразился от них. Я мысленно задался вопросом (что за странные мысли приходят в столь важные моменты?), слышит ли этот хор моя упокоившаяся в личном приделе за главным алтарем семья – отец, мать, мои умершие братья и сестры Елизавета, Эдмунд и последнее дитя.

Но тот день славил живущих. Уорхем совершил надо мной обряд миропомазания, теплое масло приятно пахло. Потом, когда я произнес должные клятвы, он возложил на мою голову тяжелую, усыпанную драгоценностями корону. Я вознес молитвы, прося Господа помочь мне сохранить и защитить ее, стать достойным королем. После мессы я дал обет – под страхом проклятия моей бессмертной души – посвятить все свои деяния на благо Англии. Я буду служить ей как благородный и отважный рыцарь.

Некоторые философы заявляют, что коронация всего лишь пышный ритуал, однако он изменил меня – неуловимо и бесповоротно. Я никогда не забывал тех клятв.

Через пару месяцев после моего восшествия на престол я поразился тому, насколько сильно изменилась моя жизнь. В апреле я был испуганным семнадцатилетним принцем, а ныне (я отметил восемнадцатый день рождения и считал себя значительно старше) стал коронованным монархом. Неблагоприятных событий, пугавших меня злосчастий не случилось: никто не оспаривал мои права на престол (я пока не последовал отцовскому совету насчет казни де ла Поля, и он по-прежнему здравствовал, хотя и в пределах Тауэра). Я руководил деятельностью Тайного совета и Совета зеленого сукна. У меня появилась законная жена. И когда через месяц после коронации Екатерина сообщила мне, что ждет ребенка, я от души рассмеялся. Все проходило удивительно гладко, роль короля мне удавалась с легкостью. Чего же я так страшился?

В эти дни все другие цвета затмевал чудный оттенок золотых волос моей Екатерины. Ее локоны кружились передо мной в танцах, пронизанные солнечными лучами пряди струились по ее спине, когда она скакала на коне по лугам и паркам; я вспоминаю ее сияющие волосы, разметавшиеся в кровати по подушкам, плечам, обвивающие мои руки... Мне даже не верилось, что смертный человек может быть так счастлив, это блаженное довольство казалось мне греховным – таким оно, в сущности, и оказалось.

15

Вскоре безоблачная жизнь закончилась – внезапно и резко, как обрывается счастливый сон. Настал день, когда Уолси (он де-факто принял на себя пост моего личного курьера при Тайном совете) доложил мне о прибытии французского эмиссара.

Зачем он к нам пожаловал? Я удивился. Произошло какое-то несчастье с Луи XII? Должен признаться, я почти надеялся, что этот старый паук отправился в мир иной.

Последние несколько лет французы вдруг начали вести агрессивную политику. Прошло около века с тех славных дней, когда наш король Генрих V завоевал большую часть Франции, и она потихоньку залечивала раны от поражений, как больной, переживший чуму. Сначала французы сплывали свои силы, потом вытеснили нас из Нормандии и Аквитании на прежние позиции, и теперь мы удерживали только Кале и незначительную прилегающую к нему область. Потом эти наглецы покусились на Бургундию и Бретань. Их аппетиты становились все более ненасытными, как бывает у выздоравливающего. Они не удовлетворялись восстановлением потерянных владений и жаждали новых завоеваний: в частности, их алчный взор обратился к Италии. Не важно, что они вступили в Камбрейскую лигу, заключив союз с императором, испанцами и папой, – это не помешало французам вторгнуться в Северную Италию и угрожать Венеции.

Англию формально связывал с Францией мирный договор, подписанный моим отцом и Людовиком. Однако после смерти отца он потерял силу, а я не очень-то желал возобновить его.

Папа римский начал взывать о помощи, осознав, что Франция всерьез посягает на итальянские земли, да и я не забыл, что Людовик пригласил у себя де ла Поля и до сих пор оказывал гостеприимство его младшему брату Ричарду. Поэтому смерть Луи могла бы решить многие сложности или, по крайней мере, укротить на время ненасытные амбиции французского королевства.

Я оделся (вернее, прошел ритуал облачения в церемониальный наряд для аудиенции, что требовало участия доброй полдюжины придворных) и прошествовал в Тронный зал. Уолси уже проворно собрал членов Тайного совета, и они почтительно ожидали, когда я займу королевское кресло.

Церемониймейстер возвестил о приходе французского эмиссара. Этот надушенный щеголь разразился потоком витиеватых приветствий, которые я быстро оборвал, поскольку меня покорила волна тошнотворно-приторных ароматов. Он весь пропитался ими, напоминая мне о розово-ладанном фимиаме в опочивальне умирающего отца. Я предложил послу без проволочек изложить порученное дело, и наконец он приступил к нему. Он доставил от Людовика ответ на якобы написанное мной письмо, в коем я просил моего брата, самого христианского из королей Франции, жить в мире и согласии со мной. Эмиссар вручил мне упомянутое послание, также провонявшее духами, – возможно, от близости к своему курьеру.

Развернув письмо, я быстро прочитал его, чувствуя, как начинают пунцоветь мои щеки, словно от возмущения вся кровь предательски бросилась мне в голову. Это, по обыкновению, еще больше смутило меня.

– Что? – медленно процедил я. – Неужели король Франции, который не смеет лично взглянуть мне в лицо... не говоря уж о том, что исподтишка затевает войну... осмеливается заявить, что я прошу о мире?

Фраза «не смеет лично взглянуть мне в лицо», признаюсь, была произнесена с мелочной напыщенностью, и причиной тому послужило ошеломление. Кто же посмел настроить от моего имени подобострастное, унижительное письмо и скрепить его королевской печатью?!

– Кто из вас виновен в этом недоразумении? – грозно спросил я, окинув тяжелым взглядом советников, выстроившихся по обе стороны от тронного помоста.

Может, Уорхем, мой лорд-канцлер? Он уныло, словно печальный старый пес, посмотрел на меня. Министр Рассел? Я пристально глянул в его черносморудиновые глаза, лишенные всякого выражения. Фокс, лорд – хранитель малой печати? Он самодовольно улыбался, полагая, что его защищает церковное облачение. Или нашлись иные бумагомараки – Говард, Тальбот, Сомерсет, Ловелл? Они ответили мне безучастными улыбками. Никто из них не мог совершить такой поступок. Должно быть, к посланию приложил руку один из Отцов Церкви.

Боясь, что голос выдаст обуревавшую меня ярость, я молча встал и, подавляя гнев, направился к выходу.

– Ваша милость! – произнес Фокс с оттенком явной повелительности. – Эмиссар ждет вашего ответа.

– Так пусть он получит его, – развернувшись, бросил я, и эти слова прозвенели в большом зале, недавно украсившемся новой позолотой и фламандскими коврами. – Аудиенцию вполне может продолжить тот, кто на удивление сведущ в сочинении посланий от имени короля...

И я покинул зал. До меня донесся гул встревоженных и сердитых голосов.

Неужели я поставил советников в затруднительное положение, привел в замешательство? Не важно. Мне хотелось придушить Фокса, схватить за старую жилистую шею, выволочь во двор и отдать на растерзание собачьей своре. Однако я ограничился словесным выпадом. По крайней мере, этот фатоватый француз не сможет доложить Луи, что английский король учинил варварскую расправу над одним из своих подданных.

За пределами Тронного зала я постоял, привалившись к дверям, и понемногу успокоился. Теперь мне все стало ясно. Отец вознамерился править из могилы с помощью трех своих верных советников. Именно поэтому он не назначил регента: негласный проводник королевской воли будет действовать более надежно и скрытно, и оба эти обстоятельства отлично устраивали отца. Теперь он мог безмятежно покоиться в своей великолепной гробнице («посмертная обитель роскошнее, чем любой его земной приют», отозвался о ней один придворный остро слов), вполне довольный сознанием того, что его не заслуживающий доверия своевольный отпрыск не примет важные решения самостоятельно.

«Он невосприимчив и глуп...» Неужели отец думал, что я по тупости природной соглашусь неправомерно использовать мою подпись или королевскую печать? Дельце пахло государственной изменой. И он полагал, что даже она оставит меня равнодушным?

Оказавшись в своих уединенных покоях, я налил себе большой кубок вина. (На тот момент мне уже удалось избавиться от навязчивой помощи придворных и слуг.) Гнев и унижение сражались в моей душе, но холодная суровая решимость возобладала. В конечном счете мне хотелось наказать вовсе не Фокса. Ведь он лишь исполнял приказ, храня верность королю, которому присягнул много лет назад. Господи, пошли мне такого слугу!

Я приблизился к отцовской кровати. С нее уже сорвали выцветшие, потрепанные занавесы, соломенный тюфяк и жалкие покрывала сменились уютной периной и мягкими шерстяными одеялами. Я тратил деньги отца, уничтожил привычную для него обстановку, нарушил его брачные договоры, отказался от его претензий на приданое и жарко топил камин, которые при нем стояли холодными. Я сделал многое, однако не устранил его влияния на мою жизнь. Он по-прежнему оставался королем Англии и правил страной руками своих советников.

Я растянулся на кровати и погрузился в размышления. Каким же я оказался дураком! Неужели мнение отца справедливо? Меня это ужаснуло. Значит, я решил, что королем быть легко? Ведь так и было задумано – меня успокоили, убаюкали мои страхи и сомнения...

Мне необходимы верные люди. Не осторожный и выдохшийся отцовский Совет, а мои собственные сподвижники. Для начала хотя бы один надежный сторонник. Кто? Я лежал, растерянно поглядывая на резной деревянный остов балдахина, рассматривал вышитых на нем херувимов, затейливые банты, символизирующие союз истинной любви и дружбы, сцены охоты, но в голове не всплывало ни единой стоящей мысли.

– Ваша милость?

Дверь тихо приоткрылась. Я резко поднялся с кровати. Кто посмел нарушить...

Появился Уолси. Он притащил какой-то свиток.

– Не сейчас, – сердито отмахнувшись, буркнул я, не имея на тот момент никакого желания проверять отчеты. – По-моему, я дал ясное указание, чтобы меня не беспокоили!

Похоже, мне не подчиняются даже в моих личных покоях.

– Я знаю, – с поклоном ответил он. – Однако мне удалось убедить вашего камергера...

Уолси. Да. Он был моим сторонником. «Мне удалось убедить вашего камергера». Изысканно тактичный, речистый Уолси. Почему я сразу не подумал о нем? Потому что побаивался, меня устрашили его потрясающая деловитость, неисчерпаемые способности, сочетаемые с неутомимым умом и моральными принципами, которые столь легко менялись. Однако, надо признаться честно, я отчаянно нуждался в его услугах.

Эти мысли стремительно промелькнули в моей голове, не заняв и минуты, и я проворчал:

– Что же вам нужно?

– Передать вам запись того, что произошло после вашего ухода. – Он улыбнулся. – Создалась на редкость курьезная ситуация. Жаль, что вы не видели, в каком замешательстве пребывал француз. Фокс заявил...

Но я едва слушал доклад, критически оценивая его поступок. Как умно было предоставить мне такую запись. Тонкая лесть Уолси была почти неуловимой. Он не восхвалял мою красоту, мои совершенства, не сравнивал меня с Гераклом или прочими героями. Он предпочитал говорить по существу; догадавшись о моих слабостях, он стремился поддержать меня, укрепить мои силы. Да, Уолси...

Вскоре по моему ясному и четкому распоряжению Уолси занял должное место в Тайном совете. Я вежливо сообщил Фоксу, Расселу и Уорхему, что их способности, вероятно, пригодятся в иных, церковных сферах, достойных их высокого сана, поскольку Совет надобно уравновесить мирянами. Отставные советники выглядели довольными. Дураки.

Несмотря на озабоченность государственными делами, я не хотел обделять вниманием Екатерину. Дабы она не скучала, я устраивал для нее развлекательные приемы и приложил немало усилий, чтобы привлечь к нашему двору хороших музыкантов.

После длительного обмена письмами я заполучил наконец музыкального мэтра: монаха Дениза Меммо, органиста из церкви Святого Марка в Венеции. Пришлось заплатить изрядную сумму золотом (того требовали любые хорошие приобретения, как я успел узнать), а также лишить Меммо одного духовного сана и сделать бывшего монаха моим придворным священником. После получения согласия по всем пунктам он прибыл в Англию, куда привез из Венеции великолепный орган. Мне не терпелось опробовать его, ибо меня давно интересовали тайны конструкции этих инструментов и тонкости извлечения из них столь гармоничных звуков. И вот, когда в Гринвичском дворце установили орган, Меммо представилась возможность выступить на придворном приеме.

Уолси (теперь присматривающий как за мелочами, так и за более важными делами) велел принести в зал стулья из королевских покоев, чтобы слушатели могли расположиться со всеми удобствами. Он приказал накрыть у стены столы с легкими закусками и напитками и повсюду расставить новые канделябры с превосходными большими свечами. Они могли гореть на протяжении всего концерта, причем без густой копоти, так что инструмент Меммо не испортится.

Мы с Екатериной вошли в зал первыми и заняли почетные кресла в первом ряду. Начался ноябрь, и королева стала носить свободные наряды. Формы ее тела заметно округлились, что наполняло меня чувством гордости. Под складками шелкового зеленого платья скрывался мой наследник, набирающий вес для будущего рождения.

Музыка Меммо произвела потрясающее впечатление. Он играл почти три часа, и никто из придворных даже не шелохнулся. Все слушали как зачарованные.

Позже, хотя уже близилась полночь, мы собрались у длинных столов, уставленных блюдами с креветочным желе, заварным кремом и белыми булками. Все выглядело на редкость аппетитным и свежим: Уолси умел заказывать изысканную еду. Всем хотелось высказаться, и Меммо окружили восхищенные почитатели. Такая восприимчивость порадовала меня не меньше, чем прекрасно подобранные угощения. Надо будет похвалить Уолси.

Как раз в этот момент, словно услышав мои мысли, Уолси вышел из маленькой боковой двери. Он незаметно стоял в углу, оценивая плоды своих трудов. К нему подошел кто-то из гостей, и они завели разговор.

Заинтересовавшись, я направился к ним. Уолси сосредоточенно внимал собеседнику, но оборвал его, заметив мое приближение.

– Ваша милость, – поклонившись, произнес он.

– Томас, как вам понравилась игра Меммо? – спросил я. – Она великолепна! Надеюсь, вы не ограничились устройством посадочных мест и заказом закусок – кстати, все получилось превосходно, – но и позволили себе насладиться органной музыкой.

– Да, я все слышал, – ответил Уолси.

– Томас слышит все, – заметил его собеседник.

Я посмотрел на него: простоватый внешне, но с подкупающе открытым выражением лица, он был одет со вкусом, так что ни одна деталь его наряда не бросалась в глаза.

– Как и вы, Томас, – усмехнулся Уолси. – Ваша милость, позвольте представить вам Томаса Мора. Он лондонский законовед, и я советуюсь с ним при случае относительно устройства нового суда, который Тайный совет задумал организовать прямо во дворце. – Он помедлил. – Вы помните о наших планах по устранению злоупотреблений и проволочек в местных судах общего права?

– Ах да.

Я распорядился выделить для этой цели старую приемную с выцветшими росписями на потолке, изображающими небесный свод. Ее прозвали Звездной палатой.

– К сожалению, – с улыбкой вставил Мор, – работавший там художник, по-моему, никогда не смотрел на небо. Все созвездия перепутал. У него Кастор, покинув Близнецов, переместился в созвездие Льва. А из Ориона исчезла Ригель. И тем не менее роспись получилась замечательной.

– Вы знаете астрономию?

Очевидно, это было так.

– Мои знания скудны, ваша милость...

– Чепуха, не скромничайте! – Я воодушевился новым открытием. – Вы должны пойти со мной на дворцовую крышу. Сегодня же!

Да, именно в сегодняшнюю ночь Екатерина устала и пожелала сразу удалиться спать.

– Ваша милость, не слишком ли поздно для...

– В это время как раз появляется Вега! Последнюю неделю перед началом зимнего сезона она еще поднимается над горизонтом. А мне никак не удастся отыскать ее. Прошлой ночью мои поиски не увенчались успехом. Кстати, мне доставили новую астролябию...

– Его милость обожает смотреть на звезды, – пояснил Уолси. – Он заказал в Падуе и Риме новые звездные карты и таблицы, но они, видно, задержались в пути.

– Может, Уолси, надо послать вас лично, дабы ускорить их прибытие! Вы можете представить, – я внезапно испытал огромное расположение к Морю, и мне захотелось развлечь его шутивным разговором, – что однажды он всего за четыре дня сумел доставить послание моего отца императору Максимилиану во Фландрию и вернуться обратно? Да-да, я не шучу. Когда

мой отец увидел его, то стал ругать за задержку с отъездом, а Уолси заявил: «Ваша милость, но я уже вернулся оттуда».

– Да, я слышал об этом, – спокойно сказал Мор. – Уолси, видимо, способен свернуть горы.

– Давайте все же поднимемся наверх сегодня ночью! – настойчиво повторил я, глянув на придворных, еще толпившихся вокруг столов. – Через часок, когда все разойдутся спать.

Я с нетерпением дожидался Мора на плоской крыше, прямо над королевскими покоями. Она была превращена в обсерваторию. Там имелись астролябия, туркетум²⁶ и солнечный квадрант, а также стол с моими картами, таблицами и книгами. Отсюда открывалась отличная панорама звездного неба, поскольку дворец стоял на холме, возвышаясь над окрестными лесами, а Лондон с его рассеянным отвлекающим светом находился на пять миль выше по течению.

Я глубоко вздохнул. Стояла холодная ясная осенняя ночь. Идеальная пора для наблюдений за звездами; вероятно, лучшая в этом году.

Около часа ночи появился Мор. Он оглядел горизонт, приятно удивленный новым оборудованием для изучения астрономических явлений.

– Спасибо, что пришли, Томас, – сказал я и, с гордостью показав на приборы, добавил: – Понимаю, что мы здесь не можем соперничать с Болоньей или Падуей, но со временем...

– Ваша милость, я потрясен. У вас тут настоящая обсерватория. – Мор быстро подошел к столу с картами и астролябией, бегло просмотрел их и заявил: – Великолепно.

– Я пытался вычислить положение Возничего, – пояснил я.

– Сначала надо отыскать Капеллу. Потом в пяти градусах от нее...

Время летело незаметно, Мор показал мне звезды и туманности, которых я раньше не замечал, объяснил значение математических формул для вычисления точного времени по высоте звезды. В увлекательных разговорах мы не заметили, как восток окрасился предзвездной синевой. Мор очень долго вычислял точное местоположение Альдебарана, а потом с помощью туркетума попытался найти его на небосклоне. И когда звезда действительно оказалась в нужном месте, мы оба рассмеялись и закричали от радости.

– Превосходный набор медных слуг, – провозгласил Мор.

– И вы отлично управляетесь с ними, – сказал я. – А у вас какие?

Усмехнувшись, он медленно поднял палец к глазам.

– И только?! Я немедленно прикажу, чтобы для вас сделали набор, и к весне...

– Не надо, ваша милость.

– Почему не надо? – удивившись, резко спросил я.

– Я не люблю подарков.

– Но они помогут...

– Я обойдусь...

Его спокойный тихий голос напомнил мне что-то... пробудил болезненные воспоминания... «Возлюбленный сын мой»... «Adieu, лорд Генрих»... Да, точно.

– Это ведь вы читали элегию, посвященную моей матери, – задумчиво произнес я, прервав его.

– Верно, ваша милость. – Его тон не изменился.

Почему же я не узнал его раньше? Правда, с тех пор, как я слышал элегию, прошло почти семь лет...

– И вы сами написали ее.

– Да, ваша милость.

²⁶ *Туркетум* – известный в Средние века прибор для измерения и преобразования всех трех типов астрономических координат.

– Как... трогательно.

Я ждал его ответа, но он просто почтительно кивнул.

Предрассветные лучи позволяли видеть его лицо. Оно было непроницаемым.

– Ваши стихи очень много значили для меня.

Очередной наклон головы.

– Томас... оставайтесь при дворе. У меня на службе. Я нуждаюсь в талантливых людях.

Мне хотелось бы, чтобы мой двор заполнили Томасы Моры.

– Тогда не важно, будет там одним больше или одним меньше.

От волнения я подобрал не те слова.

– Нет, я имел в виду совсем другое... Ваше общество крайне ценно для меня.

– Я не могу, ваша милость.

– Но почему? – вспыхнул я.

Все с удовольствием принимают приглашения, приезжают даже из Европы, а Мор жил в Англии, его род был приближен ко двору еще во времена правления моего отца.

– Почему же? – опять вырвался у меня мучительный возглас.

– Мне не хотелось бы, ваша милость. Простите меня. – Мор выглядел печальным, когда медленно произносил эти слова.

– Я могу предоставить вам...

– Не говорите об этом, – прервал он. – Ведь тогда мне пришлось бы сказать: «Отойди от меня, Сатана». А сие, согласитесь, неуместно по отношению к королю! – Мор улыбнулся, увидев, что я озадачен. – Вам, разумеется, знакома глава Писания об искушении Христа?

– Да, но...

– Почитайте ее на греческом, – промолвил он. – У греков все гораздо понятнее, чем у латинян.

Поклонившись, Мор оставил меня одного на крыше в сером свете раннего утра. Лишь позднее я вспомнил, что не давал ему разрешения уйти.

На следующий день мне доставили красивый том Нового Завета на греческом языке с запиской от Томаса Мора: «Эта книга и утешила, и смутила меня, однако я верю, что она истинна».

С нетерпением я пролистал страницы и нашел нужные строки у святого Марка. Два часа я корпел над точным переводом, и моих знаний едва хватило для выполнения такой задачи. Текст гласил: «И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной... И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их... если Ты поклонишься мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана»²⁷.

Переведя все слово в слово, я пришел в ярость. Значит, Мор считает меня дьяволом, требующим всеобщего поклонения? А ведь я всего лишь пригласил его ко двору в качестве законоведа, желая иногда беседовать с ним. Что плохого в таком приглашении? Или в предложении подарить астролябию – простой инструмент, который всего-навсего поможет ему заниматься любимой наукой? Едва ли это равносильно посягательству на душу. А толкование отмеченного им текста предполагало, что он сравнивает себя с Христом. Меня с Сатаной, а себя с Христом?!

Потрясенный, я отложил греческий апокриф. Мор глубоко задел меня, как, очевидно, и намеревался. Однако встревожился я скорее не за свою, а за его душу: меня испугало, что столь поэтическая, неуравновешенная натура может лишиться рассудка.

²⁷ Существует много новозаветных апокрифов греческих и латинских авторов, описывающих искушение Христа, данный текст ближе к Евангелию от Луки.

16

Я решил выкинуть из головы Томаса Мора. Так ли важно, что он не хочет жить при дворе, предпочитая общаться со своими учеными друзьями в собственном доме в Челси! Другое дело, если бы отказались от придворной службы такие дворяне, как герцог Бекингем, граф Нортумберленд или граф Суррей. Но все они присягнули на верность. (Я «приручил» их, как выразился Уолси. А он обычно ловко находил нужные определения.)

Да и при всем желании (которое уже угасло!) я не смог бы подолгу общаться с Мором, ибо меня ждали более серьезные государственные дела. Французы продолжали осуществлять свои захватнические планы, испытывая терпение как Максимилиана, так и Фердинанда, которые пока честно соблюдали условия Камбрейского соглашения. Папа осудил Людовика и по очереди обращался с призывами о помощи то ко мне, то к Максимилиану и Фердинанду. Он отлучил от церкви Луи, а заодно и всю Францию: французам не разрешалось служить мессы, проводить обряды крещения, венчания и соборования. Ужасно, право, что так называемого самого христианского короля это не слишком заботило и он по-прежнему поступал как явный отступник. Ибо как же можно жить без церковных таинств?

Должен ли я объявить войну Франции? И есть ли у меня, в сущности, выбор? Вероятно, я обязан именно так и поступить. Но войска...

В отличие от других стран Англия не имела постоянной армии, и всякий раз в случае войны нам приходилось собирать новые силы. Древний указ повелевал каждому здоровому мужчине встать в строй по первому требованию – коротко говоря, вступить в ряды народного ополчения. Однако в редкой семье находилось требуемое указом вооружение, да и то было либо плачевно устаревшим, либо неисправным.

Вследствие этого я издал воззвание (одно из моих первых распоряжений, касавшихся всех подданных), предписывающее во исполнение древнего закона приобрести надлежащее оружие. Необходимость потратиться вызвала у населения недовольный ропот.

Уилл:

Иноземцы частенько отмечали в Англии странную особенность: если короли иных государств ограничивали наличие оружия у простых подданных, то английский монарх, наоборот, требовал, чтобы они имели его. Отчасти это объяснялось стремлением к бережливости: содержание постоянной армии обходилось слишком дорого. Но главное объяснение заключалось в доверии. Гарри располагал лишь горсткой королевских гвардейцев против поголовно вооруженных граждан. Однако его приказам подчинялись беспрекословно, и он не боялся выходить к народу, даже когда любовь англичан к королю изрядно поубавилась.

Генрих VIII:

Мы толковали о мире, но готовились к войне. Это, как я вскоре усвоил, было обычным явлением. Только священная пора рождественских праздников могла прервать осуществление корыстных планов, поскольку весь мир отдыхал, отмечая рождение Спасителя.

Уилл:

Я уверен, что со временем убеждения Гарри переменились. Много позже, став главой английской церкви, Генрих стремился оспорить устаревшие папские традиции. Но в том возрасте (не забывайте, что ему было всего восемнадцать!) он утверждал: «Рождество – священная пора».

Генрих VIII:

Я решил устроить при дворе роскошные увеселения, полагая, что рождественские торжества важны по нескольким причинам: они сплачивали дворян в единое родовое сообщество и хотя бы временно устраняли противоборство фракций. Те, кто видел в этом празднике всего лишь суетную помпезность, не замечали его истинной цели – ведь всем нам необходимы дни досуга, не обремененные заботами о делах. Весь мир пребывал в покое. Дороги становились почти непроезжими, Темза замерзала до самого Лондона, делая невозможной морскую торговлю. Поля покрывались снегом, и простолюдинам оставалось только ждать весны, предаваясь развлечениям. Почему же и нам не последовать их примеру?

К тому обязывала и сама природа, ведь декабрьским дням присуще своеобразное очарование, коему способствовали приятные хлопоты – заготовки рождественских поленьев для каминов, дальние семейные путешествия на праздничные придворные балы. На улицах распорядители увеселений устраивали сказочные представления, воздвигнув на огромных телегах живописные балаганы из папье-маше.

В середине декабря, словно по королевскому повелению, началась зима. С севера налетел снег, вынуждая людей закрываться в домах и радоваться пылающим очагам и свету факелов.

Разумеется, не было никакого указа, однако мне казалось, будто я издал его, настолько хорошо все складывалось. Установилась погода, нашлись верные сторонники, во всяком случае, рядом был Уолси, готовый к любым услугам. И наконец, огромную радость доставляла мне благополучно протекающая беременность моей жены, Екатерины. Помню, как я стоял в рабочем кабинете у окна (а через плохо подогнанные рамы в комнату задувал северный ветер) и возносил хвалу Господу за все дарованные мне блага.

На Рождество Уорхем отслужил торжественную мессу в дворцовой церкви, вместившей весь двор: на почетных местах расположилось королевское семейство со свитой ближнего круга, а внизу молились менее знатные придворные и домочадцы.

После службы начались светские празднества. Лицедеи и мимы устраивали костюмированные представления, публика хохотала над затеями трех шутов. Меню грандиозного пиршества насчитывало около восьмидесяти разнообразных блюд (включая мои любимые запеченные миноги). А позже в Большом зале начался бал.

Под глухие удары деревянных ксилофонов и очаровательные мелодичные звуки струнных ребеков я отплясывал в маскарадном наряде, как предписывал обычай, с придворными дамами. Лишь одной из них удалось узнать меня: жене Томаса Болейна, одного из моих оруженосцев. Леди Болейн, тщеславная и надоедливая, склонная к флирту особа, считала себя неотразимо очаровательной. Она сразу заявила, что танцует с королем, дескать, узнала его по выдающейся стати, мужественности и прославленной ловкости искусного танцора. (Хитрый ход. Если бы она ошиблась – ведь шансы на ее правоту были средними, – то собеседнику польстили бы ее слова; в противном случае сам король мог бы удивиться ее проницательности.) Я предпочел промолчать и терпеливо слушал ее болтовню о семейных отпрысках, сплошь заслуживающих похвальных отзывов и уже (как оказалось) делавших успехи при дворе. Мария, Джордж и Анна... (Проклятые имена! Лучше бы мне никогда не слышать их!) Я освободился от нее при первой же возможности.

Уилл:

Я уверен, что последнее высказывание не относилось к Марии. Наверняка Гарри не пожелал отказаться от своих детей, иначе он разделался бы с Болейнами раз и навсегда. Если бы только дочери оказались такими же непривлекательными, как их мать! Между прочим, его воспоминания могут похоронить старую сплетню о том, что он флиртовал и с леди Болейн. Не представляю, кто вообще распустил подобный слух; видно, недоброжелатели решили выставить нашего короля необузданно похотливым Юпитером.

Генрих VIII:

Настало время для музыкальной интерлюдии. К всеобщему удивлению, я, взяв лютню, вышел на середину зала и объявил:

– По случаю Рождества я сочинил песню.

Отчасти я погрешил против истины; эти стихи были написаны по иному поводу – мне хотелось разобраться в собственной душе и понять, каковы же мои истинные желания. Взоры гостей устремились на меня, однако, не испытывая ни малейшего смущения, я ударил по струнам и смело запел:

Веселиться среди друзей
Я буду до скончанья дней.
Мне никто не запретит,
И Богу это не претит.
Оленя гнать,
Петь, танцевать
Я сердцем рад.
Среди забав
Мой легок нрав,
Мне нет преград.

Юность время проведет,
Смеясь, флиртуя без забот,
Круг друзей тогда хорош,
Когда приятность в нем найдешь.
Безделье – мать
(Как то не знать)
Пороков всех.
Хорош ли день,
Где правит лень,
Где нет потех?

Коль компания честна,
То привлекает нас она.
Коль плоха, то быть в ней срам.
Но каждый волен выбрать сам.
В честной гулять,
Худой бежать
Намерен я.
В добре лишь прок,
И прочь порок —
Вот цель моя²⁸.

²⁸ Перевод А. Лукьянова. Эта песня (слова и музыку к которой написал Генрих VIII) исполняется до сих пор.

Я написал эту песню для себя и о себе самом, но когда прозвучал последний куплет, раздалась бурные рукоплескания. Очевидно, мне удалось затронуть сокровенные чувства слушателей – как любому хорошему лицедею. Меня глубоко растрогало их одобрение.

Уилл:

К сожалению, сомневаюсь, что в том зале кто-то был тронут подобно вам, Гарри, хотя зрители поневоле слушали вас внимательно. Должно быть, вы выглядели на редкость красивым и казались настоящим героем, когда стояли перед публикой. Именно это, вероятно, и взволновало их, а не ваше простенькое сочинение.

Кстати, Кэтрин, думаю, я должен принести вам извинения за отвратительные замечания Генриха о вашей семье. Поймите, что он не всегда испытывал такие чувства, и, несомненно, его враждебность никогда не распространялась на детей.

Генрих VIII:

В первый день нового, 1510 года все придворные – от благороднейшего герцога Бекингема до самого юного поваренка – собрались в Большом зале на официальную церемонию вручения подарков. Я решил сделать ее главным событием рождественских праздников и тем самым основать новую традицию. Благодаря Уолси и его неустанным стараниям король смог одарить каждого. Изысканный носовой платок вручили тщеславному гардеробмейстеру, бутылочку испанского вина из Оporto – обожающему его повару, четки – новому священнику дворцовой церкви. Для близких мне людей я выбирал подношения сам. Уолси получил роскошный шерстяной ковер из Турции, добытый ценой немалых усилий и огромных денег (ведь я уже знал, какой тонкий у него вкус). Екатерину я порадовал украшенной самоцветами Библией (хотя пока не воспринимал всерьез набожность жены). Для Уорхема, Фокса и Рассела я приготовил молитвенники в богатых переплетах. Кроме того, я позволил себе подшутить над Мором и преподнес-таки ему астрольбию. Подчиняясь церемониалу, он вышел вперед и, взяв сверток, вернулся на место. Этикет не позволял сразу рассматривать подарки. Я торжествовал, представляя, как удивится Мор, когда приедет в Челси.

Затем последовала вторая часть церемонии, настал мой черед принимать дары от подданных. Мор быстро подошел ко мне и протянул небольшой пакет: его «Утопию».

– Только что завершил сие сочинение, ваша милость, – сказал он, низко кланяясь. – Надеюсь, вы найдете его занимательным.

Мор наверняка хотел сказать «поучительным», но не осмелился. Бог знает, чего ему стоили такие слова, ведь, следуя изящным придворным манерам, он принизил важность своего эпохального труда.

Уолси преподнес мне картину кисти великого Леонардо. Меммо в качестве подарка привел молодого лютниста, из венецианцев, проживающих в Англии. Рассел... да всего и не упоминай. Как давно это было!

Придворные проходили мимо меня, оставляя подношения, и вскоре их гора выросла до моих колен. И вот, когда поток дарителей, казалось, иссяк, распахнулись двери и в зал вошли два француза (их национальная принадлежность легко опознавалась по чрезмерной любви к пестрым декоративным деталям костюма, из-за которых нельзя было понять, есть на человеке камзол или нет), держа с двух сторон за ручки объемистый сундук.

Взоры собравшихся устремились на иноземцев, которые осторожно и медленно спускались со своей ношей по ступеням. Высоченные каблуки цокали, точно подковы, по каменным плитам.

Торжественно прошествовав по залу, французы остановились в пяти шагах от меня. После чего опустили на пол свой гробоподобный ящик и открыли крышку. Внутри оказался пирог невиданно огромных размеров.

– Его христианское величество французский король Людовик посылает вам в качестве рождественского подарка мясной пирог. Его испекли из гигантского кабана, подстреленного на охоте лично рукой его величества. – И послы церемонно поклонились.

Я обозрел сверху сей кулинарный шедевр – он был величиной, пожалуй, со стол. Сие витиевато украшенное кондитерское изделие выглядело крайне соблазнительно, поблескивая аппетитной корочкой, запеченной до золотисто-коричневого цвета.

– Меч, – повелительно произнес я, и мне в то же мгновение предупредительно подали его.

Я срезал верхнюю корку, и в нос мне ударила отвратительная вонь: начинка пирога протухла. Кабанина испортилась и омерзительно позеленела.

– Ну и смрад, – бросил я, отступив назад.

– Таков запахок французских манер, – закончил Уолси, и его голос прозвенел в наступившей тишине.

Мы повернулись к улыбающимся французам.

– Передайте вашему господину нашу благодарность, – сказал я, – но у нас в Англии нет любителей протухшего мяса. Нам больше по душе свежие изыски бывших французских владений. К примеру, мои титулы и наследство. А эту разлагающуюся мертвечину вам следует доставить обратно Людовику с нашими наилучшими пожеланиями.

Они смертельно побледнели – вероятно, не на шутку перепугались.

– Да, эта падаль порождена на французской почве, – добавил я. – Позаботьтесь, чтобы она вернулась к своим истокам.

Я ненавижу Людовика. На такой возмутительный выпад необходимо было ответить должным образом! Однако я смирил гнев, не хотелось расстраивать Екатерину. Пришлось просто высмеять его подарочек, умалив значение оскорбления. До поры до времени.

17

В ту ночь в назначенный час компания ближайших придворных во главе со мной намеревалась совершить «внезапное» вторжение в покои Екатерины. (Возможно, нынче подзабыли о том, что прежде королева занимала личные, отдельные апартаменты. Мне говорили, что эта освященная веками традиция прижилась только в Англии и немало способствовала обоюдным супружеским изменам. Я упомянул здесь о данном обычае, ибо предвижу, что вскоре он окончательно изживет себя. Если бы Анна Болейн не имела собственной спальни... или Екатерина Говард...)

Дюжина молодцов, включая меня, вырядились в зеленые плащи из кендалского бархата и закрыли лица серебряными масками. Мы собирались ворваться в будуар Екатерины под трубные звуки фанфар, изображая Робин Гуда и его друзей, которые похищают красивых девушек. Предполагалось, что после шутливой борьбы будут устроены танцы при факельном свете. Конечно, по тайному уговору Екатерина поджидала нас с одиннадцатью фрейлинами, дабы обеспечить всех кавалеров дамами.

Все шло по плану. Мы подкрались к покоям королевы и, распахнув двери, разом вломились внутрь. Женщины завизжали. Екатерина уронила резную шкатулку слоновой кости, и она раскололась, упав на пол. Королева якобы в ужасе прикрыла рот своими тонкими руками. Она готовилась ко сну и сидела в бордовом плаще, накинутом поверх ночной рубашки. Янтарные, уже расчесанные волосы золотились в отблесках факелов. Мне подумалось, что, несмотря на расплывшуюся талию, жена моя осталась необычайно соблазнительной и красивой.

– Готова ли королева сдать на мою милость? – вздохнув от восхищения, спросил я, затем протянул к ней руки (мои пальцы были унижены кольцами, безусловно, она их сразу узнала) и кивнул музыкантам: – Будьте любезны, сыграйте нам павану.

Зазвучала музыка, и мы начали танцевать.

– Я узнала вас, милорд, – прошептала Екатерина, когда мы сблизились в танце.

– Неужели? – Я наслаждался игрой. – А вы уверены?

– Естественно, – ответила она, проходя мимо и задевая меня полой бархатного плаща. – Я узнала бы прикосновения ваших рук среди тысяч других.

Я загадочно улыбнулся. Меня всегда очаровывали легенды о королях и принцах, которые странствовали, переодевшись в простое платье, – так поступали еще римские императоры и даже Генрих V до его восхождения на престол. Это могло стать опасным приключением (если бы о ваших планах прослышали враги), однако я мечтал о подобном путешествии.

Вдруг Екатерина побледнела и, пошатнувшись, припала ко мне. Она прижала руки к животу. Музыканты продолжали упорно играть, но королева стояла как вкопанная. Потом, вскрикнув, она рухнула на пол.

Мы потрясенно застыли. Не растерялся только Уолси (вездесущий Уолси, который забежал на минутку, дабы убедиться в достойной подготовке нашего полночного пиршества).

– Лекаря, – тихо приказал он ближайшему папу невозмутимым тоном. – Отнесите ее величество в родильные покои. Как, они еще не готовы? Тогда в ее опочивальню.

«Лесные братья» галантно перенесли Екатерину на ее кровать. Фрейлины, лекари и слуги – все собрались в спальне королевы, притащив чистое белье, лекарства и медицинские инструменты.

Моя жена заходилась криком, испытывая древние муки деторождения. Лишь к рассвету ее страдания закончились: младенец, уродливое недоразвитое существо, покинул чрево на три с половиной месяца раньше положенного срока. Мертвое дитя унесли в унылых рассветных сумерках и закопали в неизвестном мне месте. Я пребывал в страшном расстройстве и не хотел даже слышать о церковных обрядах.

Сумеречный утренний свет пробивался через шторы, когда я пришел навестить Екатерину. Побледневшая и покрытая испариной, она лежала на кушетке, а слуги перестилали ее кровать, убирая пропитавшееся кровью белье. Королева сжимала в руках распятие. Она напоминала мертвеца с полуоткрытым ртом. У меня мелькнула чудовищная мысль: как уродливо выглядят роженицы. Я не узнал мою Екатерину, передо мной была пятидесятилетняя старуха с суровым незнакомым лицом.

Я опустился перед ней на колени, но она спала глубоким сном и даже не шевельнулась. Наконец я поднялся и покинул опочивальню. Несмотря на бессонную ночь, усталость совсем не мучила меня, напротив, мной овладела необычайная жажда деятельности. Я решительно вернулся в будуар жены, где по-прежнему горели факелы, освещавшие наш бал, и погасил их, а затем бодро направился в свои покои. Рассвет выдался отвратительный. По стеклам хлестал мокрый снег. В коридорах стоял холод.

Раньше я с нетерпением ждал зимы. Мне хотелось морозного снежного Рождества, и вот оно наступило. Достаточно было приказать, и любое мое желание исполнялось... Или так мне казалось...

Ведь то, чего я хотел больше всего на свете, что всеми силами стремился сохранить, пропало безвозвратно.

18

Уилл:

Да, по-видимому, Гарри утратил магическую власть над судьбой, дарованную ему в качестве искушения на столь краткий срок. И он проведет в попытках вернуть ее последующие двадцать лет – в эти годы произойдут самые разнообразные события, однако чудо так и не свершится. Они прошли для него мучительно, хотя существенно не затронули и не изменили его, лишь привели в смятение, породив гнев, смешанный с обидой, поскольку он, Генрих, король Англии, был отдан на милость ведьмы.

Генрих VIII:

Если бы даже я приказал, радость не озарила бы мою душу. Печаль надолго воцарилась во дворце и омрачила первые месяцы наступившего нового года. Мы с Екатериной, вместе переживая нашу утрату, сильно сблизились, объединенные общим горем. Мы заказали и посетили несколько особых месс, это еще больше укрепило наши набожность и благочестие. Я ни с кем не мог поделиться своим горем, поскольку произошедшее касалось лично меня, моей венценосной особы. А Екатерина... Да, Екатерина принадлежала к королевскому роду, и она понимала меня...

Когда наконец ее здоровье полностью восстановилось, я вдруг обнаружил, что единодушие и взаимное сострадание привели к новым отношениям в супружеской постели. «Как странно, – с удивлением подумал я тогда (и до сих пор удивляюсь), – дружба, видимо, подавляет вожделение, душит его подушкой тесной душевной близости?» Ведь страсть не нуждается в этом; она расцветает пышным цветом на почве загадочной отстраненности, которая питает телесное влечение. Екатерина, моя таинственная испанская принцесса, стала теперь моим другом по несчастью... и тем не менее, соблюдая библейские заветы, я познавал ее, как и должно мужу познавать жену.

Именно Уолси я попросил заказать особые мессы во исполнение наших с Екатериной намерений. Он уже доказал мне свою преданность на заседании Тайного совета. Я проявил дальновидность, когда ввел Уолси в состав Совета. Мой верный сторонник незамедлительно начал действовать в противовес некоторым планам Фокса, Уорхема и Рассела. Проницательный Уолси был умен и тактичен, я оценил эти его положительные качества, когда он не проявил никакого любопытства относительно проведения дополнительных богослужений. Помимо осторожности Уолси отличался еще и честностью. Я приобрел хорошего слугу. Оставалось только научиться наилучшим образом использовать его способности – к нашей общей выгоде.

С неизменным постоянством он готовил для меня краткие отчеты о переменах в иноземной политике. Казалось, Уолси мог ежечасно выдавать по новому докладу. Однажды утром в конце мая я так увлекся штудированием его заметок (передо мной лежала целая кипа бумаг, включая отчет о запасах дворцовых складов), что не услышал, как в мой кабинет вошла Екатерина. Впрочем, ее шаги были очень легкими. Я заметил ее присутствие, лишь когда она остановилась у меня за спиной.

– Интересно, мой дорогой, что вы столь увлеченно изучаете? – мягко спросила она.

– Да все наше хозяйство. Вот знаете ли вы, к примеру, что в вашем – или, вернее, в нашем распоряжении находятся, – я ткнул пальцем в строчку и прочел указанную там статью, – расписные изразцы из Испании?

– Нет. Но мне хотелось бы, чтобы они украсили наши покои. Я скучаю по родным изразцам... у них такие чистые и яркие краски. В отличие от здешних темных деревянных интерьеров.

– А где их обычно используют? – поинтересовался я.

– На полах. Или на стенах. В любых залах, где есть картины, драпировки или деревянные панели. И по цвету изразцы бывают разными – красными, оранжевыми и желтыми.

– Что ж, я распоряжусь, чтобы ими выложили пол в ваших покоях Гринвичского дворца. А на новом изразце мы укажем одну дату, дабы отметить первую годовщину нашей свадьбы... и нашего царствования.

Как быстро пролетел год после коронации...

– Милая моя Екатерина, вы осчастливили меня.

Почему же, произнося эти слова, я испытывал грусть? Мне хотелось, чтобы мы навсегда остались молодоженами, так и не превратившись в степенную супружескую пару, однако, как известно, первая годовщина свадьбы завершает новобрачный период.

– Но счастливы ли вы? Хотя я могу еще порадовать вас, – сказала Екатерина и, ласково приложив свои маленькие ладони к моим щекам, тихо добавила: – У меня будет ребенок. Наши молитвы услышаны.

Должно быть, любовь и восторг настолько откровенно отразились на моем лице, что королева порывисто одарила меня долгим поцелуем... скорее с пылкостью невесты, чем законной жены.

В июне после летнего солнцестояния мы отпраздновали мой девятнадцатый день рождения и годовщину свадьбы. Окинув мысленным взором прошедшие двенадцать месяцев, я изумился тому, как удачно у меня все получилось. А ведь в начале года я ничего не смыслил ни в управлении королевством, ни в семейной жизни. С Божьей помощью и благодаря собственной решимости принц успешно превратился в монарха, и нынче жизнь, казалось, шла заведенным порядком. Скоро я рискну вступить в неведомую мне доселе область завоеваний и переговоров с правителями европейских государств. Война считалась королевским призванием и *condicio sine qua non*²⁹ великих королей.

В течение того долгого лета – теплынь стояла до самого ноября – я изучил положение дел на Континенте с той пристальностью, с какой обычно следят за исполнением сложного бального танца, ожидая должного момента, чтобы вступить в него.

Судя по сообщениям, король Людовик XII осадил в Болонье папу Юлия, посягая на его жизнь и призывая кардиналов раскольнического собора в Пизе выйти из-под власти его святейшества. Фердинанд Испанский и император Священной Римской империи Максимилиан обратились к нему с официальным требованием отказаться от претензий, дабы не навлечь на себя Господней кары. Они присоединились к Священной лиге, а кто же может оспаривать ее власть? И не должна ли Англия, как христианское королевство, по велению высших сил прикнудить к ним?

Для осуществления моего желания не осталось препятствий: я хотел войны и имел для этого серьезные основания. Ничто не мешало такой перспективе: приглашение вступить в лигу давало нам полное право немедленно отправиться в поход против французов. Не могли меня остановить и денежные затруднения: в королевской казне было достаточно средств, и я не собирался лишний раз обременять парламент.

– Но, ваша милость, – сказал Уолси, видимо прознавший о моих планах еще до того, как я озвучил их, – возможно, лучше все же обратиться в парламент и сбересть ваши деньги.

²⁹ Условие, без которого нет (*лат.*).

Поначалу люди с легкостью подарят вам все, что угодно. Да и в дальнейшем делать это будет несложно.

– К чему такая скупость? – возразил я. – Так обычно поступал мой отец, но стоит ли уподобляться ему?

– Ваш отец мудро решал финансовые дела. Он никогда не тратил собственные средства, если была возможность воспользоваться чужими. Великолепная житейская максима.

– Старческая максима! Она не годится для настоящего рыцаря!

Смешно даже подумать о том, чтобы пойти в парламент с шапкой в руке и выпрашивать деньги или особое разрешение, будто ребенок... Нет, никогда!

– Надеюсь, что, пока я жив, мне не придется обращаться в парламент, – вдруг высказал я вслух свои мысли. – Да, в мои намерения не входит принимать от него помощь при столь богатом наследстве... Я в ней не нуждаюсь!

– Тогда нужно изыскивать другие источники дохода, ваша милость, – заметил Уолси. – Ибо я молю Господа послать вам долгие годы царствования, а вашей казны наверняка не хватит до шестидесяти лет! Нет, лучше опустошать чужие кошельки. Послушайте моего совета – вам прямая дорога в парламент.

Мой сын Генри появился на свет в первый день нового, 1511 года. Он родился крепким и здоровым, и его первый крик вовсе не походил на то жалобное мяуканье, которое обычно издают новорожденные, он орал громко и требовательно. Он пришел в этот мир как Геракл.

– Тяжелый, ваша милость, – предупредил меня врач Линакр, передавая мне младенца. – На редкость крепкий малыш. Должно быть, он состоит из одних мышц.

Точно, сверток оказался весомым и твердым. Я сразу ощутил силу этого ребенка, который извивался в пеленках.

– Хвала Господу! – воскликнул я, с гордостью поднимая сына. – Отныне наше будущее обеспечено!

Я держал на руках моего наследника.

Екатерину уже вымыли и уложили в чистую постель. Широким шагом я вошел в ее покои, едва удерживая себя, чтобы не закричать от счастья.

– Возлюбленная жена моя! – воскликнул я. – Вы дали Англии все, чего она ждала и желала от вас!

Такова правда. Лицо моей супруги озарилось счастливой материнской улыбкой, по плечам рассыпались янтарно-золотистые волосы – она походила на Мадонну, обожаемую мной Мадонну. Я опустился на колени и поцеловал ее руку.

– Благодарю вас, – пылко произнес я, – за тот драгоценнейший дар, что вы преподнесли мне и всей нашей стране.

– И себе тоже, – добавила она.

Мне очень захотелось поднять ее с кровати и закружиться с ней в ликующем танце прямо в опочивальне.

– Его нужно назвать Генрихом, – заявила Екатерина. – Он такой же большой и сильный, как вы.

А мне хотелось дать первенцу имя в честь младшего брата моей матери Эдуарда.

– Генрих, – решительно повторила королева. – Он должен стать Генрихом.

– Если для вас это важно, то пусть так и будет.

В конце концов, она ведь не предложила назвать ребенка Альфонсом, Филиппом или другим иноземным именем, принятым в Испании.

– Как только вы окрепнете, мы устроим общенародные праздники с турнирами и пиршествами, наполним вином городские фонтаны... чтобы ликовал весь народ Англии. И откроем

вход во дворцовые владения для подданных, – поддавшись внезапному порыву, прибавил я. – Ведь он не только наш сын, но и их принц!

Королевские лекари и фрейлины королевы в смущении взирали на меня, и даже Екатерина неодобрительно покачала головой.

– Но здесь же не Испания, моя милая! Мы – в Англии, где король должен выходить к своему народу и принимать его у себя, – решительно заключил я.

– Вам нравится заигрывать с ним, – полушутя-полусерьезно заметила она.

Уже тогда меня заинтересовало, в каком смысле она употребила слово «заигрывать». Но я не стал докапываться до истины.

– Через шесть недель, – пообещал я. – Сразу после крещения.

К тому времени принц Генри так вырос, что ему стала мала старательно вышитая Екатериной крестильная рубашка. Она предназначалась для обычного ребенка, а не для нашего круглолицего богатыря, и ее спешно расставили в боках и удлиннили рукава.

Архиепископ Уорхем провел блистательный по своей роскоши обряд крещения. Екатерина, в силу ее испанской склонности к великолепным торжествам, настояла на том, чтобы в храме установили дополнительные свечи, сшили для меня длинную мантию из золотой парчи, а в завершение зажгли бы вокруг высокие костры. Инфант, принц Генрих, облаченный в белую рубашку длиной в два ярда, приобщился к христианскому миру на глазах у множества свидетелей. Когда его окропили святой водицей, он издал громкий крик – добрый знак, свидетельствующий, что из младенца изгнан дьявол. По церкви пронесся одобрительный гул голосов. Поминали самого Сатану.

Я наблюдал за обрядом с глубоким волнением, но таким затаенным, что оно воспринималось как невозмутимое спокойствие. Моему крепкому и здоровому сыну, в отличие от хилого и болезненного Артура, предназначено стать самым высоким и сильным из всех королей Англии. Говорят, Эдуард III был богатырского телосложения и рост его достигал шести футов. Это подтверждали лицезревшие моего предка современники, которые дожили до наших дней. Но Генрих IX превзойдет всех, его будут называть новоявленным солнечным богом, английским Гелиосом.

Раздались серебряные звуки труб, и торжественная процессия медленно потянулась по главному нефу к выходу из церкви, напоминая блистающую драгоценностями сонную змею. Во внутреннем дворе она свилась в кольцо и замерла – все ожидали, когда можно будет войти в Большой зал Вестминстерского дворца, где в честь крещения принца ломились от яств пиршественные столы.

Говорил ли я раньше, что Вестминстер казался мне обветшавшим? Так оно и есть, но Вестминстер-холл – подлинное сокровище, и следовало позаботиться о том, чтобы время не разрушило его. Зал настолько огромен, что там при желании можно проводить рыцарские конные турниры. Его обновили к 1395 году, для свадебных торжеств Ричарда II и семилетней Изабеллы Французской. Вестминстер-холл по праву считается королевским; до сих пор он остается самым большим и величественным в Англии. Ныне двери этого чудесного зала распахнулись для нас и множества наших гостей. Издалека золотые тарелки, расставленные на белых скатертях, выглядели как разбросанные по заснеженному полю монеты.

Помимо нас с Екатериной за столом собрались и мои кровные родственники. Даже те, кто не служил и не жил при дворе, прибыли на праздник крещения наследника.

Были люди (и их имена мне известны), которые утверждали, что я, страшая любых претендентов на трон, уничтожил всех отпрысков королевского рода. Я разоблачил эту чепуху – достаточно было одного списка приглашенных. В нем значился Генри Куртене, мой двоюродный брат, сын Екатерины Плантагенет, моей тетки с материнской стороны. Из рода Плантагенетов присутствовали Маргарет Поль, кузина моей матери, вместе с ее сыновьями, моими

троюродными братьями Реджинальдом, Генри и Джеффри. С нами пировали и мои дальние родственники Сент-Легеры, а также кузены Стаффорды и Генри Бёрчер, граф Эссекс, еще более далекая родня. Я был счастлив, и, как любому человеку, мне хотелось поделиться радостью со всеми своими близкими.

Справа от нас в дальнем конце зала накрыли особый стол для сановных церковников. Во главе его восседал архиепископ Кентерберийский, а рядом с ним расположились прочие влиятельные епископы вроде Рассела Даремского и Фокса Уинчестерского. За тем обширным столом уместились почти все члены конвокации, своеобразного церковного «парламента». Уолси не вышел рангом, чтобы присоединиться к ним, ведь он пока оставался скромным каноником Виндзора и подателем королевской милостыни.

Длинный средний стол предназначался для высшей знати, пэров и их семейств. В Англии остался только один герцог (не считая заключенного в тюрьму герцога Суффолка): герцог Бекингем, Эдвард Стаффорд. Раньше у нас были, конечно, и другие герцоги, но они, сражаясь за или против Ричарда III, потеряли свои титулы или жизни, а некоторые – и то и другое. Томас Говард, герцог Норфолк, дрался против моего отца в битве при Босворте, в итоге лишился прежнего титула и теперь довольствовался графским. Его приверженцы распространяли историю о том, как после этого сражения он якобы явился к моему отцу и заявил: «Ричард был королем, и поэтому я воевал на его стороне. Если парламент выберет нового короля, я и за него буду биться, ибо таков мой долг». Абсурдное заявление, учитывая, что парламент не назначает монархов. И более того, оскорбительно сравнивать роль правителя страны с некой глухонемой навязываемой должностью, да и сам Говард был умнее, чем приписываемое ему высказывание. Я буду держать его в графской своре, пока он не заслужит былое звание каким-нибудь доблестным деянием.

Впрочем, списки графов, как и следующих за ними маркизов, изрядно оскудели. Войны истощили их ряды. Во время моей коронации многие дворяне получили орден Бани, и теперь новоявленные рыцари сидели за столом пэров. Но я считал, что рыцарство необходимо заслужить доблестью и отвагой на полях сражений, а пока таковых не предвиделось, никого не следовало возводить в сей ранг.

Места за третьим столом, с левой стороны, занимали дорогие и близкие для нас с Екатериной – по личным разумениям и душевным пристрастиям – придворные и подданные. Среди них находились леди Уиллоби, в девичестве Мария де Салинас, испанская подруга Екатерины, преданная ей с детства, теперь ставшая женой одного старого воина; лорд Маунтджой, придворный казначей Екатерины, и Эдвард Байнтон, ее дворецкий. За тем столом праздновали и мои приятели по турнирам, Чарлз Брэндон, Эдвард Невилл и Николас Карью, а также Томас Мор и Уолси. Странная смешанная компания, но все они, право, хорошо ладили между собой, или так мне казалось с королевского возвышения.

Справа от меня сидела Екатерина, а слева – моя родная сестра Мария. Я любил обеих, хотя они были такими разными. Королева округлилась после родов. Ее щеки медового оттенка сияли, смеялись ореховые глаза. Улыбалась мне и Мария, высокая и стройная, с кожей цвета слоновой кости и очами светлыми, точно холодное апрельское небо.

– Ах, любимая! – Я порывисто взял Екатерину за руку и почувствовал трепетный отклик. Ведь минуло уже шесть недель, мы завершили обряд крещения...

– Благодарю вас. Благодарю за ваш замечательный подарок. Вы подарили мне сына.

Она ответила мне легким пожатием и рассмеялась очаровательным тихим смехом – «серебристым, словно звон испанских колокольчиков», как я думал в те дни, хотя никогда не говорил ей об этом. Сейчас я сам не могу понять, почему не делал жене комплименты.

– Не я, – возразила она, – Господь подарил его нам обоим.

– Нет. Вы, именно вы...

Незаметно, под прикрытием свешивающегося края скатерти, я запустил пальцы под пояс Екатерины и пощекотал ее, зная, что она боится щекотки, и желая вновь услышать переливы ее мелодичного смеха.

Она залилась смехом, и я убрал руку.

– Как скажете, – согласилась королева.

– Я надеюсь, вы хорошо подумали, – сказал я, поворачиваясь к Марии, – когда обещали, как крестная мать, отречься от дьявола и всех его дел, а также «от суетной роскоши и мирской славы»?

Теперь я мог поддразнить и мою любимую сестру. Мария уже вышла из детского возраста, ведь ей исполнилось четырнадцать лет. Она воображала себя девой из древних легенд, руки которой добивался славный рыцарь, сэра Галаад³⁰. Честно говоря, ее красота уже расцвела, как роза. Но как может принцесса отречься от суетной роскоши и мирской славы? Разве не для них она рождена?

– Одну часть обета можно исполнить с легкостью, – ответила сестра. – Я имею в виду ту, что касается роскоши и мирской славы.

– А я как раз думал, – изумленно заметил я, – что именно в этой части вы можете согрешить.

– Нет. Боюсь, меня привлекает именно дьявол. Есть нечто заманчивое... не в самом грехе, но... в дьявольских искушениях.

Она смущенно покраснела. О да! Именно плотские искушения, как она и сказала, будоражили ее кровь и душу. Страстное желание, неведомое нашей строгой матери – и Святой Деве на супружеском ложе с праведным Иосифом...

– В ближайшем будущем мы должны выдать вас замуж, – кивнув, сказал я.

– Нет! Я должна сама выбрать возлюбленного супруга, иначе мне не видать счастья...

– Я сделаю хороший выбор, – пообещал я.

– Но я... – В ее голосе прозвенело отчаяние.

– Ладно, ладно.

Похлопав сестру по руке, я встал, чтобы приветствовать гостей, и попросил архиепископа благословить праздничную трапезу.

Мы пировали, как говорится, по-царски. Не буду утомлять вас перечислением блюд. После застолья начались танцы, а затем я велел впустить в Большой зал простолюдинов. Их пригласили посмотреть костюмированное представление. Екатерине не понравилось, что по дворцу будет расхаживать чернь, и она стала отговаривать меня.

– Они будут выглядеть неуместно в королевских владениях, – протестующе заявила она.

– Чепуха, – ответил я, – забудьте ваши испанские предрассудки.

Мне сразу вспомнилось, как ее соотечественники пытались помешать отцу увидеть Екатерину до свадьбы с Артуром.

– Ваши родители могут выгнать из страны мавров, но Испания все равно останется под влиянием Востока, что так или иначе проявится, пусть даже завуалированным образом, в отношении к черни, девственницам и приверженности к прочим исламским причудам.

– Но должна же быть определенная скрытность, – настаивала она, – ведь всему есть границы.

– Пожалуй. Однако дружеское общение их не разрушает. И пока главный, основной рубеж незыблем, все остальные можно открыть.

³⁰ *Галаад* – рыцарь Круглого стола короля Артура, нашедший чашу Грааля. В большинстве легенд подчеркивается его праведность и непорочность.

Мы с Екатериной собирались начать бал, а потом найти других партнеров, чтобы привлечь к веселью всех гостей. Я вывел жену в центр зала, с гордостью созерцая ее как мать своего ребенка... Боже, как странно писать такие слова! Ведь потом мы стали врагами... но тогда я просто обожал ее!

Закончив первый танец, мы разошлись и выбрали других себе в пару. Я пригласил Марию. Она присела с великолепной грацией. Но едва я взял ее за руку, сестра вновь заговорила о будущем браке.

– Замужество без любви убьет меня, – заявила она.

– Вы научитесь любить супруга. Ведь он будет королевского рода, и таинство венчания подарит вам благодать любви.

Музыканты заиграли громче. И я понадеялся, что дальше мы будем танцевать молча.

– Вы не священник, однако очень стараетесь походить на него, – насмешливо произнесла она. – Ваши слова неубедительны. Интересно, испытали бы вы благодатную любовь к Екатерине, если бы она оказалась старой и бесплодной?

Грохот барабанов не смог заглушить ее слова.

– Если бы на то была Его воля, то я не стал бы противиться.

Сестра иронично усмехнулась. Зазвучала другая мелодия, сменились партнеры. Она выбрала Чарлза Брэндона; а я – Марию де Салинас.

Как же грациозно танцевала эта испанка, высокая и стройная, в отличие от моей крошечной жены, и при этом гибкая, словно клинок прославленной толедской стали!

– Теперь у вас английское имя. Никто даже не подумает, что вы испанская сеньора. Разве что после танца с вами, – сказал я.

– Да, у нас любят танцевать, – признала она.

В отличие от Екатерины, Мария говорила почти без акцента, правда иногда в ее голосе слышались несколько необычные интонации.

– Вы счастливы здесь? – вдруг спросил я. – Обрели ли вы у нас новую родину? И хотелось ли вам хоть раз вернуться обратно в Испанию?

– Нет. Лишь иногда накатывает тоска о далеком прошлом. Оно помнится уже совсем слабо, остались одни отрывочные воспоминания... Не знаю, удастся ли когда-нибудь восстановить целостную картину.

Грандиозное морское путешествие. Невероятные желания...

– Между тем вы стали леди Уиллоби, украшением и гордостью вашего супруга, – произнес я, сам поразившись высокопарности своего тона.

Мелодия вновь изменилась: опять настала пора искать новых партнеров. На сей раз я выбрал миловидную юную блондинку. Ее умение танцевать оставляло желать лучшего.

– Давно ли вы прибыли ко двору? – поинтересовался я.

На нынешние праздники ко многим нашим придворным приехали родственники.

– Нет, ваша милость. Я приехала недавно по приглашению моего дядюшки, лорда Маунт-джоя.

Она кивнула головой в сторону кавалера Екатерины. Он служил ее казначеем.

– Ах да. По-моему, он родом из Йоркшира.

– Из Линкольншира, ваша милость.

Она оступилась и прильнула ко мне. Я почувствовал хрупкую мягкость ее юного тела.

– А у вас в Линкольншире не обучают танцам?

Мое поддразнивание потерпело неудачу. Девушка попыталась вырваться от меня, подумав, что я отругал ее за неловкость.

– Я научу вас, – решил я успокоить бедняжку. – У нас при дворе все хорошо танцуют. Если вы хотите здесь задержаться, то вам необходимо будет постичь сие искусство, госпожа... как ваше имя?

– Бесси Блаунт, – неразборчиво пролепетала она.

Она хотела вывернуться из моих рук и опять споткнулась. От смущения девушка вовсе остановилась. Приподняв ее за талию, я продолжал танцевать с ней, как ребенок с куклой. Впрочем, она тогда и была кукольно вялой и безжизненной.

– Я тут не задержусь, – прошептала Бесси.

– Чепуха, – возразил я. – Нельзя позволить вашей красоте пропадать в Йоркшире. Вы нужны нам здесь.

– В Линкольншире, ваша милость.

Началась новая мелодия; вступили барабаны. Девушка поспешила прочь от меня. Она не стала больше танцевать и ускользнула в темный уголок.

Когда все гости (за исключением старых и немощных) наконец присоединились к балу, мы перешли к новым, малоизвестным танцам и мелодиям. Французского посла с легкостью уговорили показать вольту, этот танец под народную музыку вошел в моду при дворе Людовика XII только прошлым летом. Там отплясывали все, за исключением самого старичка Луи, у которого уже не гнулись ноги.

Когда все поголовно увлеклись исполнением незнакомых фигур и поворотов, я выскользнул из зала, дабы проверить, как идет подготовка к костюмированному представлению. Проходя по верхней галерее, что вела из Большого зала в приемную, я заметил за стенами огромную толпу. Народ ждал обещанного зрелища. Вдали на холмах полыхали красно-рыжие костры, языки пламени взлетали ввысь, словно призывая сами небеса присоединиться к нашей радости.

– Ваша милость...

Быстро оглянувшись, я увидел испанского посла дона Луиса Кароса.

– *Por favor*³¹, можно сказать вам пару слов?

– Конечно, – с улыбкой ответил я, разрешая ему продолжить.

– Я хотел бы лично высказать вам мои поздравления. Это великий день и для нашей страны.

– Дочери Испании великолепны, – признал я, – и дарят Фердинанду прекрасных внуков.

Старшая сестра Екатерины Хуана уже растила десятилетнего сына Карла, который, судя по слухам, был умен. В нем уже видели будущего императора Священной Римской империи. Конечно, если он не унаследовал душевной болезни матери: ведь она получила прозвище *la Losa*³².

– *Si, si*, – согласно пробурчал он, ему явно не терпелось перейти к беспокоящему его делу. – Ваша милость, вы уже решили, сколько стрелков дадите в помощь королю Фердинанду для отправки в Гвиану и Северную Африку, где опять взбунтовались мавры? Ведь он крайне заинтересован, чтобы вы, его дорогой зять, разделили с ним славу новых завоеваний.

– Гм. Да. Ему было обещано... – я бросил взгляд в окно на пляшущие языки костров, на праздничную толпу, – полагаю, пятнадцать сотен стрелков. С большими луками, безусловно.

Для короля не существовало ограничений, я мог делать все, что угодно. Меня охватили неведомые доселе чувства, и душа моя пела и ликовала.

– Но по-моему, лучше послать тестю на подмогу три тысячи солдат, – добавил я, дав волю своим желаниям, – с новыми пушками. Мы испытаем их на поле боя.

– О! Ваша милость!

Разве я не поклялся отцу, который лежал на смертном одре, сражаться с неверными? Мог ли я мелочиться сейчас, когда Господь так явно выказал мне благоволение?

– Я почту за честь сразиться с врагами Христа, – заверил я посла.

³¹ Пожалуйста, будьте любезны (*исп.*).

³² Безумная (*исп.*).

За окнами колыхалось людское море. Казалось, по нему ходят волны, переливаясь, подобно змеиной чешуе. Кстати, о змеях... Необходимо проверить готовность представления. Я кивнул Каросу, показывая, что наш разговор закончен. Но он стоял как вкопанный, уставившись на меня округлившимися, почти остекленевшими глазами.

– Ваша милость... – повторил он, – ваш наряд... великолепен. Он ослепил меня!

Мне сшили огромный плащ из золотой парчи, весивший около десяти фунтов. Я с удовольствием представил, как выглядел бы в нем этот низкорослый испанец. Простаков потрясает блеск золота, они не задумываются о том, насколько тяжелы подобные наряды.

– Он ваш, – сказал я, расстегивая аграф и накидывая плащ ему на плечи.

Посол едва не согнулся, изумившись весомости подарка. О, видели бы вы выражение его лица!

Не дав ему опомниться, я открыл дверь приемной, служившей репетиционным помещением, где повторяли роли уже переодетые лицедеи.

– Продолжайте, продолжайте! – повелительно произнес я.

Мне не терпелось увидеть, как они разыграют задуманный мной сюжет: миф о том, как младенец Геракл сражался со змеями, подосланными ревнивой Юноной, которая задумала убить его еще в колыбели. Я сам выбрал исполнителя главной роли. Сын сэра Джона Сеймура Эдвард, мальчик довольно рослый для своих шести лет, уже нарядился в младенческую рубашку и практиковался в удушении «змей» – длинных рукавов из переливчатого бархата, в которые для оживления этой бутафории запустили резвых молодых хорьков.

– Мне ненавистно это дитя! – вскричала Юнона, указывая на колыбель. – Юпитер согрешил, и плод его греха нужно умертвить!

Разумеется, наш младенец победил, и о счастливой развязке возвещала величественная героиня, олицетворявшая Британию:

– Так погибнут все недруги королевского отпрыска, все те, кто стремится повредить ему. Ревность, зависть и злоба не в силах противостоять воле богов, ибо их защита придает нашему принцу сверхъестественную силу.

Персонажи собирались вокруг колыбели и, воздев руки к небесам, исполняли затейливую ритуальную пляску. В заключение я появлялся среди них, облаченный в маскарадный костюм Юпитера.

Мы хотели показать свою мистерию на сцене, а затем спуститься в зал и представиться Екатерине. Ибо именно в честь нее устраивалось лицедейство; в богине, породившей на свет могучего героя, должны были узнать королеву. Пусть скажут: мол, не подобает монарху выступать в роли комедианта... Я намерен делать то, что мне нравится.

После соответствующего распоряжения народ пригласили в Большой зал. Я уже слышал, как эхо разносит гул людских голосов, перерастающий в радостный гвалт.

– Давайте начинать! – крикнул я, и в зал выкатили оснащенную колесами сцену.

Представление получилось превосходно! Всех изумили костюмы, а особенно – бутафорские змеи. В мерцающем факельном свете они выглядели как живые: зловещие, поблескивающие золотом твари вполне подходили для орудия мести ревнивой богини. Закончив выступление, мы выстроились перед зрителями, и тут меня понесло неведомо куда. Слова, которые я вовсе не собирался говорить, начали сами собой слетать с языка.

– Я вызываю на поединок любого рыцаря нашего королевства, – выкрикнул я. – Турнир состоится завтра на Вестминстерском ристалище. Приезжайте же и сразитесь с вашим королем!

Перед моими глазами все расплывалось, вместо толпы я видел каменистое взморье, где каждый камешек играл особую роль. Чудесный, волшебный берег!

– Мои подданные, – продолжал я, – все вы сегодня пришли сюда, а таких приглашений не делал доселе ни один из монархов! Подходите же смелее, посмотрим, кому достанутся мои золотые сувениры.

Я раскинул руки, предлагая народу всего себя: испытывая потребность поделиться всем, что имею. И тут чернь хлынула вперед. Меня захлестнуло горячее и дышащее людское море, неукротимый и обладающий гигантской силой многорукий исполин. Тянущиеся ко мне руки жадно срывали с моего наряда многочисленные королевские вензеля, пришитые к ткани и состоящие из двух букв: К (king – король) и Н (Henry – Генрих). Все они были отлиты из чистого золота. Потом начали дергать за одежду. Теснясь вокруг меня, люди, казалось, хотели раздеть меня донага. Их прикосновения вызывали жутковатые ощущения, хотя и порождали во мне странное волнение и возбуждение. Словно меня ласкала сторукая богиня – или облепил рой крылатых насекомых.

После того как эта бесцеремонная и безумная пародия на ритуал, ежевечерне проводимый в опочивальне моими придворными, завершилась, я остался в полупрозрачных лосинах и тонкой нижней рубашке. Множество подданных увидели меня во всей красе. На мгновение мне показалось, что меня сейчас принесут в жертву. Но вот простолюдины набросились на других – Невилла, Карью и Томаса Нивета – и тоже раздели их до нитки.

Внезапно все происходящее потеряло для меня всякую прелесть. Толпа превратилась в чудовище, в клыкастого монстра, который сорвал одежды со всех лицедеев, оголил даже моего симпатичного маленького кузена Генри Куртене. Терпение мое истощилось. И я решительно прекратил это безобразие. По моему знаку вооруженные лейб-гвардейцы оттеснили зрителей от сцены и быстро выпроводили народ из Большого зала под чистые небеса прохладного летнего вечера. Веселье закончилось.

Королева сидела в напряженной позе. Когда я подошел к ней, она метнула на меня гневный взгляд.

– Вы превратили праздник в жалкую клоунату, – заявила она. – И унизили нашего сына. Мне стыдно за то, что у меня такой муж.

Я рассмеялся. Очевидно, что, несмотря на укоры, она любила и желала меня. Да, я нарушил правила приличия, однако моя дерзость имела для Екатерины своеобразную привлекательность, задевая глубинные и тайные струны ее испанской натуры.

– Значит, мне придется одеваться самому, – ответил я, – дабы отныне и вовеки никто не узрел моего королевского тела.

В уединенной гардеробной я переоделся в новый наряд. На мне действительно осталось только нижнее белье! Я с усмешкой представил, как на следующий день люди будут гадать, что им делать с полой королевского камзола или с оторванными рукавами.

Уилл:

Трудно сказать, что более взволновало воображение моих простодушных земляков: желание заполучить дармовое золото или увидеть собственноручно раздетого ими короля вместе с его ближайшей свитой.

– Он сам разрешил им учинить такое безобразие! – потрясенно воскликнула моя матушка. – И ничуть не возражал... больше того, он же сам и пригласил их!

– И только благодаря его жене раздухарившихся зрителей выгнали на улицу, – вставил мой отец.

Это обсуждение проходило за вечерней трапезой. Родители раскладывали по тарелкам рагу в остром соусе, который должен был хоть как-то замаскировать излишнюю худобу и старость разделанного кролика. Отец сунул в рот большой кусок мяса.

– Гарри вообще мог остаться в чем мать родила, – невнятно пробурчал он, пережевывая жесткую крольчатину.

Моя мать, оторвав ломоть от черствой буханки, обмакнула его в соус.

– А если бы мы принесли домой золотые буквы, – мечтательно произнесла она, – наша жизнь переменялась бы к лучшему.

– Ну попиrowали бы разок-другой, – хмыкнул отец, – а что потом? Опять отвратительная тушеная крольчатина!

Он скорчил гримасу, дожевывая не слишком свежее мясо.

Родители не озадачились тем, что король жил в неведомой простым смертным роскоши и потеря золотых вензелей ничего не значила для него. Напротив, они гордились тем, что у них появился такой богатый правитель, и никак не связывали скудость своих трапез с пышностью дворцовых пиров и костюмированных балов, устраиваемых этим мастером увеселений.

А еще, несмотря на ходившие в народе разговоры, мои мать и отец не задумывались о том, что дележка королевских сокровищ могла бы обеспечить всех бедняков деликатесами до конца жизни. Хотя один мой знакомый математик вычислил, что если бы богатства нынешней королевы распределить поровну между всеми подданными, то каждый получил бы сумму, достаточную для покупки пяти буханок хлеба, подков для одной лошади и одеяла. М-да, этих денег вряд ли хватило бы на шикарную жизнь.

Но я отвлекся. К чему эти зрелые рассуждения? В то время я был ребенком и внимал рассказу о королевских золотых буквах, охваченный всеобщим благоговением, а улегшись в постель, воображал себя юным принцем. Какой же мне представлялась его жизнь? Наверняка он спит под теплыми мягкими одеялами (так грезил я, ворочаясь под кусачим покрывалом из грубой шерсти), не делает вовсе домашних заданий... У него множество скакунов и соколов... Иначе говоря, я приписывал принцу все то, что может придумать несведущий десятилетний мальчик, который мечтает о некоем недостижимом идеале.

Прошло больше недели, а мои мысли все еще крутились вокруг принца Генриха. Просыпаясь, я сразу говорил себе: «Вот сейчас няня разбудила его и наряжает в красивые одежды». Шел на улицу играть и бубнил: «А у него во дворце целые залы забиты игрушками».

В сущности, я не сильно ошибался. Сразу после рождения венценосному младенцу выделили личную свиту. В нее входили три священника, хранитель печати, парламентский пристав, кроме того, наследнику служили игрушечных дел мастера, хранители винных погребов и пекари. В Вестминстере был отведен особый зал для его будущих заседаний.

Я носился с приятелями по грязной городской улице, когда мир моих фантазий разбился вдребезги.

– Принц помер, – сказал в тот туманный сырой день мой дружок Роб, шмыгнув носом.

Здоровяк Роб жил по соседству, в третьем доме от нас. Помню, что кончик вечно сопливого носа у него горел, как свеча, а щеки были усеяны прыщами.

– Что? – пораженно спросил я, забыв ударить по мячу.

– Говорю же тебе, он Богу душу отдал. Новый принц...

Воспользовавшись моим замешательством, Роб ловко завладел кожаным мячом.

– Что? Что? – Уже не обращая внимания на игру, я бежал за приятелем, тупо повторяя одно и то же.

– Да помер принц! В чем дело? Ты оглох, что ли?

Крепкие ноги Роба завязли в грязи, и, остановившись, он недовольно глянул на меня. Я заметил, как припухли его обмороженные руки. На пальцах краснели трещинки.

– Почему?

– Почему? – передразнил он меня с заслуженным презрением. – Потому что Господь так захотел. Дурачина!

Он с силой бросил в меня мяч, и я задохнулся, получив удар в солнечное сплетение.

Ответ Роба прозвучал жутко. Много позже я узнал, что такое объяснение долго не давало покоя королю.

Король не поскупился и устроил сыну поистине роскошные похороны. На освещение одного только похоронного катафалка пошло огромное количество свечей. Принц Генрих в возрасте пятидесяти двух дней от роду упокоился в Вестминстерском аббатстве – там, где еще совсем недавно слышались возбужденные крики тех, кто смотрел на устроенные в честь наследника праздничные рыцарские турниры.

Странно, что Гарри описывает смерть первенца с почти римским стоицизмом, словно в смятении перенес мифологическое настроение на событие, произошедшее в действительности. Это было совершенно не похоже на него, обычно столь бурно выражавшего возмущение.

19

Генрих VIII:

На следующее утро я и думать забыл о необузданности людей и меня абсолютно не волновало то, как они поступят с обрывками моей одежды. Ибо мне пришлось заниматься устройством похорон – в то самое время, когда мы разыгрывали миф о древнегреческом герое, принц Генрих умер в своей колыбели. Мой Геракл не сумел победить змей (их послала вовсе не языческая Юнона, а кто-то другой), которые покусились на его жизнь.

Если бы он остался жить, то ныне ему исполнилось бы тридцать пять лет.

Именно тогда в наших с Екатериной отношениях возникла трещина. Ее горе вылилось в смирение и обреченность, полную покорность воле Господа. Она посвятила все свое время строгим молитвам и многочисленным религиозным обрядам, приобщилась к той ветви францисканского ордена, что проповедует умерщвление плоти всем своим приверженцам. Это обязывало носить под одеждой грубое рубище, терзающее тело, соблюдать строгие посты и часами молиться. Апологеты ордена жили «в миру», хотя их дух обитал уже в высших сферах.

Я же вернулся к занятиям пусть бранным, но необходимым. Духовные бдения, точно воронка, засасывали королеву, и то, что происходило с ней, пугало и отталкивало меня. Мне подумалось: в аскетических, подавляющих плоть ритуалах можно потерять себя... А мне следовало обрести прежнюю крепость, снискать благодать Божию. Мои деяния, конечно, оставляли желать лучшего; я еще не начал войну против врагов Христа (и недругов Англии).

Мне помог Уолси, в котором я тогда нуждался более, чем прежде. Помимо своей непосредственной церковной службы он отлично разбирался в мирских делах и досконально знал законы, управляющие людьми. Каким же был земной мир, открывавшийся перед нами, подобно бонбоньерке с соблазнительными цукатами?

Священная лига – папский альянс против Франции – жаждала присоединения к ней Англии. Его святейшество издал документ, в коем обещал признать меня законным королем Франции, если я покорю Париж. Максимилиан, император Священной Римской империи, заявил, что готов выступить вместе со мной на поле брани.

Я мог занять свое место на этой арене, преследуя забытую мечту властителей моей державы: полностью покорить Францию. Возможно, именно этого ждал от меня Господь, но я не оправдал Его чаяний. У меня были обязанности перед государством, которые я, король, должен был исполнять столь же верно и беспрекословно, как рыцарь Круглого стола – повеления Артура. Увиливание от долга означало позор и трусость. Ведь Англия некогда почти завоевала Францию, нам подчинялись ее обширные владения. Генриха VI даже короновали в Париже как французского короля. Но это случилось почти сто лет назад, в 1431 году. За это время, пока мою родину терзали междоусобицы, французы восстановили свои силы и мало-помалу отобрали назад почти все наши завоевания, и теперь мы располагали лишь скромной крепостью в Кале с ее плачевно мизерными окрестностями – девятимильной полосой побережья, протянувшейся всего на дюжину миль.

Надеюсь, Господь вновь одарит меня благосклонностью, если Франция падет перед нашим натиском. Я почти уверился в необходимости войны.

Мои придворные и советники в большинстве своем не разделяли моих убеждений. Они не ведали о моем стремлении вернуть расположение Бога и возражали против военного похода. Отец избаловал их, не затрудняя вмешательством в сложные иноземные дела, и, как все удобно устроившиеся люди, они не хотели нарушать привычно спокойный ход жизни. В конце кон-

цов именно отцовские служаки возобновили за моей спиной мирные переговоры с Францией. Отцы Церкви – Рассел, Фокс и Уорхем, эта ратующая за мир троица, – продолжали неизменно перечить мне и проповедовать прописные истины, талдыча о бессмысленности, дороговизне и греховности войны. Мою сторону приняли титулованные члены Совета – Говард, граф Суррей, де Вер, граф Оксфорд, и лорд верховный адмирал, для которых война являлась *raison d'être*³³. Однако церковь упорно стояла на своем, и даже ученые мужи (коих я сам пригласил из Европы и всячески поощрял их труды, желая придать гуманистический лоск моему двору!) откровенно выражали несогласие со мной. Эразм, Вивес, Колет несли полную околесицу и писали всякий вздор вроде «любой, кто идет на войну ради амбиций или из ненависти, сражается под знаменем дьявола».

Однажды, устав выслушивать доводы в пользу мира, я попросил Уолси подсчитать точную сумму затрат на обеспечение и экипировку тридцатитысячной армии, дабы получить реальные цифры для дискуссии. Я не предоставил в распоряжение Уолси ни списков личного состава, ни письменных указаний. К тому времени я уже знал, что при его усердии и находчивости он не нуждается в руководстве, ему достаточно туманно выраженной просьбы.

Он пропал на несколько дней. Поскольку до нас дошли слухи о том, что воинственный папа Юлий слег со смертельной болезнью, я решил посоветоваться со своим верным сторонником. В то время Уолси занимал скромные покои, смежные с дворцовой церковью, и держал одного слугу и одного секретаря. Я поступил вразрез с обычаями и сам отправился к нему с визитом. Но Джонатан, слуга Уолси, сообщил, что господин «временно, для уединенных трудов, поселился в одной кентской гостинице». Я окинул взглядом неприхотливую, скудно обставленную комнату. Со столов исчезли все бумаги – видимо, Уолси забрал их с собой.

– И какую же именно гостиницу он выбрал?

– Ее владелец – господин Ларк³⁴, ваша милость. Он содержит гостиницу под названием... – парень наморщил лоб, вспоминая, – по-моему, «Веселое утро». Около Чилхема.

Ларк, Ларк. Где же я слышал такую фамилию? «Веселое утро»! Приятное название. Поистине, можно устроить чудесную утреннюю прогулку, и я с удовольствием проеду туда. Может, Екатерина составит мне компанию? Поскачем галопом вдвоем, подышим влажным мартовским воздухом... Но нет, эти часы она обычно посвящает усердным молитвам. Тем не менее я мог бы зайти к ней с предложением. Возможно, она захотела бы проветриться... Нет. Вряд ли.

Так мы строили ложные домыслы, отвергали любые возможности для встреч и бесед... Молча отдалялись друг от друга...

Мысленно пригласив жену и огорчившись ее воображаемым отказом, я счел себя вправе отправиться на прогулку в одиночестве.

Я наслаждался быстрой ездой. Мой конь несся галопом по голым подмороженным полям, бурой грунтовой дороге. Однако март – противный месяц, еще хуже ноября, его безжизненного двойника. Поэтому я обрадовался, добравшись до «Веселого утра» (легко нашел гостиницу на главной Дуврской дороге), уселся возле теплого камина и потребовал подогретого эля.

Дочь хозяина (она выглядела слишком юной и хорошенькой, чтобы быть его женой) необычайно взволновалась, когда я вошел. Меня уже не удивлял переполох, который обычно вызывало мое появление (до странности легко привыкаешь к тому, что тебя воспринимают как бога), но к ее трепету примешивался явный испуг. Это озадачило меня. И, желая ободрить девушку, я с подчеркнутой доброжелательностью обратился к ней:

– Я ищу одного моего придворного, Томаса Уолси. Подскажите мне, где его найти?

³³ Смыслом существования (*фр.*).

³⁴ Говорящая фамилия: *larck* – жаворонок, или птица, поющая ранним утром, или веселье (*англ.*).

Ее губы нервно изогнулись в подобии улыбки.

– Отца Уолси, – прибавил я, – священника.

– М-да. Он... снимает домик на нашей ферме.

Ферме? Что за странное жилье он выбрал?

– Благодарю вас.

Ярдах в пятидесяти от гостиницы за живой изгородью скрывалось ветхое строение. Место для него выбрали удачно, иначе его неказистый вид мог бы отпугнуть постояльцев. Около домика играли два малыша. При виде маленьких мальчиков я чувствовал боль, а порой, признаюсь, меня охватывал гнев. Глаза бы мои их не видели! Я отвернулся.

Распахнув расхлябанную хлипкую дверь, я уловил свойственный металлу тяжелый запах. В нем заключалась вся сущность войны. В полумраке сновала темная фигура.

– Уолси!

Он едва не подпрыгнул – это, по правде, был единственный раз, когда я застал его врасплох, – и так стремительно повернулся, что полы его облачения всколыхнулись бурной волной.

– Ваша милость!

– Чем вы здесь занимаетесь? – Мой голос невольно прозвучал резче, чем мне хотелось.

Открыв дверь во всю ширь, я шагнул в дом и увидел на земляном полу огромные кучи щитов, шлемов, копий, кольчуг, мечей и огнестрельного ручного оружия.

– Проверяю снаряжение, ваша милость. Я собрал все его возможные виды, оценил их стоимость и сроки поставки, – с этими словами он поднял пачку бумаг и начал перелистывать их, – скорость изготовления и удобства употребления. Прежде чем сделать заказ, в первую очередь необходимо выяснить качество. К примеру, литейный цех в Нюрнберге... Его щиты, по-моему, слишком тонки, ваша милость. – Уолси вытащил из одной кучи овальный щит. – Надавите на него. Видите? Он слишком легко гнется. К тому же надо учитывать и скорость поставки, ведь, допустим, из Милана корабли будут добираться до нас целый год, а...

Он стремительно обрушил на меня поток ценных сведений; его голос взволнованно дрожал.

– Как же вы успели... раздобыть все это? – удивленно спросил я.

Ведь Уолси получил от меня задание во вторник, а сегодня была всего лишь пятница.

– Ваша милость! Я почитаю за честь выполнять любые ваши задания со всей быстротой и основательностью.

– Да уж. Я вижу. Ну и как дела, у вас уже есть какие-то цифры?

– Разумеется.

Разумеется. Я изумленно поднял бровь.

– Дороже всего, примерно в двадцать пять тысяч фунтов, нам обойдется вооружение, включая пушки. Также надо учесть стоимость оснастки и подготовки семи военных кораблей. И вы еще, по-моему, упомянули о заказе нового большого флагмана?

– Не большого, а огромного. Самого грандиозного корабля со времен Древнего Рима.

Я давно представлял себе такой корабль – многотонное военное судно.

– Мы уже обсудили чертежи с судостроителями Портсмута и...

– Все они у меня здесь, – прервав меня, сказал он и ткнул в кожаную папку, лежавшую на шатком столе.

Вместо благодарности я внезапно испытал раздражение.

– На его строительство потребуется два года, – деловито продолжил Уолси. – Теперь, что касается поставок... повозок, палаток, провизии, лошадей... О, с ними куча мороки. Невозможно подсчитать точно. Может потребоваться десять тысяч фунтов, а то и вдвое больше. Но кстати! Я нашел нечто исключительно интересное! Мне известно, как ваша милость любит артиллерию, особенно пушки... Я прав?

– М-да, – сдержанно отозвался я.

– Regardez!³⁵ – Уолси раскинул лист с чертежом огромной пушки, бомбарды того типа, что обычно используют для пролома крепостных стен. – Один литейный цех в Нидерландах готов продать дюжину этих прекрасных бронзовых... творений, названных по имени двенадцати апостолов. Вот здесь перед вами «Святой евангелист Иоанн»!

Он вложил чертеж мне в руку.

– А цена? – хладнокровно спросил я, хотя во мне уже разгорелась жажда военных действий.

Оружие и его украшения возбуждали меня, как женщины.

– Одна тысяча триста сорок четыре фунта и десять шиллингов за каждый ствол. И добавочные двенадцать фунтов за лафет.

– То есть в общей сложности...

– Шестнадцать тысяч двести семьдесят восемь фунтов.

Вопиюще дорого. Дороже, чем все прочие полевые пушки, вместе взятые. Но я должен обладать ими. Я страстно желал увидеть их воочию.

– И когда же их смогут поставить?

– Литейщики готовы отгрузить их, – торжествующе выпалил Уолси. – Этих красавиц могут привезти в Кале уже в июне.

– Молодец, Уолси, отличная работа. Но какова же общая сумма по всем статьям расходов?

– Шестьдесят одна тысяча двести семьдесят восемь фунтов.

Более чем десятикратное превышение всех правительственных расходов за прошлый год! Сумма ошеломила меня.

Словно прочитав мои мысли, он сконфуженно произнес:

– Нам придется обратиться за помощью в парламент.

– Нет. Ничего подобного! Я не намерен, точно мальчишка, просить милостыню у поданных! Оплачу все сам из королевской казны!

На обычно непроницаемом лице моего слуги отразилось явное недовольство.

– Ваша милость, ведь парламент готов выделить вам средства. Почему бы не использовать народные деньги вместо своих собственных?

– Это будет совсем не то. Я хочу не только обеспечить английскую армию всем необходимым, но и стать героем этой войны!

Вот я и выдал мое сокровеннейшее желание... Оно поразило даже меня самого.

Уолси развел руками, словно говоря: «Тогда ничего не поделаешь. Увы, я исчерпал все доводы».

– Как вам будет угодно.

Сколь великолепно он смирился с моим капризом!

– Простите, если я затрону болезную тему, – продолжил мой верный сторонник. – Но декан Колет в прошедшее воскресенье опять прочел в Гринвиче проповедь против смертоубийства на поле брани.

– Придется мне... переубедить его.

Я едва не сказал «заткнуть ему рот».

– О, какое это будет облегчение для всех нас, – улыбнулся Уолси.

– До нас дошли сведения о болезни папы Юлия. Что вы думаете об этом? Похоже, его кончина близка! И если он умрет, то как это скажется на наших военных планах?

– Судя по моим источникам, болезнь его не серьезна, она скорее дипломатического свойства. Думаю, Юлий вскоре выздоровеет. Он намерен выставить французов из Италии.

³⁵ Взгляните! (фр.)

В последнее время Людовик зашел слишком далеко... Не сомневайтесь, Священная лига выстоит.

– Англия, Испания, Священная Римская империя, Венеция, папа – все против Франции! – экстатически вскричал я.

– И Англия – единственный дуб, – небрежно бросил он. – Единственный дуб среди зарослей тростника³⁶.

Меня поразило, что Уолси так пренебрежительно отзывается о моих союзниках. Однако человек, собравший и испытывавший военное снаряжение для наших войск, наверняка имел на то основание.

– Пожалуйста, поясните ваше замечание.

Он с сомнением взглянул на меня.

– Насколько мы можем положиться на... испанского короля Фердинанда? – помолчав, задумчиво произнес Уолси. – Он втянул Англию в мнимый и бессмысленный поход против неверных.

Да, он прав. Мои стрелки высадились и погибли в Гвиане, а Фердинанд вместо нее решил атаковать Наварру.

– Понятно, что королева Екатерина склоняет вас помогать ее отцу. Но разве долг зятя совместим с долгом монарха? – Эти слова повисли в воздухе. – А император Максимилиан... вообще известный враль. Да еще и гордится своим хитроумием. Кстати, когда Людовик дважды обвинил его в обмане, он лишь расхохотался и заявил: «Он сам лжет. Я провел его трижды!» Что же касается Венеции, то у нее нет армии. Так что среди всего этого сброда вы единственный рыцарь!

Но если доблестный воин следует истинным путем, то какое имеет значение то, что его союзники лживы? Господь направит его!

Я действительно так думал и, честно говоря, до сих пор не изменил своего мнения.

– Безусловно, мы должны мудро использовать наши средства в борьбе с дьяволом, – признал мой разумный собеседник. – Но когда альянс ненадежен... Как вы сможете победить, не имея поддержки? Мнимые соратники хуже врагов.

Но я верил в моих союзников. К тому же мне и в голову не приходило, что Уолси излишне благоволит к Франции. Обладая утонченными манерами, французы слыли законодателями стиля, а он был всего лишь сыном мясника. Но все мы порой удивляем наших родителей.

– Существует еще опасность со стороны шотландцев, – сказал я, решив сменить тему, – они не подчиняются законам чести и рыцарства. И будут не прочь напасть на нас, пока мы будем воевать во Франции.

– Они давненько заодно с французами. Их объединяет, как говорят сами скотты, давний союз. Невероятно, но так и есть!

Да уж, подумал я. Необузданные, дикие шотландцы и спокойные жеманные французы. Смехотворное содружество.

– Лучше бы оставить здесь опытного командира, способного дать им отпор, – заключил Уолси.

– Говарда, – предложил я, – Томаса Говарда, графа Суррея. Он с Севера, и ему хорошо известны военные приемы шотландцев.

В этот момент возле открытой двери заплясали два темных силуэта.

– Отец! Отец! – воззвали они.

Как мило. Эти мальчуганы прониклись симпатией к заезжему священнику.

– Мама плохо себя чувствует, – пожаловались они.

– Я занят, – резко бросил Уолси.

³⁶ Намек на английскую поговорку: «Буря валит дубы, а тростник стоит как стоял».

– Она заболела на прошлой неделе, когда вас не было с нами!

Так, похоже, Уолси приходится им родным отцом. Священник обзавелся сыновьями!

– Понятно, – процедил я. – Теперь ясно, чем вы занимаетесь в гостинице «Веселое утро»!

Мы поговорим с вами позднее. В Лондоне.

Меня трясло от ярости. Какое греховное предательство!

– Нет, ваша милость! Я боюсь потерять вас. – На лице Уолси отразилась искренняя тревога. – Увы, я действительно согрешил с миловидной дочерью Ларка! Я полюбил ее... но, поверьте, готов отказаться от нее! Для меня важнее всего ваша любовь! Молю, одарите меня вашим доверием, и я не взгляну больше ни на кого другого. Никогда, никогда!

– Вы покинете ее, Уолси, – сказал я. – Иначе вы больше не дождетесь от меня милостей.

Я оттолкнул с пути славных кудрявых мальчуганов, отпрысков бывшего капеллана.

– Я брошу ее! – воскликнул он. – Никогда более я не взгляну в ее сторону! Даруйте мне вашу благосклонность, сие есть мое единственное желание, единственная потребность... – зывал мой советник, семена сзади и едва не хватая меня за полы камзола.

– Посмотрим, что вы сделаете.

В дверях гостиницы появилась хорошенькая Джоан Ларк, с печалью и страхом глядела она на меня. Теперь я понял, почему она встревожилась, когда я приехал. Все очевидно! Я ненавидел ее, ненавидел Уолси, ненавидел их здоровых сыновей.

– Они бастарды! – заявил я, показывая на детей. – Хуже бастардов, они отпрыски священника, нарушившего обеты. Большой мерзости и не придумать!

Поправший обеты служитель церкви проклят перед Богом и людьми. Уолси, ты сам оказался ненадежным тростником.

– Я предоставлю все на волю Господа, – крикнул я. – Ему одному известно, как поступить с вами!

Я ехал среди однообразных мертвых полей, по той же дороге, что и нынешним утром, но совсем иные чувства одолевали меня. На обратном пути в Лондон в голове моей вертелись одни и те же мысли: «Уолси завел любовницу. Уолси способен на страсть. У него есть дети. Жалкий церковник! Господь дал грешному священнику здоровых сыновей и сунул их мне под нос! Почему Он так жесток? Почему Он терзает мою душу?»

20

Наша огромная армия заняла позиции на французском берегу. Мы осадили Турне, бриллиант в оправе каменных стен неподалеку от Кале.

Да, я прибыл туда, исполнив свое желание. Конечно, у нас возникали разные проволочки и препятствия, которые расхолодили бы менее решительных людей. Но я преодолел все препоны. Меня не остановили трудности сборов, закупки снаряжения и транспортировки сорока тысяч солдат, самого большого войска англичан, когда-либо высаживавшегося в Европе. Я сломил сопротивление «осторожных» проповедников, которые предостерегали меня: «Вам нельзя рисковать собой, Англия не может потерять короля, особенно сейчас, когда нет...»

Нет наследника. Несмотря на то что шотландцы дышали нам в спину, я победил собственные страхи, все-таки назначив на время моего похода королевой-регентшей вновь беременную (хвала Господу!) Екатерину.

Я справился и с предубеждением по поводу казни предателя Эдмунда де ла Поля. Небезопасно было оставлять его живым в Англии, где заговорщики только и ждали удобного момента, чтобы освободить его и провозгласить королем. Поэтому ему пришлось закончить жизнь на эшафоте до нашего отплытия.

Уилл:

Замечу, что Генрих не стал задерживаться на данном факте и лишь коротко упомянул о нем как о деле мелкой важности. А люди называли это «весенней чисткой Тауэра».

Генрих VIII:

Мне не помешали робость и отсутствие четких планов моих «преданных союзников». Фердинанд еще не встречался со мной, а император Максимилиан прибыл один, без армии, заявив, что готов лично исполнить воинский долг под моим командованием во время осады Турне.

Этот человек с рыжеватой шевелюрой и сильно выдающимся вперед подбородком производил странное впечатление. Он казался столь приветливым и предупредительным, что никто не усомнился бы в искренности его мыслей или побуждений. Однако римский любезник умудрялся управлять Нидерландами, Германией, Австрией и отдельными княжествами, разбросанными по всей Европе от Италии до Франции! Целый день он упорно таскался за мной, пока я проверял пушки и их позиции, помогал заряжать бомбарды и стрелять из них (благодаря стараниям его святейшества нам поставили из Италии отличную серу, и порох великолепно взрывался), а вечером мы с ним отужинали в моем разборном деревянном доме (а он мог похвастать всеми удобствами дворцовых покоев, включая широкую кровать). Я позволил Максимилиану облегчиться на моем личном стульчаке в пристроенном к дому клозете. После ужина на массивном столе – он формально считался обеденным – мы разложили карты и принялись рассматривать их в мерцающем пламени свечей, обсуждая стратегию.

– Турне будет отлично смотреться, если разрушить его до основания, как Теруан, – с довольным видом заявил Максимилиан. – Мы осаждали Теруанскую крепость двадцать три дня. Когда она наконец сдалась, я приказал вывести оттуда всех и сровнять ее с землей.

– А я вовсе не собираюсь ничего разрушать, – возразил я, – мы присоединим эту крепость к английским владениям в Кале и... пожалуй, даже устроим там парламент!

Эта идея пришла мне в голову внезапно.

– Ваша милость! – усмехнулся Уолси. – Тогда вам придется призвать на помощь гарнизон. Добровольно в ваш парламент никто не пойдет... ведь это французы!

– Ну, с другой стороны, ведь «парламент» – французское слово, – в шутку заметил Брендон. – По сути, оно означает «говорильня», то бишь «болтовня». Только на это парламент и способен – болтать, болтать, болтать!

– Да, да! – с готовностью рассмеялись все остальные.

– А вот Томас Мор говорит о молчаливом парламенте, – сказал Уолси. – Он собирается возглавить таких молчунов.

– Мор сам любит поболтать, и в речах его полно нелепостей, – вступил в разговор Эдвард Невилл.

Вернее, сэр Эдвард Невилл – прошло уже четыре часа с того момента, как я посвятил его в рыцари, оценив отвагу, проявленную им на поле боя.

Героев в этой кампании хватало с избытком. Я поразился тому, насколько отважным бывает простой солдат при встрече с врагом.

В первый вечер похода на нас обрушился проливной дождь, и мы с трудом пробирались вперед, увязая в дорожной жиже. В три часа утра я в своих королевских доспехах объехал лагерь, дабы воодушевить и ободрить моих людей: «Держитесь, соратники, трудное начало с Божьей помощью приведет нас к победному концу».

Внезапно раздался стук в дверь. На пороге стоял шотландский герольд, прибывший объявить войну Англии! В заключение он заявил:

– Мой король призывает вашу милость вернуться домой, дабы защищать вашу страну.

Клановый герб украшал наряд королевского гонца; на голове у него лихо сидел берет. Видимо, шотландца совершенно не волновало, что его король, Яков IV, основательно все взвесил, коварно решив напасть на нас в такое время.

– Не слишком далеко пришлось вам ехать, чтобы доставить столь малодушное послание, – после значительной паузы заметил я. – Не пристало скотту предлагать королю Англии защищаться. Передайте, что не родился еще тот скотт, который мог бы заставить нас вернуться! Деяния вашего правителя говорят сами за себя. Мы и раньше сомневались в его королевской смелости, а теперь просто убедились в ее отсутствии. Посему передайте вашему господину, что оставшийся в Англии граф Суррей отлично справится с трусливыми наскоками шотландского войска. – В тот миг на меня явно снизошло Господне озарение, и я пылко добавил: – И уведомите вашего господина, что Шотландия – мое законное владение. А он, будучи моим вассалом, поднял нынче бунт против своего сюзерена. С Божьей помощью мы достигнем победы, лишив его исконной земли. Так и передайте.

Шотландец нахмурился. Я повернулся к моему орденоносцу, рыцарю ордена Подвязки.

– Отведите его в вашу палатку и попотчуйте на славу, – распорядился я, желая соблюсти рыцарское обхождение.

– Сможет ли Говард дать им отпор? – спросил Уолси после ухода гонца. – Случилось то, чего мы опасались!

– Господь остановит их, – заявил я.

Как ни странно, я надеялся на Всевышнего, а Уолси рассчитывал на военную мощь. Он занимался обеспечением французской кампании – позаботился о доставках бочек с салом для поддержания гибкости тетивы; о весах и гирях для развешивания селитры, серы и древесного угля, необходимых для артиллерии; о запасах уксуса для охлаждения огнестрельного оружия; о кожаных бадьях для переноски пороха и так далее. Конечно, разве Бог может быть солдатом?

Сказать по чести, другие священники тоже сражались. Фокс и Рассел облачились в боевые доспехи, под командованием каждого из них находилось по сотне людей. Папа Юлий встал во главе своих отрядов. Но их, безусловно, вел Христос. А Уолси сам по себе командовал двумя сотнями.

– Бог поддержит нас во всех наших деяниях, – промолвил сэр Джон Сеймур, один из моих верных соратников, уравновешенный, надежный, хладнокровный – настоящий англичанин.

Крепость Турне пала лишь после восьмидневной осады. Каждый из «Двенадцати апостолов» (ведь я все-таки закупил эти пушки, и они оказались великолепными) дал по одному выстрелу по крепостным стенам, после чего над ними взвился белый флаг и начались переговоры. Турне сдалась нам на милость, и наша огромная армия триумфально вошла в городские ворота. Народ разразился приветствиями, величая меня новоявленным Александром. За мной ехали воины, увенчанные орденовыми лентами и осыпанные цветами.

В тот день я до темноты не снимал доспехов и даже на пиру по-спартански терпел их жесткие объятия. При каждом наклоне твердость металла напоминала мне, что я стал воином и завоевателем. В такой экипировке я получил письмо от Екатерины. Отлично помню это, поскольку мне пришлось стащить железные латные рукавицы, чтобы сломать печать и развернуть пергамент. Уже сгустилась тьма, и я велел принести еще свечей, чтобы прочесть послание.

Я чувствовал себя совершенно неуязвимым, несокрушимым и знал, что новости могут быть только хорошими. Поэтому без всякого удивления или ликования прочел сообщение о том, что 9 сентября отряды Томаса Говарда, встретившись с войсками Якова IV в битве при Флоддене, артиллерийским огнем и стрелковой атакой уничтожили шотландских горцев и их командиров. Яков IV и его незаконнорожденный сын Александр погибли в ярде от английского знамени. На поле боя остались епископы Островов и Кейтнесса, аббаты Инчаффрийского и Килвиннингского монастырей (помышляли ли они о Христе?) и весь цвет шотландской знати во главе с графами Монтрозом, Кроуфордом, Аргайлом и Ленноксом.

На сырых и суровых землях Флоддена полегли двенадцать тысяч скоттов. Их попросту уничтожили. Шотландия потеряла целое поколение.

«Ваша милость, – писала Екатерина, – оцените, как я исполняю обещания; в обмен на свидетельства ваших побед я посылаю вам королевский мундир».

Я открыл присланную с письмом сумку, внутри оказался камзол из золотой парчи, который затвердел от пропитавшей его крови. Дыры и прорехи на ткани свидетельствовали об ударах алебард и мечей. Держа изодранный наряд перед собой, я испытал не радость, а страх. Мундир выпал из моих рук. Брэндон, Невилл, Карью, Брайен, Сеймур, Болейн и Куртене, мои соратники, присягнувшие мне на верность, смотрели на меня с ожиданием.

– Шотландия и ее король погибли, – сообщил я.

Они разразились восторженными криками.

– Славный денек! – взревел Брэндон.

– Наш могучий король с легкостью уничтожает любых врагов! – воскликнул молодой Куртене.

Я подошел к двери моего походного дома и взглянул на равнины Франции, подставив разгоряченное лицо свежему ветру. Всякий раз, чтобы припомнить ту минуту, мне достаточно закрыть глаза и открыть окно, позволив холодному дыханию крепкого ветра коснуться моих щек и губ. Иногда, в минуты неуверенности, я именно так и делал. И тогда вновь обретал молодость и могущество.

Уилл:

Екатерина полагала, что порадует мужа, послав ему мундир шотландского короля после прибытия в Англию пленного герцога де Лонгвиля. Можно ли назвать эти победы равнозначными!

Екатерина была очень предана Генриху, но при всей осведомленности и верности она нередко проявляла глупость в важных вопросах.

Генрих VIII:

Мы провели во Франции около четырех месяцев, а затем вернулись в Дувр, на родные берега. На меня произвели сильнейшее впечатление как города Франции – ведь до сих пор я мало что видел даже в Англии, не считая Лондона и его окрестностей, – так и сражения с превосходящими силами противника. Франция оказалась прекрасной; а я доказал свою воинственность. И теперь часть прекрасной Франции стала моим трофеем.

На протяжении всего пути от Дувра до Лондона нас встречали ликующие толпы верноподданных. Им хотелось увидеть нас, выплеснуть обуревавший их восторг, приобщиться к победам армии. На следующий год мы еще больше порадуем их, ибо вновь отправимся во Францию, на сей раз надежно сговорившись о союзничестве с Фердинандом и Максимилианом. Военная кампания этого сезона стала всего лишь началом исполнения грандиозных планов.

Уилл:

Тогда я второй раз увидел Генриха VIII. Люди толпами сходились к дороге, что вела от Дувра к Лондону, и мне тоже страстно хотелось хоть мельком глянуть на нашего молодого победоносного монарха. Казалось, мы простояли у обочины целую вечность, с нетерпением вытягивая шею – не покажется ли вдали славное войско? Люди делились надеждами и слухами: «Король уже близко. Нет, говорят, он появится через час». Ожидание тянулось бесконечно, но я не мог уйти. Наконец почти в полдень, а народ томился здесь с первых рассветных лучей, мы узрели короля, гордо восседающего на великолепной белой лошади. В ослепительном золотом наряде он и сам казался золотоносным: его волосы, глаза, лицо сияли, как солнце. Исполненный грации и благодати, он выглядел просветленным и возрожденным, подобно рыцарю, который возвращается из святого Иерусалима. Меня захлестывало волнение, грудь распирало от огромной гордости, более подходящего слова не найти; да, я испытывал при виде Генриха живительный, экстатический восторг и одновременно благоговейный трепет, поскольку понимал, как велик наш король.

Генрих VIII:

Екатерина дожидалась меня в Ричмондском дворце. Когда мы достигли Лондона, мне уже так не терпелось увидеть ее, что я не стал тратить время на смену запыленного дорожного наряда, который не снимал со времени посадки на корабль в Кале. Но лошадям надо было дать отдых. Чтобы домчаться до столицы галопом, я выбрал самого быстрого скакуна из королевских конюшен. В походе я свято хранил жене верность. А ведь между осадами Туруана и Турне, когда мы в Лилле праздновали нашу первую победу, многие бельгийские дамы мечтали ублажить воинственного короля...

Я не изменял Екатерине, полагая, что обязан вести праведную жизнь. Ведь я дал брачный обет и должен был хранить его. Мой отец всегда оставался верным моей матери. Мне было невыносимо думать, что он мог бы так оскорбить ее.

На фоне выцветших небес башни Ричмондского дворца походили на молитвенно воздетые ввысь бледные длани. Там ждала меня супруга, носящая под сердцем моего ребенка, королева, добившаяся победы в битве при Флоддене... О, я чувствовал себя поистине счастливым.

По коридорам (мимо выстроившихся вдоль стен придворных, которые пытались привлечь мое внимание) я стремительно прошел к королевским покоям. И вот я увидел ее, она стояла в дверях – словно была простой девчонкой, а не дочерью короля Испании. В сумрачном свете ее волосы поблескивали и золотились. Наша встреча вылилась в радостные объятия, и я почувствовал, как пылко жена отвечает мне.

– О Генрих, – прошептала Екатерина мне на ухо.

– Ключи от Турне, – пробормотал я.

Я носил их на себе. И теперь, преклонив колено, преподнес их ей.

Королева жадно схватила их.

– Я знала, что вы способны брать города. Много раз в детстве я видела, как мои мать и отец возвращались с подобными ключами, отбитыми у мавров...

Фердинанд и Изабелла, изгоняя мавров из Испании, отвоевывали у них город за городом. Способен ли супруг превзойти родителей? Екатерина сравнивала нас...

Мы покинули мои покои. Темные и пустынные залы еще не успели подготовить к моему прибытию, поэтому было решено пойти на ее половину.

– Мавры, как им и следовало, убралась в Африку, – сказал я.

– Да. – Она подняла ко мне сияющее лицо. – А шотландцы, как им и следовало, убралась в горы.

В ее апартаментах мы долго обменивались поцелуями. Ее губы, как они свежи и ароматны!

– Твои губы сладки, как вересковый мед, – шутливо заметил я.

– Во мне нет ничего мавританского³⁷, – удивленно промолвила она, отстраняясь.

– А я уверен, что мавры принесли Испании много хорошего...

– Вы ошибаетесь... В роскоши и неге Востока ничего хорошего нет.

Внезапно мягкие и податливые губы Екатерины стали тонкими и жесткими.

– Однако девичью пору вы провели на мавританском Востоке, – поддразнил я жену, – нежились, созерцали, как переливаются и играют струи фонтанов в калифском дворце Гранады. Надеюсь, вы приобщите меня к... – прошептал я, нежно касаясь ее живота, и вдруг слова застряли у меня в горле.

Живот оказался плоским. Совершенно плоским и твердым, как ее губы, отвергнувшие заслуги мавров.

– Он умер, – тихо произнесла Екатерина. – Наш сын. Он родился ночью после того, как я получила сообщение о наступлении шотландского войска. Между полночью и рассветом. Уорхем провел обряд крещения... – Помолчав, она добавила: – Его душа спасена.

– Но не его тело, – невольно возразил я. – Вы упомянули... о сыне?

– Да, – вздохнула она. – Младенец родился слишком слабым, намного раньше положенного срока... Но его успели окрестить! Душа его пребывает в раю.

– Теперь вы говорите как мусульманка.

Мой сын. Умер.

– Во всем виноваты шотландцы, – горько бросил я. – Они погубили его. Если бы не они, не их подлое нападение, вы смогли бы выносить ребенка. – Я отстранился от Екатерины. – Но они понесли наказание. Их короля настигла смерть.

Нынешний король за будущего короля. По справедливости ли они наказаны?

Я вновь заключил ее в объятия.

– Мы сотворим другого наследника.

И увлек жену в опочивальню. Но призывал меня туда не долг, а желание, ведь Екатерина была в самом расцвете своей женственности и красоты: королева, защитившая свое королевство, мать, оплакивающая сына, дочь Востока, способная подарить экзотические наслаждения, несмотря на то что осуждала их в силу католического воспитания.

³⁷ В английском языке слово «moorish» имеет два значения – «мавританский» и «вересковый».

21

В признание боевых заслуг я вернул Томасу Говарду утраченное им герцогство Норфолк и пожаловал Чарлзу Брэндону новый титул герцога Суффолка.

Уилл:

А титул тот стал вакантным совсем недавно, после кончины Эдмунда де ла Поля.

Генрих VIII:

Уолси тоже заслуживал награды. За последние месяцы всевидящий Господь, взору которого открыто будущее, призвал к себе многих церковнослужителей, освободив тем самым немало духовных званий. Я соединил все в один букет и даровал Уолси титулы епископа Линкольна и Турне и архиепископа Йорка. За одну короткую церемонию простой священник превратился во влиятельного прелата. Для него это было все равно что взлететь под облака (как снаряды из военных орудий, кои он помогал закупать).

– Для человека, недавно служившего простым священником, вы поднялись на большую высоту, – с улыбкой заметил я. – И мне это по душе.

– К чему еще я могу стремиться? – поинтересовался он с невинным видом.

– А действительно, чего еще вы можете желать? И с какой целью, если не секрет, вы задумали реконструкцию дворца?

Уолси как раз недавно взял в аренду у рыцарей госпитальеров участок земли за Лондоном в верховьях Темзы. Он уже провел совещания с каменщиками и строителями и дважды храбро проехался по обледеленым дорогам, чтобы проведать приобретенные угодья.

– Хэмптон? Да это не дворец, просто небольшой особняк. В конце концов, должен же архиепископ иметь жилье, достойное его сана.

– Для этого у вас будет дом в Йорке.

– Он старый и сырой.

– Таковы и мои дворцы. Видимо, мой друг и советник, вы намерены занять еще более грандиозное положение. Может, вам нравится цвет... кардинальской шапки?

– Несомненно. – Никаких колебаний или притворных отказов. – Кардинал влиятельнее самого архиепископа Кентерберийского. Получив этот сан, я мог бы стать вашим министром. У такого короля, как вы, должны быть слуги высшего ранга.

Его лесть казалась давно отрепетированной.

– О да. Я должен сделать вас кардиналом ради собственной выгоды. Давайте-ка разберемся. У нас теперь новый папа. Что он за человек? Как добиться от него столь скромного титула? – Я помедлил. – Пошлем Льву хвалебное послание. И он пожалует вам кардинальскую шапку, не беспокойтесь. На будущий год к этому времени... я стану королем Франции, а вы – кардиналом!

И, Бог даст, я познаю радости отцовства. Королева вновь забеременела. Надеюсь, на четвертый раз мы получим так горячо желаемого нами – и Англией – наследника. Он крайне необходим нам.

Планы определились. В моем мире воцарился порядок, как на шахматной доске с заново расставленными на ней фигурками из слоновой кости. Как же эта доска – с клетками в виде европейских герцогств – маняще поблескивала перед моим мысленным взором! За меня выступали Фердинанд, Максимилиан и новый папа Лев X. Мы хотели начать войну с Францией одновременно на разных фронтах, скоординировав наше наступление посредством быстрых курьеров христианского мира (правда, оседлавших арабских скакунов). Мы с Екатериной

частенько воображали битвы, в которых я и ее отец станем соратниками; ей страстно хотелось тоже сражаться бок о бок со мной. Помешал лишь ожидаемый ребенок.

– Раз мы победили скоттов, я могла бы поехать с вами! – пылко воскликнула она. – Но ни за что на свете я не подвергну опасности этого ребенка.

Она нежно погладила свой живот.

– И я тоже, любовь моя.

– Как я рада, что вы наконец встретитесь с моим отцом, – сказала королева. – И что вы выбрали... или, вернее, позволили мне выбрать для будущего принца наши династические имена Филипп и Карл.

Мне до сих пор не приходилось встречаться с Фердинандом, и я видел его лишь любящими глазами дочери, Екатерины. Но ее родственники по мужской линии, похоже, были одарены здоровьем и долголетием. Вероятно, я стал суеверным из-за обреченных на смерть Генрихов, Ричардов и Эдуардов, названных в честь английских королей. В любом случае тогда мне казалось, что я делаю Екатерине весьма скромную уступку. Только бы она радовалась жизни, а ребенок рос спокойным и крепким.

– Все для вас, милая.

Преданность Фердинанду и Иисусу зачастую мешала ей уделять внимание мужу. Все чаще я обнаруживал, что земные потребности существуют обособленно, пульсируя внутри меня и требуя выхода. Впрочем, Екатерина мало беспокоилась по этому поводу, так что совесть моя молчала. Мне минуло двадцать три года, и я стал общеизвестной персоной. Придворные дамы и фрейлины Екатерины, в частности замужняя сестра герцога Бекингема, словно пробудили во мне беса. Я не мог равнодушно смотреть на полные груди, обтянутые лифом платья.

Когда из будуара Екатерины доносилась музыка, мой бесенок поднимал голову, точно кобра, послушная флейте факира. У королевы собирались зрелые матроны и юные прелестницы, облаченные в атласные и бархатные наряды. Они отдыхали и развлекались, наигрывая на лютне разные мелодии. Подобно сомнамбуле, я шел на эти призывные звуки и... оставался безучастным созерцателем; воображаемые наслаждения жили лишь в моей голове.

Лежавшее на столе подлое письмо смердело, как протухшая рыба. Фердинанд вел нечестную игру, он предавал меня постоянно. В тот самый час, когда я вводил войска в завоеванный Турне, он тайно подписывал мирный договор с Францией. Его подхалим и фаворит Максимилиан поступил так же.

На протяжении долгой зимы тщательно обсуждались планы, заказывалось снаряжение, пополнялись запасы (события той поры четко запечатлелись в моей памяти!). Палуба за палубой, мачта за мачтой, невзирая на бешеные расходы, в страшной спешке строился мой флагманский корабль. Работы следовало завершить к июню, на этот месяц было намечено выступление армии...

Мне даже пришлось созвать парламент и униженно обратиться к нему с просьбой сбора денег...

Фердинанд предал и бросил меня, вынуждая либо прекратить войну, став посмешищем для всей Европы, либо сражаться с французами в одиночку, своими силами.

Иуда!

Кровь бросилась мне в голову, когда перед моим мысленным взором проплывали все эти картины: обращение в парламент, суета на верфи, предательство Фердинанда с его тайным мирным договором... А чего стоили дифирамбы, которые постоянно пела этому изменнику преданная дочь?! Я почувствовал, что могу взорваться, но буквально онемел от ярости и едва не захлебнулся скопившейся во рту слюной.

Схватив мерзкое письмо, я в каком-то бреду, точно жуящий гашиш неверный, бросился в покои Екатерины. Она, как обычно, предавалась «благочестивым занятиям». Я резко оттолкнул

нул в сторону ее угодливого и елейного исповедника, фра Диего (проклятый испанец!) и, схватив его за нагрудный крест, раскрутил этого коротышку так, что он буквально вылетел из ее молельни.

Она в золотистом бархатном платье стояла на коленях спиной ко мне. Стремительно шагнул вперед, я рывком поднял ее с пола.

– Итак, мадам, что вы на это скажете? – Я сунул ей прямо под нос оскорбительный документ. – Вы давно знали об этом! И предали меня заодно с ним! Порождение Иуды, подлая иноземная... шпионка!

Екатерина схватила письмо и пробежала его глазами.

– Я ничего не знала, – спокойно ответила она.

– Ложь! Ложь!

Как смеет она увильнуть от правды? Неужели она считает меня идиотом, доверчивым простаком? Возможно, я таким и был, но отныне все переменится. Боже, как же я ненавижу ее. Она заползла в мою постель, как коварная змея.

– Теперь я понял, какова ваша сущность, ваша подлая натура! Вы прибыли к нам как испанская шпионка, намереваясь сделать меня игрушкой в руках Фердинанда, его рабом-галерником, сосудом бранным – ха-ха! – для его испражнений. И уж поиздевался он всласть – сначала, в позапрошлом году, над моими стрелками, потом предал меня прошлым летом, а нынче – новая мерзкая отписка. Ну-ка, выкладывайте, какие последние вести вы получили от него? Что надлежит вам, моя медоточивая шпионка, внушить мне теперь? Я уверен, что он снабжает вас указаниями. Где-то тут наверняка лежит его письмецо.

Покинув крошечную молельню, я ворвался в рабочий кабинет, где стояло бюро с закрытыми ящиками.

– Да, да, оно где-то здесь, – продолжал бушевать я, схватив попавшуюся под руку деревянную шкатулку, которая, естественно, оказалась запертой.

Мощным ударом я свернул крышку, но внутри были лишь чернила и печати.

– Ну разумеется, вы не держите послание на виду. Оно спрятано. Но нет, прятать опасно. Вы дьявольски хитры и, скорее всего, выучили его наизусть, а затем уничтожили. Значит, все находится вот тут. – Я обхватил руками ее голову. – Если я вскрою и эту шкатулочку, выпадет ли из нее письмо? – Я сурово сжал ее виски.

– Вы ведете себя как безумец, – решительно и твердо ответила Екатерина.

О да, она обладала испанской храбростью.

– Как сумасшедший, а не как король, – резко прибавила она.

– Признайтесь, что он велел вам сделать, – прошипел я (это весьма отдаленно напоминало шепот) над ее ухом и пригрозил, разворачивая королеву лицом к себе: – Я все узнаю. Может, вам велели выманить у меня очередную сумму денег для сумасбродных задумок вашего отца? Или он решил ослабить Англию, отправив меня воевать в одиночку, дабы освободить наш трон для иных претендентов? И превратить нас в легкую добычу для авантюристов?.. Разве не понравилась бы ему такая идея?

– У меня нет никаких указаний, и я всегда хранила верность только вам. Если Фердинанд предал вас, то предал также и меня. Поэтому я отрекаюсь от него. – Ее преисполненный печали голос звучал весьма убедительно. – Мне горько сознавать, что мой отец мало любит меня, раз сумел так поступить с моим супругом.

Отец! Она переживает за него, а не за мужа.

– Ладно, у вас больше нет отца! Вы поняли меня? Клянитесь на кресте, – я метнулся в молельню и сорвал крест с шеи перепуганного исповедника, – что вы отрекаетесь от него. Без всяких оговорок и условий. Иначе я разведусь с вами!

Екатерина недоверчиво взглянула на меня.

– Да, я добьюсь развода! Либо вы – моя жена и преданы мне, либо – его дочь. Действия вашего родителя ставят под угрозу вашу честь. Вы не можете играть две эти роли. Клянись. Она стиснула крест.

– Я клянусь в том, что всегда была и буду впредь преданной и верной женой моему суверенному господину и королю.

– Этого недостаточно! Отрекитесь от него!

Королева сдавила крест с такой силой, что костяшки ее пальцев стали мраморно-бледными.

– Я... отрекаюсь... от моего родного отца Фердинанда. – От каждого слова она сжималась, как от удара.

– Вот так. Отлично. И если вы дали ложную клятву, – я забрал крест из ее вялых вспотевших ладоней, – то обрекли себя на проклятие.

– Вам известно... что развод недопустим, – еле слышно пролепетала она.

– О нет, еще как допустим.

– Безусловно, бывают исключительные случаи... Но разводы запрещены нашим Господом.

– Конечно, в идеальном смысле. Вы вспомнили Матфея: «Итак будьте совершенны...»³⁸ Родите мне сына, и тогда не будет развода.

Тут мне пришла в голову иная мысль.

– Полагаю, вам лучше вычеркнуть из памяти вашу жизнь в Испании. Не бывать в роду Тюдоров ни Филиппам, ни Карлам. Я сам подберу славное английское имя.

Не обращая внимания на струившиеся по ее щекам слезы, я направился к выходу из кабинета. Я видел перед собой не испуганную женщину, а лишь тайное орудие порочного Фердинанда, змею, вскормленную на моей груди, коронованную мной и обосновавшуюся в моем родном доме.

Остаток дня я пребывал в раздражении. Закончилась вечерня, во время которой я обычно присоединялся к Екатерине в ее молитвах. Я знал, что она будет ждать меня, но не мог заставить себя пойти к ней. Записку королева не прислала, хотя я ждал этого. Разумно. Один вид ее почерка разозлил бы меня еще больше, поскольку я тут же вообразил бы Екатерину за составлением изменнических посланий.

Я уже готовился ко сну, и вдруг меня будто ударили. Боже, как же глупо я себя вел! Нет, выдвинутые мной обвинения были вполне обоснованными, поскольку Екатерина всегда фанатично поддерживала Фердинанда – более того, одно время она являлась его полномочным послом при моем дворе. Но я напрасно дал волю ярости, обнажил свои истинные чувства. Разум мой в одночасье помутился. Я орал как бешеный, набросился, будто дикарь, на священника... Мальчишка я или мужчина? Меня захлестнул стыд.

Я взошел по ступеням на свою роскошную кровать. От Екатерины по-прежнему не было письма с просьбами вернуться и простить ее. Что ж, это ошибка с ее стороны. Но я размышлял о жене уже спокойно; мой гнев остыл.

Вольготно раскинувшись на перине, я блаженствовал. Бурный выплеск страстей истощил меня.

Развод. Откуда я выкопал такое слово? Екатерина права: христианам не положено разводиться. Христос очень четко высказался, когда его спросили об этом. Кто? Наверняка фарисеи. По-моему, они вечно заботились о благочестии. Но потом появились оговорки, исключения, допускающие расторжение брака, о чем упоминал святой Павел. Я решил выяснить это

³⁸ Мф. 5: 48.

у Уолси, когда встречу с ним завтра утром. Все-таки он был священником, даже если не углублялся в теологию.

После мессы я отправился напрямиком в дворцовые апартаменты Уолси. Архиепископ уже трудился за письменным столом. Странно, отметил я про себя, почему-то сей отец церкви не удостоил службу своим посещением.

– Прочтите.

Я бросил оскорбительный испанский свиток на заваленный бумагами стол. Письмо подкатилось по стопке толстенных гроссбухов прямо в руки Уолси. Он ловко развернул пергамент своими пухлыми пальцами и пробежал его глазами быстрее, чем я описал это.

– Какая гнусность! – прошептал он. – Ему грозит нижний круг ада, где он попадет в компанию столь же презренных предателей: Иуды, Брута и Кассия. Он угодит в объятия Сатаны.

– Ладно, ладно, – умерил я обвинительный пыл Уолси.

Загробное местопребывание Фердинанда заботило меня не так сильно, как желание узнать, с кем он обнимается сейчас: казалось, тесть решил помириться со всем миром.

– Я буду отмщен. И кара настигнет его при жизни. Как вы думаете, сможем мы превзойти его?

– Неужели вы хотите воевать с ним? Да еще и с Францией?

– Я сказал «превзойти», а не «завоевать», – возразил я.

У меня сложился план, на редкость фантазмагорический и бредовый.

– Фердинанд двуличен, но я заткну его за пояс, – заявил я.

– Невозможно.

– При желании я могу достичь превосходства в любой области. Даже в лживости, – бросил я, решив озвучить мои недавние размышления. – Слушайте, Фердинанд заключил с Францией тайный пакт. А я устрою публичную церемонию братания с французами!

– С вашими извечными врагами, которых вы ненавидели буквально до вчерашнего дня?

– Люди верят *fait accompli*³⁹, считают действительным союз, скрепленный печатью. Скажите-ка... при каких условиях разрешен развод?

– Какой развод?

– Обычный развод между супругами.

– Обычных разводов не бывает. Существуют лишь исключительные причины, по которым можно разорвать связующую сущность брака.

– А если брак заключен с предательницей?

– Я полагаю... что единственное предательство по отношению к супругу – прелюбодеяние. Кроме, разумеется, того случая, когда он является действующим монархом; тогда могут быть учтены и иные формы супружеской измены. Но поскольку при этом виновница будет казнена за предательство, то он окажется вдовцом, а не разведенным. Смерть – заслуженная казнь – венчает конец королевского брака так же безусловно, как естественная кончина.

– Коротко говоря, быстрее казнить за измену и за полдня стать вдовцом, чем обращаться с прошением об аннулировании брака в Рим и полгода дожидаться его решения... – рассудил я, конечно, чисто теоретически.

Уолси поднялся из-за стола и подошел ко мне. Благодаря многочисленным официальным приемам и пирам он заметно округлился.

– Уверен, вы не имеете в виду... ваш брак! Нельзя развестись с королевой из-за лживости ее отца. Хотя, видит Бог, вы заслуживаете руки французской принцессы. Это был бы чудный подарок всему английскому двору.

³⁹ Свершившемуся факту (*лат.*).

Всплеск его откровенности потряс меня не меньше, чем мое теоретическое рассуждение об изменении статуса.

– Однако, Уолси... Похоже, вы недолюбливаете ее величество!

Но у него, как всегда, нашлось объяснение:

– Ну что вы, ваша милость, по-моему, королева достойна всяческой любви и восхищения. Я лишь имел в виду... что изящная юная француженка могла бы стать великолепным украшением двора, где она сияла бы, подобно бриллиантовому кольцу на вашей руке. Обворожительная принцесса, способная прекрасно танцевать и разыгрывать маскарадные представления, весело...

– Да. Понятно... – прервал я поток его красноречия.

За прошедшие пару лет Екатерина стала относиться к жизни гораздо серьезнее. Хотя Уолси не мог знать о ее тайных мавританских талантах...

– Франция с ее причудливым сочетанием изящества и упадка... Хотелось бы мне узнать, как они сказываются на женской натуре, – медленно произнес я, думая о том, что не познал еще ни одной женщины, кроме Екатерины. – Но я женат и не имею права на развод. Действительно, дочь Фердинанда не виновата в его предательстве. Ее единственной «изменой» является неспособность следовать библейской заповеди: «Оставь мать свою и отца своего». Душой королева по-прежнему в Испании. Но сама она здесь, рядом со мной, и формально хранит мне верность.

– Помимо того, она вынашивает наследника.

– Верно...

Я кивнул, хотя наши будущие дети казались мне обреченными...

– Как бы то ни было, есть много вариантов сближения с Францией, – вернулся Уолси к начатой теме.

Он выглядел взволнованным, глаза его горели.

– Правда. И другие брачные союзы. К примеру, моей сестры Марии и французского короля!

На лице Уолси выразилось волнение, словно мои слова потрясли его до глубины души.

– Ваша милость! – облизнувшись, воскликнул он. – Гениальная мысль!

– Она посетила меня в данное мгновение. Ее послал Господь. – Я говорил совершенно откровенно.

– Значит, мы расторгнем обручение Марии с Карлом Бургундским, – заявил он.

Сестра будет в восторге. Сначала ей не понравилось предложение выйти замуж за племянника Екатерины, юного отпрыска Габсбургов, который был младше Марии на четыре года. Но позднее она прониклась важностью этой помолвки, начала повсюду таскать с собой портрет суженого, вздыхала над ним. Она с радостью оставит эти глупости ради французской короны.

– Стать королевой Франции? Женой престарелого развратника со вставными зубами? Нет, нет, нет! – Мария отбросила подарок его величества: статуэтку Венеры с парящим над ее плечом Купидоном. – Ни за что!

Статуэтка упала, и у амурчика отвалился кончик мраморного носа.

– Милая сестрица, – уговаривал я, – он же король.

– Он отвратителен.

– Вы – королева Франции! Подумайте об этом, моя дорогая, подумайте хорошенько. Вас будут прославлять в песнях и стихах, вы станете первой дамой Европы. Сможете жить, как пожелаете, носить изысканные наряды, драгоценные украшения.

– А по ночам? – прищурилась она. – По ночам я буду за них дорого расплачиваться.

– Что значат пятнадцать минут заурядного долга в сравнении с двенадцатью часами власти и роскоши? – произнес я с самым небрежным видом, промочив горло хересом из дорогого серебряного кубка.

О боже, если Мария не воспримет мой прозрачный намек, мне придется применить силу против любимой сестры.

– Когда вы успели стать таким жестоким? – тихо спросила она. – Я не узнаю моего брата Генриха, вы говорите как чужой, незнакомый мне человек.

Она затронула болезненную тему. Последнее время я чувствовал, как растет во мне жестокость, как она обретает четкие формы, поднимаясь изнутри, точно скала из озерной глади, вытесняя чистую и спокойную воду. Когда с губ моих сорвалось непрошеное слово «развод» и я впервые, хоть и ненадолго, восстал против Екатерины, во мне зародилась безжалостность к людям. Тогда я еще не сознавал, что в моей душе поселился чужак. А потом начал привыкать к нему, к переменам, которые совершались со мной... Королю необходимо быть жестоким... иногда.

– Да, знакомый вам мягкосердечный ребенок вырос. Он стал королем, – признал я. – Дитя видит только то, что хочет, и воспринимает только то, что ему представляется правильным. А монарх прозревает истинное положение вещей. Поймите, Англия должна заключать выгодные государственные соглашения.

– Значит, брак вашей сестры с Людовиком – прибыльная сделка для государства?

– И для вас в том числе. Вы убедитесь сами. Кроме того, – выпалил я, – он не протянет долго. Скромная жертва с вашей стороны со временем приведет к огромному вознаграждению. Вы молоды. И сможете десятилетиями наслаждаться безбедной жизнью и титулами без ненавистного вам Луи.

Лицо ее выразило не радость, а отвращение.

– Как вы можете говорить такое... Ваши слова являются для меня более тяжким оскорблением, чем предполагаемая потеря девственности с Луи. Вы погубили в себе славного Генриха.

– Нет, он по-прежнему жив во мне, – мягко возразил я.

Сменим гнев на милость, с ней нельзя рисковать. Надо определиться с этой французской женьбой.

– Да, он проявляется, когда вы хотите использовать свое обаяние. Ведь юный Генрих, мой брат, на редкость мил. Кто же так изменил вас? Уолси? Расчетливый, амбициозный священник...

Каждый готов был обвинить Уолси во всех смертных грехах. Он стал удобным козлом отпущения.

Обаяние молодого Генриха, однако, служило маской для растущего во мне тирана и его жестоких деяний.

Я вздохнул и сказал честно:

– Уолси ничего не делает по собственному почину. Его влияние ограничивается моей волей. Он всего лишь орудие в моих руках.

– Тогда откуда же взялся незнакомый мне Генрих? Тот, кого увлекают азартные игры, маскарадные зрелища и охотничьи вылазки в компании суетных придворных, тот, кто сочиняет непристойные стишки и избегает покоев королевы и собраний ученого общества, которые прежде частенько посещал?

– Моя милая монашка, – с усмешкой произнес я, – я же мужчина и наслаждаюсь обычными мужскими забавами.

Впрочем, вышеназванные шалости не касались супружеского долга. Прелюбодей, скачущий по чужим постелям, получал хлесткое прозвище «потаскун». Ну а я пока никуда не таскался.

– Что касается упомянутых «суетных придворных», – добавил я, – то они уже заметили, как вам нравится танцевать с герцогом Суффолком.

– Другим дамам тоже, – небрежно бросила она.

– О да. Он дамский угодник и отлично знает, что вам нужно. Герцог уже трижды женился, но по-прежнему умудряется вести холостяцкую жизнь. Вот ведь ловкач... – Мой шуточный тон скрывал зависть, которую я испытывал к находчивому ловеласу.

– Неужели я стану такой же опытной и холодной? – пожав плечами, с сомнением произнесла Мария. – Неужели последую вашему примеру?

– Вероятно, последуете. И чем скорее, тем лучше. Пока вы не растеряли красоты, с вами... в отличие от нашей старшей сестры... мы еще можем заключить приемлемую сделку.

Бедная Маргарита, недавняя королева Шотландии, а ныне вульгарная, падкая до мужчин особа, за которую не много дали бы на рынке. Уже после смерти мужа, Якова IV, она родила сына и сразу же выставила напоказ своего любовника Арчибальда Дугласа, графа Ангуса.

Стройная, ослепительно красивая Мария держала себя в строгости. Самая ценная фигура на европейской шахматной доске.

– Я выйду замуж за короля Людовика, – заявила она, четко и раздумчиво произнося каждое слово, словно выбирала их на подносе из груды других. – Я возьму с собой много фрейлин, чтобы создать там свой двор. А когда Луи умрет, я сохраню все подаренные им драгоценности. – Она помедлила. – От вас мне нужно только одно...

– И что же именно?

Разумеется, я подарю ей что-то, любой свадебный подарок, какой она только пожелает. Могу даже назвать в ее честь новый флагманский корабль.

– После смерти Людовика вы позволите мне выйти замуж по собственному желанию. На сей раз вы устроили мой брак. Но в будущем я сама выберу себе супруга.

Нет. Она слишком драгоценна для меня и для Англии.

– Невозможно...

– Тогда свадьбы не будет. Уж лучше я уйду в монастырь.

Да, она была непреклонной и упрямой – истинная дочь рода Тюдоров!

– Неужели вы настолько своенравны, что готовы отказаться от мира? Я не могу позволить вам совершить такую глупость. Поэтому согласен выполнить ваше условие, – смирился я.

Ко времени вдовства Мария станет более здравомыслящей. С возрастом мы все становимся благоразумнее. Вдруг меня посетило сомнение.

– А нет у вас уже сейчас на примете кавалера?

Она рассеянно улыбнулась.

– Мне многие нравятся, – сказала она, – как и любой девушке, наверное.

После нашего расставания я невольно задумался о ее словах. Действительно, круг моего общения изменился. Эразма и декана Джона Колета сменили Эдвард Гилдфорд и Эдвард Пойнтц, придворные подхалимы. Вместо Екатерины моим доверенным лицом в политике теперь был Уолси. Мне не хотелось молиться в одиночестве, предаваться размышлениям или сочинять музыку. Я жаждал шумных развлечений; и рыцарство казалось мне менее соблазнительным, чем власть.

Однако не все во мне переменялось. Генрих, мечтавший стать «настоящим рыцарем», жил во мне наряду с новым властным поселенцем, продолжая с беспокойством приглядывать за выходками новичка.

22

Чтобы Мария прибыла во Францию уже королевой, следовало заключить брак по доверенности на английской земле. Элегантный Луи Орлеанский, герцог Лонгвиль, плененный в ходе последней военной кампании, должен был представлять Людовика на церемонии венчания и произнести за него брачные обеты. Формально будучи заложником, Лонгвиль фактически содержался как французский дипломат, и именно ему король Луи послал свадебный подарок для невесты: ожерелье с гигантской грушевидной жемчужиной такой редкой красоты, что она даже получила собственное имя – Зеркало Неаполя. Я дал себе слово отдать его на оценку добросовестным английским ювелирам до того, как Мария отбудет во Францию.

Церемония венчания прошла в Гринвиче, провел ее архиепископ Уорхем в присутствии английских лордов. По моему приказу приемный зал королевских покоев украсили золотой парчой и шелком, и он превратился в подобие драгоценной пещеры, сказочной сокровищницы.

Дворцовую пристань задрапировали золотистой тканью. Из окон я видел, как покачивались на волнах роскошные баркасы прибывших на свадьбу гостей.

– Пойдемте, Екатерина, – сказал я, оборачиваясь к жене. – Пора.

Я предложил ей руку. Она подчинилась мне с молчаливой чопорностью; вот как переменились наши отношения.

У входа нас ожидал Уолси в сверкающем парчовом облачении. Он внес свою лепту в устройство этой церемонии, и Людовику следовало бы наградить его как борца за процветание Франции. Екатерина сухо кивнула архиепископу. Между ними с некоторых пор тоже возникла натянутость.

Мария выглядела очаровательно. Она оживленным голосом произносила по-французски спешно выученные клятвы любви и верности. Никому бы и в голову не пришло, что невеста могла желать иной судьбы. После обмена кольцами и поцелуями состоялось подписание бумаг. Оставалось только консумировать брак по доверенности.

Эта идея озарила меня незадолго до венчания. Женитьбу по доверенности могли не признать из-за более раннего обручения. Но с консумацией договор обретал полную силу.

– Абсурдная мысль, – презрительно фыркнув, заявила Екатерина. – Благородным особам вполне достаточно должным образом засвидетельствованных словесных обетов.

– Надеюсь, вы не имеете в виду наших с вами отцов? Ведь мы дали словесные обещания, и церемония состоялась в присутствии свидетелей. Но разве это сочли достаточным? Не потому ли вам пришлось продавать вдове наследство, чтобы не помереть с голоду? Неужели, голубушка, вы еще продолжаете верить в благородство?

– В ваше благородство я верю, – отрезала она.

А вот Уолси по достоинству оценил гениальность моей задумки.

– Уникальность и новизна подобного обряда утверждают этот брак в глазах всего мира, – сказал он. – Такой вид консумации будет в своем роде даже более весомым, чем традиционный.

– Безусловно.

По моему распоряжению в зале заседаний поставили королевскую кровать. Занавесы балдахина не скрывали брачного ложа, и ради предстоящего действия были убраны все меховые и шерстяные покрывала.

Все гости собрались вокруг кровати, а Мария удалилась, чтобы переодеться в ночную рубашку. Екатерина с фрейлинами дождалась выхода Марии, облаченной в изумительное дезабилье, торжественно препроводили ее по ступеням к кровати, уложили новобрачную на атласные простыни и пригладили ее распущенные волосы.

Затем к ложу приблизился герцог де Лонгвиль. На нем были красные лосины и башмаки. Он церемонно снял и аккуратно поставил обувь внизу, затем в сопровождении Уолси и Брэндона поднялся по лестнице, забрался на кровать и, возлегши рядом с Марией, коснулся оголенной ступней ее обнаженной ноги. Он замер в таком положении под напряженными взглядами свидетелей, и после короткой паузы архиепископ Уорхем, мельком глянув на них, торжественно произнес:

– Брачный союз консумирован!

Окружающие разразились восторженными поздравлениями и осыпали Марию и де Лонгвиля цветами.

Герцог сел и начал подшучивать:

– Если бы мне было пятнадцать лет, нам потребовалось бы гораздо больше времени, но надо учитывать возраст его величества! Однако если бы постельные дела ограничивались данной церемонией, то мужья не спешили бы так по домам с поля боя!

Мария, смущенно покраснев (как и положено невинной и благопристойной невесте), поднялась с брачного ложа, дабы надеть третий наряд – пышное платье для пиршества и бала. Гости удалились в приемный зал, а мы с Уолси, Екатериной и де Лонгвилем остались дожидаться Марию.

– Отлично, дорогая, – сказал я, обращаясь к жене. – С вашей помощью нам явилась новая королева. И свадебный пир пройдет в присутствии владычиц Англии и Франции, – добавил я, надеясь умаслить Екатерину.

Она рассердилась на меня за то, что я намеренно отстранил испанского посла от участия в нынешних церемониях.

– На свадьбе могли бы присутствовать и три королевы, если бы вы пригласили вашу старшую сестру, – неуместно заметила она.

Екатерина решила держаться отчужденно. Кто бы спорил... Я повернулся к де Лонгвилю:

– Теперь вы свободны. Король Людовик заплатил выкуп, – с усмешкой произнес я, – хотя, должен признать, вы пережили плен в свойственной французам манере.

Мой заложник изрядно раздобрел, его содержание оплачивалось непосредственно из моей казны.

Он улыбнулся и ответил на мой невысказанный вопрос:

– Вы правы. Госпожа Попинкорт, кстати, собирается отплыть вместе со мной. Полагаю, ей понравятся мои апартаменты в Лувре.

Ну естественно, за краткое время пребывания у нас де Лонгвиль успел обзавестись очаровательной любовницей. Я решил, что самое время и мне свести близкое знакомство с какой-нибудь прелестницей.

Вскоре к нам присоединилась ослепительная Мария в великолепном платье из ярко-синего шелка.

– Вы сияете, подобно ангелам на полотнах итальянских мастеров, – отвесив низкий поклон, проворковал Уолси, – ваш прекрасный образ затмевает синеву и золото небес.

– Моя королева... – Де Лонгвиль склонился в почтительном реверансе.

Мария выглядела потрясенной. Превращение из принцессы рода Тюдоров в королеву Франции произошло слишком быстро и бесповоротно.

– Теперь два королевских дома связывают родственные узы, – сказала Екатерина и поцеловала Марию в щеку.

Впятером мы вошли в приемный зал, полный ожидающих нас гостей. Их платья и камзолы казались яркими цветными мазками на кремовом фоне каменной облицовки зала; в расставленной на столах золотой посуде отражалось и множилось пламя бесчисленных свечей.

После череды предписанных этикетом поздравлений и чествований я вывел Марию на первый танец, танец брата и сестры, короля и королевы. Я сознавал, что мы производим ошеломляющее впечатление благодаря молодости, расцвету физических и духовных сил. Да, мы явно отличались от простых смертных. Более того, в тот вечер я чувствовал себя неким высшим существом, начисто забыв про обычную жизнь со всеми ее ограничениями и уязвимостью.

Екатерина станцевала только первые бассдансы и павану – степенные и плавные, они обычно открывали бал, дабы все гости могли похвастать своими нарядами. Королева была уже на восьмом месяце, и беременность протекала спокойно. Я позаботился о том, чтобы троноподобное кресло Екатерины снабдили дополнительными бархатными подушками и приставили к нему скамеечку для ее отекающих ног.

Зато положение супруги позволило мне свободно танцевать с кем угодно, а здесь собралось много привлекательных особ. Среди придворных дам появились молодые и незамужние женщины, их было особенно много в числе фрейлин Екатерины. Да, настало время подыскать любовницу. Я слишком долго медлил, не пользуясь монархической привилегией. Хотя монархическая ли она? Я оглянулся на Брэндона – он с вакхической развязностью любезничал со своей партнершей. Это просто мужская привилегия. И ее не требуется подтверждать чинами и титулами.

Очаровательно выглядела юная прелестница Кейт из Кента, племянница Эдварда Бэйтона. Легкая, как туманная дымка, она напоминала яркую эфемерную бабочку. Неплохо смотрелась и черноволосая Марджери Говард, одна из родственниц герцога Норфолка. У нее были короткие пухлые пальцы и пышная грудь. Джоселин приходилась мне кузиной со стороны нашей бёрчерской родни из Эссекса. Она казалась слишком наивной и впечатлительной, кроме того, грех путаться с родственниками.

А вот рядом с лордом Маунтджоем стояла совершенная Персефона.

При виде ее сердце мое исполнилось трепетного благоговения. Клянусь, у меня сразу же мелькнула мысль о дочери Зевса – когда я прочел этот славный греческий миф, то именно такой представлял себе его героиню, розовощекую деву с золотисто-рыжими кудрями, в простой белой тунике. Собирая цветы и играя на речном берегу, она вела беспечную, блаженную жизнь... и в то же время бессознательно пробудила вождление в притаившемся боге подземного мира.

Я пригласил ее на танец. Танцевала она поистине как дитя, исполненное безотчетной радостной чувственности. Необузданное сладострастие... Да, я вождледел утех плоти, которые могла бы подарить любвеобильная наложница. И мне показалось, что она способна полностью отдаться нахлынувшей страсти. Я возжелал ее так отчаянно, что мое тело буквально задрожало. Сейчас, сейчас, я не мог ждать больше ни часа... однако надо было вести бал, менять партнеров, собеседников, выслушивать прощальные слова отбывающих гостей, созерцая постепенное угасание множества свечей...

– А вы, милая госпожа, хорошо танцуете, – проворковал я. – Возможно, вы согласитесь потанцевать со мной в иной обстановке?

Полный абсурд! Я не знал, как поступают в подобных случаях, что говорят. Вот Брэндон, известный сластолюбец, собаку съел в этом деле. Я же оставался несведущим юнцом.

Она лукаво взглянула на меня:

– В любой момент, когда вам будет угодно.

– Тогда нынче же ночью.

Достаточно ли определенно я выразился? Что, интересно, сказал бы Брэндон на моем месте?

– Я должна уехать вместе с дядюшкой, – нерешительно пролепетала красотка.

И внезапно я сообразил: она, так же как я, неопытна в искусстве и правилах флирта. Неужели она не понимает, что ее родич подчиняется мне?

– А кто ваш дядюшка?

– Уильям Блаунт, лорд Маунтджой.

Казначей Екатерины! Приятель Эразма и прочих светочей науки! М-да, более неподходящей особы не сыщешь. Но она была столь соблазнительной. Мог ли я отказаться от нее?

– Ах, Маунтджой! – Я взмахнул рукой с самым небрежным и величественным видом. – И как же вас зовут?

Но прежде чем она назвала свое имя, я вспомнил его и произнес про себя.

– Бесси Блаунт, ваша милость.

– Вы научились танцевать, – мягко заметил я. – А также полюбили придворную жизнь. Я рад, что вы не спрятали свою красоту в Линкольншире.

– Я тоже, ваша милость. Хотя до сих пор... сомневалась, вправе ли остаться...

Вот как все просто разрешилось. Вмиг стало ясно, что подразумевают вопросы и ответы, кивки и улыбки. Обещание счастливого будущего сладко манило нас.

О, неужели этот бал никогда не закончится?

Впрочем, я даже не представлял, где мы сможем остаться вдвоем. Бывалый распутник наверняка подготовил бы тайную келью для импровизированного свидания. У меня ничего такого не было. В королевских покоях не приходилось искать уединения. Чтобы попасть в мою опочивальню, потребовалось бы встревожить по крайней мере два десятка бдительных придворных. Одно дело, когда я возвращался к себе с законной супругой. А как избежать встречи с ненужными свидетелями сейчас? Этот вопрос стал источником моего крайнего замешательства.

В итоге наше случайное свидание состоялось за музыкальной галереей в тесном хранилище инструментов, где сами музыканты частенько устраивали репетиции. Там стояли скамейки и кушетка, горели свечи и факелы. Нас окружали виолы и трубы, барабаны и тамбурины. В их округлых и полированных боках отражались пляшущие языки пламени.

– Бесси, – сказал я, – мне...

Я хотел быть добрым, сердечным и убедительным. Но страсть переполняла меня, и она прорвалась наружу, едва я коснулся девичьей плоти. Покрывая поцелуями лицо Бесси, я погрузил пальцы в ее густые волосы и сорвал стягивающие их ленты, и тогда они свободными волнами рассыпались по плечам, прикрыв щеки и оставив на виду лишь полуоткрытые губы. Я жадно припал к ним. В приступе лихорадочного возбуждения я начал раздевать Бесси, встретив неожиданное препятствие в виде многочисленных завязок и застежек и стараясь ничего не порвать (вечерним туалетом Екатерины занимались фрейлины, и мне все это было в новинку). Ей пришлось помочь мне, чтобы сохранить в целости наряд.

Мы прилегли на освобожденную от инструментов кушетку, над нами пылал факел, и его янтарный свет позолотил ее тело и прелестное лицо.

– Бесси... Бесси...

Я пытался совладать со своими чувствами, по крайней мере немного сдержать их, но они взяли верх над рассудком. Притянув к себе девушку в древнем акте подчинения, я навалился на нее всем телом... О боже, она оказалась девственницей! Огненный взрыв прожег меня насквозь, вновь и вновь я прокладывал путь в заветные недра (смутно слыша ее возбужденные крики), пока их глубины полностью не открылись мне.

Постепенно, виток за витком, я мягко спускался с головокружительных высот, постигая глубочайшую земную тайну.

Крича и задыхаясь, Бесси расцарапала мне спину.

– Боже милостивый...

Приподнявшись, я привлек бедняжку к себе и нежно обнял. Она судорожно хватала ртом воздух, продолжая плакать и постанывать.

– Мне жаль, простите меня, простите...

Обезумевшее животное исчезло, оставив терзаемого угрызениями совести мужчину залечивать нанесенные страстью раны. Ненавидя сам себя, я принялся утешать Бесси. Наконец она перестала плакать и успокоилась. Я вновь начал извиняться. Она приложила к моим губам дрожащий пальчик и медленно произнесла:

– Все уже позади. И я рада этому.

Только тогда я по-настоящему осознал, насколько невежествен в общении с женщинами.

– Я вел себя как дикий зверь, причинил вам боль... нанес ущерб вашей чести, – повинным тоном произнес я, впервые задумавшись о том, что испытывает девушка, утратившая невинность.

– Если это так трудно с тем, кого жаждешь всем сердцем, то какую боль причинил бы мне человек, к которому я равнодушна...

– Но возможно, вы еще встретите... того, кто привлечет вас...

Она отрицательно покачала головой.

– Разве вы знаете женщин, умудрившихся выйти замуж по любви?

Мария. Мария и Людовик. Боже, может ли Зеркало Неаполя пробудить любовь к нежеланному супругу?

– Но теперь... как вы возляжете на брачное ложе?.. Я же ограбил вас.

– Я притворюсь...

– Но как?.. Ведь девственность уже не вернуть!

– Говорят... это легко, и многие мужчины согласны на обман.

Я весь покрылся испариной. Кушетка хранила следы поруганной девичьей чести, я готов был сквозь землю провалиться... и однако (самый страшный стыд!) после ее слов и рассуждений о брачной постели с другим мужчиной моя страсть разгорелась с новой силой.

В этот момент ее рука коснулась моей щеки.

– Нам пора уходить... Но нет... давайте помедлим, побудем вместе еще немного...

Неужели ей не хотелось сбежать? Она не презирала меня? Воистину, я ничего не понимаю в женщинах... да и, пожалуй, в собственной натуре.

Мы покинули музыкальное хранилище уже на рассвете, осторожно спустились по каменной лестнице и крадучись прошли по притихшему приемному залу, еще усыпанному цветами.

23

С той ночи я стал другим человеком: познав запретную страсть, днем и ночью я жаждал обладать обнаженным телом Бесси и с удивлением обнаружил, как много существует способов для удовлетворения плотских желаний. Стоило мне придумать нечто новое, и через пару часов мы уже занимались этим вовсю. Мое воображение рисовало самые неожиданные картины, а ум охотно делил и множил варианты их воплощения; так вожеление порождает вожеление, ввергая нас в бездну греха.

Не теряя времени, я занялся поиском подходящего местечка для свиданий, подальше от королевских покоев и бдительных взоров моих придворных. (Отец Бесси, сэр Джон Блаунт, исполнял обязанности моего камергера, он входил в ближний круг придворных, участвующих в церемониальных туалетах. Чувство приличия подсказывало: нельзя допустить, чтобы он увидел на моем теле следы страстных поцелуев и уловил женский запах родной дочери.) Мое амурное гнездышко находилось поблизости от апартаментов Уолси и состояло из маленькой столовой, гардеробной и спальни. Придворный замочный мастер, как немцы говорят – Schlosser, а попросту слесарь, приладил к наружной двери замок, сделав для него всего два ключа – для меня и для Бесси.

По долгу службы Бесси надлежало присутствовать в столовой Екатерины на дневной трапезе, состоящей из трех блюд, и развлекать ее величество музыкой и чтением до вечерней пятиминутной молитвы. В те дни фрейлины много занимались рукоделием, шили и вышивали одежду для ребенка, чье рождение неотвратимо приближалось. Екатерина отказалась от вещей, оставшихся от принца Генри; они вызвали скорбные воспоминания, и она убрала их с глаз долой...

Ежедневно я присоединялся к Екатерине на вечерней службе и, сидя или преклоняя колени рядом с ней, с гордостью поглядывал на ее округлившийся живот. Мне удавалось искренне молиться за нее, нежно пожимать руку, испытывая к ней теплые чувства... и одновременно воображать, как Бесси готовится к назначенному свиданию, подогревает вино, укладывает волосы в затейливую прическу, которую я так любил разрушать, натирает благовониями сгибы локтей, колен... Да, проклятье, я стал грешником и все-таки страстно желал преступных удовольствий. Когда я переходил из молельни Екатерины в любовное гнездышко к Бесси и слова молитв на моих устах сменялись возгласами страсти, меня переполняла бурная радость – я в жизни такой не испытывал!

У нас не хватало времени на преамбулы или вежливые приветствия. В непристойной спешке с одинаковым вожелением мы беззастенчиво бросались в объятия друг друга. После двух-трех свиданий из неуклюжих, застенчивых новичков мы превратились в бесстыдных сластолюбцев.

Стоит ли мне пересказывать сейчас, в чем заключались наши плотские утехы? Стоит ли терзать себя воспоминаниями о сказочных часах и минутах, коим не суждено повториться? Пряча сласти в наших интимных местах, мы извлекали их исключительно с помощью языка, не пользуясь пальцами... Мы видели наши силуэты в окнах и зеркалах и с удовольствием наблюдали, как отражается в них множество совокупляющихся Генрихов и Бесси... Мы устраивали маскарады: к примеру, я наряжался дикарем, а она – Дианой... Сливаясь в единое целое, мы переворачивали песочные часы и подсчитывали, сколько раз нам удавалось достичь кульминации вместе и по отдельности. Иногда я украшал обнаженное тело любовницы драгоценностями Екатерины, при этом, как ни странно, сильнее всего чувствуя свою вину за супружескую неверность...

После любовных игр мы порой подкрепляли силы легкими закусками, поданными полуслепым слугой, и расходились почти молча – для того, чтобы на следующий день или при первом удобном случае встретиться снова.

В тот вечер я собирался просмотреть послания, обсудить дела с Уолси и присоединиться к азартным играм моих приятелей и придворных, среди которых был и отец Бесси. Ни полнота, ни ограниченность моего бытия не являлись для меня тайной. Отдавал я себе отчет и в том, что веду двойную жизнь, хотя обе ее половины сливались воедино. Ненавидя и любя собственный грех, я одновременно желал и осуждал его. Мой проигрыш заметно вырос. Я не мог толком сосредоточиться на игре или обуздать склонность к поднятию ставок. Но разве могли меня тогда взволновать денежные потери?

Сестра отбыла во Францию со всем своим двором, роскошным приданым и эскортом. Среди ее пажей и фрейлин были и дети. На борту одного из четырнадцати величественных кораблей флотилии Марии находились два сына Сеймура, девяти и шести лет, и две дочери Томаса Болейна, десяти и семи лет.

Как-то поздним вечером в апартаментах Уолси я бегло просматривал список придворных Марии и впервые увидел это имя.

Nan de Boleine.

– Кто такая? – устало пробурчал я.

После изнуряющих забав с Бесси мне требовался отдых.

– Дочь Болейна, – пояснил Уолси.

– Какого черта они предпочли французское написание? Я даже не узнал фамилию.

– Его выбрал сам Болейн, – заметил Уолси. – Изначально его родовое имя произносилось как Буллен. Но Болейн показалось ему более благозвучным.

– Как Уолси или Вулси? – проворчал я. – Подобные изменения фамилий легкомысленны и необоснованны. Мне это не нравится. Значит, уехали обе дочери Болейна? И оба сына Сеймура? Скоро у нас не останется ни одного отпрыска хорошего рода, некому будет служить при дворе.

– Родителям хочется, чтобы их чада научились изящным манерам.

О боже, какие мучения! Долго ли еще французов будут считать законодателями всего и вся? Мой двор решительно должен посягнуть на их права.

– Немного же они почерпнут там, – презрительно бросил я.

– Им предстоит жить при дворе, что возглавляет Франциск Валуа, герцог Ангулемский. Пока он не стоит у власти, но... Если Мария не подарит Людовику наследника, то новым королем Франции станет именно Франциск. Он уже плетет интриги. Дети Болейна и Сеймура будут учиться именно у него, а не у Людовика.

– Дочь Людовика Клотильда стала женой Франциска, говорят, она такая же благочестивая, как Екатерина. – От усталости у меня начал заплетаться язык. – Едва ли при них двор сохранит изысканность.

– О, на мадам Клотильду никто не обращает внимания. Тон задает любовница Франциска.

Что? Наложница открыто распоряжается при дворе?

– Каков же на самом деле этот Франциск из дома Валуа?

– Похож на вас, ваше величество.

С недавнего времени Уолси называл меня исключительно так, пояснив, что «ваша милость» говорят герцогам или высшему духовенству, а к монарху должно быть особое обращение. Мне это понравилось.

– Он сложен атлетически, – продолжил Уолси, – хорошо образован, в общем... культурный человек. – Немного помедлив, он небрежно прибавил: – Говорят, что его радует порочная слава ненасытного распутника.

– Уже? А сколько же ему лет?

– Двадцать, ваше величество.

– И всех радуют его... ухаживания?

– Не всегда и не всех, ваше величество. Он чересчур навязчив, ни перед чем не останавливается, если наметил жертву. Когда мэр Марсея вручил ему ключи от города, Франциск воспылил чувствами к дочери мэра, а она, будучи честной девушкой и испытывая отвращение к взглядам и манерам герцога, решительно отказала ему. Он попытался овладеть ею силой. Но неприязнь бедняжки была столь велика, что она изуродовала себе лицо парами серной кислоты. И только ее безобразие погасило страсть Франциска!

– Трагическое спасение, – заметил я. – Ведь шрамы теперь останутся у нее навсегда.

Я помолился, чтобы Мария смогла выносить сына и избавила Францию от такого правителя.

Мое внимание привлек стоявший у камина стол Уолси, заваленный ворохом бумаг. Там скапливались все документы, касающиеся Хэмптон-корта.

– А как продвигается строительство вашего загородного увеселительного дворца? – поинтересовался я.

– Чудесно. Как раз недавно закончили прокладку сточных и водопроводных труб. Вода будет поступать из источников Кумбе-хилла, она появится на моих землях, преодолев расстояние в три с половиной мили под Темзой у Кингстона. Мне хотелось бы, чтобы вы заехали туда будущей весной, оценили успехи строителей. Можно переправиться через реку у Ричмонда и, пересев на лошадей в Теддингтоне, прогуляться по лесу.

– Нет смысла дважды пересекать Темзу. Разве дорога от Кингстона до Ричмонда не безопасна?

Лицо его приняло странное выражение.

– Я не заезжаю в Кингстон.

– Почему? Ведь это самый прямой путь.

Уолси поднялся и сделал вид, будто ему срочно необходимо пошевелить дрова в камине.

– Трудно сказать. Я знаю лишь, что Кингстон грозит мне бедами. Просто чувствую...

– Опасные заведения? Или люди? Что пугает вас?

Архиепископ отрицательно покачал головой. Я заметил, что у него растет второй подбородок. Да, молодость Уолси давно миновала. Он рано начал путь к власти, хотя сперва наделал ошибок.

– Не знаю. Просто мучает смутное опасение... У вас бывало такое?

– Нет. Ни вещи, ни места не вызывают у меня добрых или дурных предчувствий. Будущее скрыто от моих взоров.

– Вам везет, ваше величество.

Впервые я увидел на его лице выражение подлинного уныния.

Близилось время родов Екатерины. Весь двор готовился к долгожданному событию. Она со своими фрейлинами закончила шить младенческое приданое, а рожать решила в Ричмондском дворце. Я пригласил наилучших врачей и оплатил услуги арабского консультанта – ведь Северная Африка прославилась крупнейшими центрами медицины, а в одном из них как раз и учился прибывший к нам Аль-Ашкар. По некоторым сведениям, там штудировали манускрипты Галена и других античных врачей и приобщались к утраченным ныне знаниям. Меня, впрочем, интересовала не эзотерика, а основополагающий вопрос: как появляются на свет жизнеспособные сыновья?

В середине сентября, накануне Крестовоздвижения, у Екатерины начались схватки, и ее перенесли в родильные покои. Там были собраны всевозможные фармацевтические средства и хирургические инструменты, какие только использовались тогда в медицине. Королева лежала на пропитанном желтофиолью белье (ибо считалось, что настоей желтофиоли облегчает боль), держала за руки стоявших справа и слева от нее докторов – нашего Линакра и испанца де ла Са – и стойко переносила схватки, беспрестанно шевеля губами в беззвучных молитвах. Врачи предложили ей принять болеутоляющие снадобья, но она отказалась и продолжала молиться, не сводя глаз с висящего на противоположной стене распятия.

Я ожидал в соседней комнате вместе с Брэндоном. Как и Екатерина, я был молчалив и не менее усердно возносил мольбы Богу. Они начинались, разумеется, с традиционных слов: «О Владыка, Всемогущий Господь, молю Тебя, даруй мне сына для моего царства». Время тянулось медленно, и когда вышедший из родильных покоев Линакр отрицательно покачал головой, просьбы мои к Создателю сменились отчаянными безмолвными воплями. «О помоги мне, помоги, даруй нам ребенка, молю Тебя, пожалуйста, я сделаю все, что Тебе угодно, совершу любой подвиг, отправлюсь в Крестовый поход... Я посвящу этого ребенка, равно как и Самуила, Тебе, услышь, Господи, мои молитвы, пошли мне...»

– Свершилось! – воскликнул Линакр, широко распахнув дверь.

Я вскочил с колен.

– Сын, – добавил он. – Живой.

Врач пригласил меня проследовать за ним.

Екатерина лежала, откинувшись на подушки, словно труп на смертном одре. Она не шевелилась. Что с ней... Жива ли она?

Де ла Са массировал большой, растянутый живот роженицы. Из ее промежности изливались обильные струи темной крови и стекали в серебряную миску. Иногда появлялись и кровавые сгустки. Екатерина застонала и пошевелилась.

– Взгляните на сына, – услышал я голос Линакра.

Он отвлек меня от созерцания ужасного зрелища, кое являла моя измученная схватками и истекающая кровью жена. Мария де Салинас, леди Уиллоби, уже искупала младенца, смыв с него кровь и слизь.

Каким же он оказался крошечным! Будто котенок. И я сразу понял, что он слишком мал и не выживет.

– Мы подумали, что лучше всего немедленно окрестить его, – сообщил Линакр. – И уже послали за священником.

Я кивнул, осознавая, что означают его слова. Надо окрестить его быстро, пока он не умер. Без всяких церемоний. Подойдет любой священник.

На пороге появился молодой священник, спешно призванный из дворцовой церкви, где исполнял рутинные обязанности младшего клирика. На ходу оправляя сутану, он тащил сосуд со святой водой.

– Приступайте, – велел я ему.

Мария уже вытерла ребенка и завернула в покрывало.

– Его... рубашка... – слабо запротестовала Екатерина.

– Она имеет в виду крестильную рубашку, – пояснила Мария.

– У нас нет времени, – бросил я равнодушно.

Мое сердце оченело, как рука, прижатая к ледяному металлу.

– Рубашка...

– Она наготове, ваша милость, я принесу ее, – мягко успокоила Екатерину Мария.

Она просунула младенческую головку в красивый ритуальный наряд, но не стала расправлять его, как требовали правила таинства.

– Кто крестные родители? – спросил священник.

– Вы, Мария, и вы, Брэндон, – быстро сказал я.

Какая разница? Можно назначить кого угодно. У них не будет никаких обязанностей по отношению к выросшему ребенку.

– Имя?

– Уильям, – произнес я.

Славное английское имя.

– Я нарекаю тебя Уильямом во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Брызги святой воды окропили нежный лобик младенца.

Его быстро завернули в теплое одеяло, положили возле жаровни и дали теплого молока.

Чудо, если он выживет. Господи Иисусе, молю Тебя о чуде.

Принц Уильям умер, прожив семь часов. Когда у Екатерины появилось молоко, он уже два дня лежал в могиле, одетый, точно в саван, в крестильную рубашку.

Уилл:

К зиме и до нас дошли печальные новости: король потерял очередного сына. Впервые люди встревожились и начали молиться. Прошло пять лет со времени женитьбы короля, а он все еще оставался бездетным.

Генрих VIII:

Я пришел к Екатерине, и мы утешили друг друга. Я старался подавить в своей душе злоешие сомнения и именно тогда решил, что впредь никогда не буду огорчать и расстраивать жену глупыми ссорами. Я глубоко сожалел, что наговорил ей много жестоких слов. И зачем я только упомянул об этом проклятом разводе?

Екатерина вновь забеременела. В Англии мы ждали веселого Рождества, и я надеялся, что таким же оно будет для французской королевской четы – Марии и Людовика.

24

Последние несколько месяцев я прожил в горести, но у меня оставались надежды на лучшее. Однако с ними пришлось покончить в первый же день нового, 1515 года, когда меня вновь призвали государственные дела. Умер король Людовик. Все тщательно составленные планы развеялись вместе с его последним вздохом. Францией теперь будет править Франциск I. Его супруга Клотильда получила титул действующей королевы, а моей сестре отныне суждена роль королевы вдовствующей, столь же бесполезная, как выращивание свиней в земле турков.

Согласно французским обычаям Марию немедленно перевезли из Парижа в аббатство Клюни. Там она облачилась в белые одежды королевского траура, и монахиням поручили охранять ее до менструальных истечений, дабы Франциск убедился, что она не вынашивает во чреве наследника, способного оспорить его права на престол. Марию ждала участь *La Reine Blanche* – Белой королевы.

– Они держат ее в заточении, – проворчал я, обращаясь к Уолси. – Надо срочно забрать ее из Франции... вместе с приданным и свадебными подарками Людовика. Не доверяю я этим французам.

– Они не отпустят ее, пока не убедятся, что у нее не будет ребенка. Франциск боится претендентов на трон.

– Все это ужасно досадно! И почему она сама ничего не может сообщить о себе? Мы получаем сведения о ней только от французского посла.

– Я согласен... К королеве Марии следует отправить английское посольство.

Я мерил шагами комнату, осторожно ступая по шелковому ковру, подаренному мне Уолси на Рождество. По его настоянию это драгоценное изделие теперь лежало на полу моего кабинета. И ощущение собственного богатства и власти возникало у меня всякий раз, когда я прохаживался по изысканному шелку.

– Вот вы и поедете. Как мой представитель. Под предлогом грядущей коронации Франциска. Хотя, в сущности, нам надо лишь вывезти Марию и драгоценности.

– Мое прибытие может серьезно насторожить Франциска. Лучше послать Суффолка. Всем известно, что он друг вдовствующей королевы и близкий соратник вашего величества, а кроме того, прошу прощения... герцог не способен на политические интриги.

Уолси тактично напомнил о том, что Чарлз Брэндон не отличается умом, знаниями и особой сообразительностью.

– Тонкое замечание, – признал я. – Однако он отважен и предан мне. Вполне можно рассчитывать, что он справится с заданием.

– Если ему не напрягать голову, ваше величество, а просто проявить бесстрашие и решительность.

Брэндон отправился в Дувр, готовый сесть на корабль и пересечь унылый зимний пролив, и тут в Англию прибыл посольный с письмом, тайно вынесенным из аббатства. Прикидываясь утешителем, Франциск ежедневно навещался к Марии, неизменно оскорбляя и тревожа ее чувства, поскольку флиртовал и приставал к ней с гнусными предложениями. Он приказал монахиням оставить их наедине, запер двери и после неудачного соблазнения попытался вынудить ее отдаться.

Меня затрясло от ярости при мысли о том, что этот развратник посмел посягнуть на мою сестру – жену его отца! Таких омерзительных извращенцев, как он, величавший себя первым дворянином Франции, издревле ждало проклятие небес! Дай боже, чтобы Мария родила наследника престола, тогда Франция избавится от порочного царствования этого чудовища! Пусть Брэндон станет защитником сестры и освободит ее из заточения.

– Молите Господа, Екатерина, – сказал я, прочитав жене о положении Марии. – Я знаю, что Он слышит ваши молитвы.

– Не всегда, – грустно возразила она. – Но тем не менее я буду неустанно просить за нее.

Господь услышал королеву, однако свобода, которую получила сестра, стала гибельной для моих надежд. С молчаливого согласия Франциска Брэндон женился на Марии, тем самым вызволив ее из тюрьмы.

– Изменник! – вскричал я, пробежав глазами его письмо. – Вероломный предатель!

В десятый раз я перечитывал его оправдания:

Милорд, так получилось, что, прибыв в Париж, я услышал множество историй, кои повергли в великий страх даже меня, а главное, королеву, и она не успокоилась, пока я не дал согласие жениться. В общем, говоря ясно и понятно, я, имея искренние чувства, обвенчался с ней, и наше воссоединение прошло столь бурно, что у меня уже возникли опасения, не ожидает ли она ребенка.

Эти строки врезались мне в память. Больше не имело смысла хранить сей подлый документ. Я швырнул его в огонь, где он быстро съежился, почернел и рассыпался в прах.

– Он украл у меня сестру!

– А по-моему, он поступил... великодушно, – робко возразила Екатерина.

Она редко противоречила, когда меня одолевали приступы ярости.

– В Испании подобные поступки могут сойти за благородство. В Англии они рассматриваются как опасное безрассудство и авантюризм.

– Брэндон спас королеву, которая находилась в бедственном положении, ведь ее честь подвергалась опасности.

– Он украл у меня ценное достояние! Теперь Мария не сможет заключить новый выгодный брак! Кого еще мне использовать как приманку для политических сделок? К тому же мы бездетны и...

– Разве вы не рады за них? Не способны порадоваться их счастью? О, вспомните, как один юноша писал:

Но Богом нам любовь ниспосылается,
И в ней мечты любые претворяются;
Ведь двух сердец союз не разорвать,
Так стоит ли нам от судьбы бежать?

– Тот юноша умер.

Когда же это произошло? Когда я осваивал премудрости королевского бытия?

– Но он спас меня. Несчастную принцессу, прозябавшую в чужой стране.

Ну, опять Екатерина завела старую песню. Ее взгляд стал мечтательным и рассеянным. Какая скука.

– Что ж, вы сделали королевой, но с тех пор минуло много лет.

Пребывая в раздраженном состоянии, я подыскивал пути для отступления.

– Надо приказать Уолси придумать для них наказание. Назначить им своеобразный штраф. Да, так и будет, – заключил я уже на ходу, поспешно покидая жену.

И Уолси нашел выход. Он предложил потребовать от Брэндона возмещения потерь, поскольку Мария лишилась пожизненного вдовьего пенсионера, выплачиваемого Францией. В общей сложности – около двадцати пяти тысяч фунтов. Если герцог Суффолк согласится на выплату этой суммы, то они смогут вернуться в Англию и я признаю их.

Уилл:

Таким образом, Брэндон, в сущности, всего лишь утратил какое то ни было влияние при дворе. Из-за огромного штрафа герцог не мог больше позволить себе роскошь придворной жизни; им с Марией пришлось удалиться в Уэсторпский манор Суффолка, где жизнь обходилась значительно дешевле. Подальше от глаз Генриха: с глаз долой, из сердца вон... По крайней мере, на это надеялся Уолси.

Генрих VIII:

Между тем я продолжал развлекаться с Бесси. Фраза Брэндона «... и наше воссоединение прошло столь бурно, что у меня уже возникли опасения, не ожидает ли она ребенка», как чья-то издевка, назойливо крутилась в моей голове. Он отлично понимал женщин и, обладая недоступным мне тайным знанием, умел ухаживать за ними, соблазнять и побеждать их. Его мужественной красоты оказалось достаточно, чтобы завоевать сердце принцессы крови. Неужели я недостаточно красив? Сомнения мучили меня до безумия. Меня терзала неуверенность в собственном обаянии. Ведь оба мы обладаем известной статью, у нас одинаковые органы... И я, и Брэндон принадлежим к мужскому полу, и нам, благородным кавалерам, доступно многое (сластолюбец из простолюдинов может позволить себе гораздо меньше)... С Бесси я стремился ко всем мыслимым удовольствиям плоти, словно жаждал до конца постичь то финальное ускользящее ощущение, считавшееся венцом чувственности. Но, несмотря на старания, я не обрел опыта, способного придать мне неоспоримое превосходство.

После свиданий я возвращался в зал, где собирались мои ближайшие придворные и друзья. Все знали, что королевская приемная является местом для отдыха, там играли в кости, музицировали, обсуждали последние сплетни и новинки моды. Там я наслаждался мужским обществом. Я был в кругу равных, и это радовало меня. По моему приказу в камин подкидывали дрова, меняли светильники и приносили вина покрепче, и тогда мы парились от жары, дуясь в примеро⁴⁰. Трещали поленья, радовали глаз рыжие языки пламени, а благодаря приятным последствиям греховных удовольствий я ощущал себя полноценным мужчиной, таким же как и прочие.

Пресытившись, я удалялся к себе и просил отца Бесси, моего камергера, помочь мне раздеться. От прикосновения его услужливых рук я чувствовал себя развратным завоевателем. И млел от непристойностей своих побед.

По ночам я спал без сновидений.

В середине весны Екатерина опять родила недоношенного мертвого сына. По оценке Аль-Ашкара, плод пробыл в утробе лишь пять с половиной месяцев; Линакр говорил о шести с половиной. Какая разница? Все равно этих сроков не хватало для рождения жизнеспособного наследника.

Как только мы получили разрешение врачей, я возобновил близкие отношения с женой. Теперь это был всего лишь супружеский долг. Или политическая необходимость – такая же, как подписание государственных документов в кабинете. Флюиды истекали быстро, словно чернила, когда я ставил подпись: «Henricus Rex». Я безучастно отмечал это. Моя царственность легко оставляла след. И на пергаменте, и в лоне королевы.

Страсть, почти в той же степени лишенную душевности, я удовлетворял с Бесси.

Мария вернулась в Англию, и в Дувре ее ждала церемонная встреча. Я намеренно решил не появляться там, чтобы у подданных не создалось ложное впечатление, будто я одобряю брак

⁴⁰ *Примеро* – испанская карточная игра, предшественница покера.

сестры. Теперь ее главным защитником стал Брэндон, герцог Суффолк (мною же сотворенный). Вот пусть и заботится о ее нуждах.

Переговоры между нами велись при посредничестве Уолси. Брэндона не допускали ко мне без его разрешения, впрочем, как и Марию. Но мне хотелось увидаться с любимой сестрой, поэтому я устроил нашу встречу в Лондоне на королевском баркасе. Мы с Марией вполне могли покататься по Темзе и побеседовать напоследок, прежде чем я навсегда отдам ее Брэндону.

Спускавшаяся к пристани женщина казалась выше и красивее той, которую я помнил. Присобранный в складки у ворота ярко-синий бархатный плащ струился по ее плечам, и его полами играл ветер. Она напоминала Деву Марию (хотя уже лишилась девственности). Изменилась даже ее походка.

Лодочник приветствовал ее словами: «Ваше величество».

Я громко, чтобы слуги слышали, сказал:

– Мои подданные должны знать, что она уже не королева. Она стала герцогиней.

– Я остаюсь принцессой, несмотря на титул моего супруга, – заявила Мария, пытаясь улыбкой смягчить резкость своих слов.

– Не лучше ли нам взойти на борт?

Предложив сестре руку, я повел ее в каюту, где все уже приготовили для нашей встречи наедине, – главное, там не было чужих ушей.

Мы устроились на шелковых подушках, глядя друг на друга, как двое незнакомцев.

– Итак, вы последовали зову сердца, – наконец сказал я, не придумав ничего лучшего, – как и грозились сделать.

– Я же люблю его! – воскликнула она. – Люблю, люблю, я полюбила его еще ребенком!

Весла за окном с шумным плеском погружались в воду и выныривали, рассыпая брызги.

– Неужели вы не понимаете, каков он по натуре? Бабник и волокита, а таким известны все трюки, все ухищрения, позволяющие с легкостью завоевывать наивных дам.

– Неужели?.. – спросила она, и в голосе ее прозвучало необычайное торжество. – И что же он завоевал, женившись на мне? Вашу опалу и ссылку?

– Он получил лучшую драгоценность Англии.

– И вашу козырную карту. Так кто же расчетлив, братец?

Я попал в положение обвиняемого. Да, я был хуже Брэндона. Он встретил Марию и полюбил ее, рискуя вызвать мой гнев и отправиться в изгнание. А я видел только потерю выигрыша. Когда же со мной произошли столь разительные перемены? Я возненавидел себя, возненавидел того, в кого превратился, – противное, приземленное существо, проводящее опыты на себе самом, словно на другом человеке.

Но я стал реалистом. А коронованные идеалисты обманывают свой народ. Такова правда.

За кормой расходились дуги кружевной пены; баркас стремительно рассекал воды Темзы. На портовом берегу, на Йорк-плейс, кипела жизнь. Над пристанью резиденции Уолси трепетали на ветру яркие флаги, словно приглашая пришвартоваться.

– Вы ждете ребенка?

– Да, – промолвила сестра уже другим тоном. – Должно быть, это случилось в первую же ночь. Когда он пришел ко мне в ту келью в Клуни, где меня держали в заточении.

Не надо подробностей, я не желаю ни слушать, ни представлять их, хотя не в силах воспрепятствовать этому... Господи Иисусе, избавь меня от душевных терзаний... Для меня мучительно то, что находится за гранью моего воображения, то, чего я жажду больше всего на свете. Мне нельзя открывать эту дверь.

– Я желаю вам счастья, – сказал я и взял Марию за руки. – Желаю счастья хотя бы одной из рода Тюдоров. Поскольку, как я понимаю, вы единственная, кто сумел вылететь из золотой клетки. Ведь по большому счету у нас несчастливая семья.

Мать. Артур. Маргарита. И теперь к ним добавился я сам, бездетный король Англии, Генрих VIII.

– Невозможно быть счастливой всю жизнь. В ней есть лишь особые вехи. Сейчас такой миг выпал мне. Он пройдет.

Значит, я мог больше не завидовать ей.

– А ваш черед еще настанет, – добавила она.

Мария была добра и любила меня, но не понимала.

– Да, конечно, – кивнул я.

– И пройдет так же, как мой.

– Да забудьте вы о мимолетности! – раздраженно воскликнул я. – Если вы размышляете о преходящем, то убиваете живое бытие! Прекратите, я приказываю вам.

– Приказ короля? – рассмеявшись, спросила сестра.

– Да.

– Вы не можете повелевать всем, есть вещи неуправляемые, не подвластные никому, – заметила она. – Как же вы этого не понимаете?

Мы уже поравнялись с Блэкфрайерсом, огромным, беспорядочно разросшимся монастырем доминиканцев. Впереди маячил Лондонский мост с его девятнадцатью опорами, вскоре мы пройдем под ним. Там вихрились пенные волны.

– Нет, понимаю. Но стараюсь управлять и руководить всем. Это мой долг.

– Бедный Генрих, – усмехнулась Мария.

И тут внезапно баркас тряхнуло со страшной силой, бурлящая между мостовыми опорами вода хлынула за борт, своевольно крутя и разворачивая наше легкое судно. Несмотря на плотно пригнанную дверь, ручейки просочились внутрь каюты и потекли по укрытым ковром ступенькам.

Потом, почти мгновенно, возобновилось плавное движение. Сверхъестественно злоеющая прихоть стихии! Мы оказались за мостом, в той части Темзы, где она превращается в оживленную улицу. Многочисленные баржи и лодки бороздили рыжеватые воды реки, вдоль северного берега тянулись таверны, доки и верфи. Вдали мрачно упирался в небо белый четырехугольник Тауэра.

Гринвичский дворец раскинулся на южном берегу, над ним кружили чайки. Эта подступающая к воде громада напоминала о чужеземных краях и морских приливах и казалась далекой от столицы.

Мы почти прибыли. Я уже видел лестницу причала и лодочника, готового встретить нас и привязать наш баркас.

– А этот Франциск, Мария... – неожиданно спросил я, – каков он из себя?

– Длинноносый дьявол, – сказала она, – с вечной ухмылкой. Французы называют его «Le Roi Grand Nez»⁴¹.

– А высок ли он? Такой же, как я?

– Да. Вы с ним примерно одного роста.

Невероятно. Я ведь считался необычайно высоким.

– А не странно ли он... У него длинные ноги?

Мне хотелось узнать, как Франциск сложен, каково его тело: мускулистое и крепкое, слабое и вялое или же пухлое и жирное? Хорош ли он собой?

– Мне не представился случай оценить их, – ответила она.

– Но вы, конечно, могли заметить...

– Модные и элегантные наряды ловко скрывают физические недостатки, – сказала Мария. – Таково предназначение одежды.

⁴¹ Король Большой Нос (*фр.*).

На палубу уже бросили канаты. Времени для откровенного обсуждения не оставалось.

– Что он собой представляет как мужчина?! – вскричал я.

Сестра озадаченно глянула на меня.

Баркас слегка ударился о сваи пристани. Мы причалили.

– Все мужчины одинаковы, – пожав плечами, бросила она, – более или менее.

25

Сразу после отъезда герцога и герцогини Суффолк Уолси получил кардинальский титул. Пожалованная ему Львом X шапка прибыла в Дувр в роскошной упаковке вместе с освященной золотой розой – дар королю за преданность католической вере. Уолси позаботился, чтобы драгоценный головной убор с надлежащей почтительностью доставили в Лондон и торжественно вручили настоятелю Вестминстерского аббатства. Затем шапку перенесли в главный алтарь собора Святого Павла, где прошел ритуал возложения, весьма театральный и помпезный. Новая алая сутана Уолси сияла на фоне древних серых камней. В ознаменование торжественного момента хор певчих вознес хвалу Всевышнему.

– Видите, какую змею вы пригрили на груди, – проворчала стоявшая рядом со мной Екатерина и чопорно поджала губы. – Он блеснит, как змей-искуситель в райском саду.

Яркая метафора. Атласная мантия Уолси действительно переливалась в мерцании свечей. Но излишняя тучность лишала его сходства со змеем. Я сказал об этом супруге, зная, что церковное пение заглушит мой тихий голос.

– Тогда как демон, – не сдавалась Екатерина. – Сатана тоже гладкий да откормленный, а некоторые из его подручных прозорливы, как их двойники на земле.

– Ах, Екатерина.

Она относилась к Уолси с безрассудной ненавистью, обвиняя его во всех происходящих со мной переменах, а на самом деле он просто потворствовал их развитию; ведь зарождались они во мне самом.

– Интересно, скоро ли вы назначите его лорд-канцлером? Может, преподнесете ему эту должность в качестве рождественского подарка?

Будь проклята ее проницательность! Я действительно собирался для приличия выждать пару месяцев и устроить в декабре церемонию канцлерского назначения. Архиепископ Уорхем постарел, ему пора на покой. Кроме того, никто больше не слушал его советов в политических делах и не считался с его мнением, поэтому оставлять его на прежнем посту было бессмысленно.

– При чем тут подарок? Он заслужил это.

Екатерина промолчала, но одарила меня испепеляюще презрительным взглядом. Я не посмел спорить. Мне хотелось сдержать данное себе обещание никогда не ссориться с ней, не обижать и не огорчать ее больше. Очередная беременность должна пройти совершенно спокойно, даже если это означало потворство выходкам и капризам желчной, взбалмошной и обидчивой женщины. Сосуда, в коем росла новая жизнь.

К февралю 1516 года у нас с новым лорд-канцлером накопилось много тем для обсуждения. Давно остались позади чудесные рождественские праздники. Архиепископ Уорхем, любезно сдав государственный пост, удалился в Кентербери, дабы сосредоточиться на исполнении своих духовных обязанностей, а Уолси принял мантию самого могущественного в нашем королевстве должностного лица, вдобавок к высочайшему сану единственного в Англии кардинала.

Сожалел ли он когда-нибудь, что потерял Джоан Ларк и своих сыновей? Или счел это вполне приемлемой жертвой? Прошло всего три года с того дня, когда я приехал в гостиницу «Веселое утро» и Уолси принял такое решение. Как и подобает тактичному человеку, он никогда не упоминал о том эпизоде. Он жил сегодняшним днем. Валлийская мечтательность была чужда его натуре. Отчасти по этой причине я завидовал ему.

– Король Франциск показал себя, – лаконично сообщил он промозглым зимним утром, когда мы разбирали бумаги за огромным письменным столом итальянской работы.

Я понял, что он имеет в виду. Он намекал на то, что королева Клотильда ждет ребенка. Франциск с пугающей силой проявил не только свою плодовитость, но и воинственность. Через считанные месяцы после вступления на престол он собрал войска и выступил в поход на Мариньяно, где одержал ошеломляющую победу в сражении с папскими войсками. Французский выскочка решил отхватить Северную Италию и уже многого достиг на пути к своей цели.

– Возможно, младенец не выживет, – с надеждой предположил я.

У меня не было детей, и это терзало мою душу.

– Создается впечатление, что замыслы Франциска жизнеспособны, они сразу пускают корни и пышно разрастаются. В самом деле, похоже, ему сопутствует необычайная удача.

Уолси сей факт раздражал. Можно предугадать разнообразные хитрые маневры, но не везение.

– Все только и говорят о его проклятом дворе! О его манерах, его *ballet de cour*, о *châteaux*⁴², которые он намерен строить.

– К нему просто еще не привыкли, ваше величество. Пока что Франциск – самый новый король в Европе. Это преходяще.

Уолси изящно втянул воздух, приложив нос к серебряному футлярчику с ароматическим шариком. Эту безделушку он с недавних пор стал таскать с собой.

– Ну, его уже опередили!

В подтверждение своих слов я достал письмо, полученное нынче утром, и передал его Уолси. Он цепким взглядом впился в строчки.

– Фердинанд умер. – Он машинально перекрестился. – И теперь Испанией правит Карл Бургундский!

– Да. Самым новым и самым молоденьким королем Европы стал шестнадцатилетний Габсбург.

– И сие обстоятельство говорит о том, что вы в сравнении с обоими мальцами – хитрый старый лис, – улыбнулся Уолси. – Славно, что мы избавились от Фердинанда. Он был бесполезен для нас и, более того, для всех. Ну а Карл юн, неопытен... Какие возможности открываются перед нами!

– Для маневров?

– Мы хорошо понимаем друг друга.

– Именно поэтому вам пожалованы столь важные должности.

Пришлось напомнить Уолси, что именно я возвысил его, а не сам он достиг почетного положения. Без меня он прозябал бы в ничтожестве.

– Не всеми юношами можно манипулировать, – продолжил я. – Возраст не является обязательным мерилем наивности.

– Насколько я понимаю, этот Габсбург не от мира сего, странный чудак.

– Правда в том, что для нас он темная лошадка. Таков и я был поначалу, когда только что взошел на трон.

– Мы позаботимся о том, чтобы выяснить, какова его натура, соберем информацию. У меня есть связи при бургундском дворе, глаза и уши, которые заслуживают доверия... если им достаточно заплатить.

Я невольно усмехаюсь, оглядываясь назад и припоминая примитивные шпионские методы Уолси; с тех пор они стали гораздо более изощренными. Но тогда гений Кромвеля еще не озадачился развитием этого искусства.

– Кроме того, королева может связаться с племянником, – продолжил кардинал, – и по его ответу мы пойдем...

– Нет! – вскричал я. – Ни в коем случае Екатерине нельзя сообщать о смерти ее отца!

⁴² Придворных балов с участием короля; дворцах (*фр.*).

– Но это же факт, завтра он будет известен всем и каждому.

Завтра я запру ее в родильных покоях, лишу общества придворных, как и предписывает обычай. Роды вот-вот должны начаться. Я не желаю, не позволю расстраивать ее в такое время! Я не намерен терять этого ребенка из-за Фердинанда – и без того уже по его вине мной были утрачены преданность и привязанность жены. Позволим ему тихо гнить в земле и сохраним наследника.

Уолси поднялся со стула в своей переливчатой струящейся мантии. Алый атлас выглядел на редкость великолепно.

– Ваше величество, сколько раз уже королева... – Он смущенно умолк, не решаясь задать деликатный вопрос.

– Да, да, это ее шестая беременность, – повысив голос, заявил я. – Но она близится к концу и на сей раз проходит хорошо и спокойно. Не задавайте мне хитроумных политических вопросов, а молитесь за меня, Уолси, ведь вы кардинал!

Я не удивился бы, если бы он забыл, как нужно молиться. Да и обращался ли Уолси к небу хоть раз в жизни? Или он не имел призвания к духовному служению и просто потакал своим амбициям, не гнушаясь никакими средствами? Я смахнул деловые документы с гладкой столешницы, инкрустированной мозаикой.

– Помолитесь за меня, за моего будущего ребенка! Это ваша единственная миссия на данный момент.

Екатерину перевели в родильные покои 18 февраля 1516 года, и после непродолжительных схваток она родила здоровую дочь.

Переполюнявленный счастьем, я обнял обеих и сказал:

– Мы назовем ее Марией.

И мысленно добавил: «В честь моей сестры. Пусть она будет так же привлекательна и любима, как моя сестра Мария Тюдор-Брэндон».

– Как Богоматерь, – прошептала Екатерина.

Весь двор ждал этой новости в приемной. Я распахнул створки больших дверей и встал на пороге, широко расставив ноги.

– У нас появилась прекрасная принцесса! – объявил я. – И поскольку на сей раз родилась здоровая девочка... то, пожалуй, по Божьей милости, за ней последуют такие же мальчики!

Эхо восторженных криков отразилось от позолоченного потолка.

Венецианский посол Юстиниан приблизился ко мне шаркающей походкой, всем своим видом изображая печаль.

– Мне крайне жаль, ваша милость, что после ваших предыдущих потерь на свет появилась девочка. – И он, потупив взор, прошелестел у меня над ухом: – Возможно, Господу неуютно, чтобы у вас рождались наследники мужского пола.

Болван!

– Неужели я не такой, как другие мужчины? – воскликнул я.

Юстиниан, похоже, предпочел не услышать меня.

– Неужели я не такой, как другие?.. – громко повторил я, обращаясь уже ко всем придворным.

Мне не удалось совладать с собой.

Уилл:

Да, этот вопрос не давал Генриху покоя: «Неужели я не такой, как другие мужчины...» Через много лет Джордж Болейн обрек себя на смерть, огласив на суде заявление о том, что они с сестрой Анной смеялись над недостатком мужской силы Генриха.

«В нем нет ни крепости, ни живости» – такими, по-моему, были его слова.

Конечно, суд происходил спустя два десятка лет после яростной вспышки Генриха в ответ на слова Юстиниана, но, полагаю, в этом отношении королю вечно не хватало уверенности в себе.

И что ж тут удивительного? Первая жена в конечном счете предпочла молитвы и исповедника. Вторая высмеивала его мужественность и изменяла ему с придворными. Третья утешила его, но быстро умерла. Четвертая оказалась на редкость безобразной... но тем не менее ему пришлось пойти на унижение, чтобы добиться аннулирования брака, не завершеного консумацией. Пятая предавалась пороку с размахом, выставив короля на публичное осмеяние. Ко времени шестого брака болезни изрядно подточили его тело, и ему уже требовалась не жена, а сиделка. Поговаривали, что последняя невеста Гарри ответила на его предложение следующими словами: «Сир, лучше бы мне стать вашей любовницей, чем супругой!»

Представьте же себе нашего монаршего многоженца: он встает ранним утром, исполняет королевские обязанности, но кем он становится к позднему вечеру? Неужели ему отказано в обычных мужских качествах? Отчего же он «не такой, как другие мужчины»?

Безусловно, в юности Генрих обладал крепким здоровьем. Бесси Блаунт и Мария Болейн (прошу прощения, дорогая Кэтрин) подтвердили бы это. Но, увы, мы не можем спросить этих милых дам... Нет ныне ни одного живого свидетеля, который указал бы на наличие мужской силы Гарри... или ее недостаток.

Несомненно, однако, что данный вопрос вызывал большое смятение. Любопытный факт: Генрих имел больше жен, чем любовниц.

Я упоминаю об этом только потому, что короля постоянно подозревали в распутстве. Мысль о шести женах возбуждает воображение посредственного обывателя. Он видит в браке лишь любовные игры, а не неизбежно тягостные последствия: скуку, ссоры, разочарование, правовые осложнения. Именно поэтому большинство монархов предпочитают обходиться любовницами, ведь расставание с ними безусловно легче и гораздо менее обременительно. Но совесть не позволяла Гарри часто заводить подобные связи и использовать *droit de seigneur*⁴³, за исключением крайних случаев.

⁴³ Право господина (*фр.*).

26

Генрих VIII:

Мы с Екатериной вместе радовались нашему ребенку. Теперь нас снова объединяли общие интересы – любовь к музыке, к наукам. Мы вернулись к спокойным дружеским отношениям. Маленькая принцесса Мария росла необычайно быстро и с младенчества воспринимала окружающий мир с восторгом. Меня и Екатерину увлекали обычные родительские заботы: поиск хорошей наставницы, выбор подходящих музыкальных инструментов; мы восхищались первыми успехами дочери, ее счастливый смех вызывал у нас улыбки. Она была способной и милой девочкой и никогда не плакала. Наши дни текли мирно и размеренно.

В следующем году королева вновь забеременела, но дело кончилось ранним выкидышем, хотя в то лето из осторожности мы не отправились в путешествие по Англии.

У нас с Уолси накопилось более чем достаточно политических сложностей из-за наступательных маневров заносчивого и задиристого Франциска на европейской сцене и тихого перехода власти к юному Карлу, который пока оставался темной лошадкой. Новоиспеченного правителя тщательно оберегал и обучал его дед Максимилиан. На другом берегу Средиземноморья с размахом заявил о себе надменный Сулейман, новый султан Турции, начавший свое правление с того, что с ужасающей легкостью завоевал все близлежащие территории. В папских владениях, оказавшихся в центре честолюбивых замыслов Франциска и Сулеймана, с нарастающей нервозностью и страхом распоряжался Лев X.

Именно Уолси (отдаю должное его умению управлять государством, ибо именно на этом поприще обнаружилось его величие) предложил, чтобы Англия поддержала договор о всеобщем мире, дабы объединившиеся против неверных братья-христиане защитили Европу от захватнических действий турок.

Это соглашение, разумеется, следовало подписать в Лондоне под моим покровительством и под присмотром Уолси, исполняющего роль папского легата.

Папа Лев с горячим интересом воспринял наше предложение, а французов я залучил к себе, используя в качестве приманки Турне. Мы могли не только заключить европейский мирный договор, но и затеять мощный Крестовый поход против османов.

Все страны замерли в ожидании. Обширное представительство легатов, послов, лордов и прелатов из Англии, Франции, Священной Римской империи, Папской области, Испании, Дании, Шотландии, Венгрии, итальянских государств, Швейцарской конфедерации и ганзейских городов собрались в Лондоне. Перед нашим главным престолом Уолси провел кардинальскую службу и возвестил о подписании мирного договора между христианами. Кардинала Уолси, лорд-канцлера Англии и папского посла, признали «Творцом всеобщего мира». Лицо его сияло неопишемым торжеством.

Оставалось еще несколько частных дел между Англией и Францией, которые требовали решения. Одно из них касалось Турне. Мои планы удержать город в английских владениях не имели успеха. Во-первых, его содержание обходилось нам очень дорого, и к тому же попытки исправить французские пороки его жителей обернулись полным провалом. Я согласился уступить Турне Франции за шестьсот тысяч крон – на его завоевание и содержание там нашего гарнизона было потрачено больше, но мелочная скупость при наличии многообещающих планов всегда казалась мне неразумной.

Требовали рассмотрения и мои личные отношения с Франциском. По-моему, французский король и я в равной степени горели желанием увидеться друг с другом. Мы решили удо-

влетворить наше взаимное любопытство и договорились о встрече в присутствии наших придворных будущим летом в Золотой долине близ Кале.

Когда последние дипломатические представители погрузились на корабли, которые устремились через Английский канал, раскачиваемые крепкими осенними ветрами, я столкнулся с дилеммой весьма деликатного свойства.

Бесси ждала ребенка.

Она сообщила мне об этом сразу после окончания межгосударственных переговоров. Я не виделся с ней на протяжении торжеств, посвященных заключению Лондонского мира. По правилам приличия и дипломатического этикета со мной постоянно находилась Екатерина. Мне не приходилось, однако, исполнять супружеский долг, поскольку она снова была беременна.

Я предвкушал новые наслаждения с Бесси и ее несравненные страстные ласки. Мысли о любовнице вдруг посетили меня во время долгого и скучного застолья в Йорк-плейс, которое устроил Уолси. Льстивые хронисты писали, что сей праздник «превосходил пиры, устраиваемые Клеопатрой и Калигулой». На самом деле дух этих двух могущественных развратников был скорее свойствен моей натуре, и на этом унылом сборище не наблюдалось ничего похожего. Как могли бы мы с Бесси весело провести время, если бы мне не приходилось выслушивать венецианского посла, который нудно бубнил мне на ухо о выгодах торговых путей на Адриатике!

И вот наступил момент, когда я припал к груди Бесси и мной овладело давно созревшее желание...

– Ваше величество, я жду ребенка.

Как легко слетели с ее губ три последних сокрушительных слова!

Я выпустил ласковые руки Бесси.

– Да, – продолжила она, – он родится в июне.

Семь месяцев. Она жила в ожидании (в обоих смыслах слова), надеясь услышать от меня изъявление радости, облеченное в слова: «Как замечательно. Я пожалую вам титул герцогини N. Какое счастье. Любое ваше желание будет исполнено. Вам необходимо собственное поместье, почетное положение *maîtresse en titre*⁴⁴, моя милая, желанная, моя прелестная».

– Вы должны покинуть двор, – скупно заявил я.

– Да?.. – В ее глазах застыл вопрос.

– Я намерен... я подыщу для вас подходящее место. Неподалеку, чтобы я мог наблюдать за вами до рождения ребенка. Вероятно, в одном из монастырей Эссекса.

Бесси переменялась в лице.

– Но...

– Вам необходимо незамедлительно оставить службу у королевы. Продолжая исполнять обязанности фрейлины, вы можете стать причиной скандала. Это будет бесчестьем и для вас, и для нее, и для меня.

– А как же мой отец? – воскликнула она. – Ведь ему тоже придется покинуть двор! Разве не позорно для него служить человеку... соблазнителю его дочери?

– Уж не превращаетесь ли вы в благочестивую ханжу? Вначале вами владели иные настроения. Видно, вы считаете мои заботы чрезмерно щепетильными и старомодными.

– Доброе и честное имя даровано не только вам с королевой! У меня есть своя гордость и честь, так же как у моего отца, и я не представляла, что вы с такой легкостью захотите избавиться...

⁴⁴ Постоянной любовницы, фаворитки (*фр.*).

Какой утомительный и неприятный разговор. Неужели любые удовольствия имеют столь отвратительное послевкусие?

– Ну довольно, Бесси. Любовная игра устраивала нас обоих, мы оба испытывали наслаждение, но сейчас настала пора поговорить о благопристойности, дабы не вызвать скандал, способный повредить всем нам. И будущему ребенку.

– Я полюбила вас! Полюбила, а вы обходитесь со мной как с обузой, помехой, которая доставляет одни хлопоты...

Ужасное слово: «полюбила». Я не хотел быть любимым, зачем мне такое бремя? Непрошенная любовь тяжела...

– Никакая вы не обуза... – начал я, но понял, что, продолжая, лишь запутаюсь в хитро-сплетениях сложных объяснений, ведь невозможно сказать ей те единственные слова, которые она хотела услышать.

– А когда родится ребенок, что будет тогда?

– Уолси подыщет вам мужа. Ничего не бойтесь, у вас будет достойный брак.

– Уолси?!

– Поймите же, вы не будете считаться обесчещенной. О вас скажут: вот благонравная девица, которая служила при дворе до того, как ее выдали замуж.

– И вы посвятите кардинала в такое... личное дело?

– Оно не личное, Бесси.

Наши отношения завершились трагедией для нее и замешательством для меня.

Не могло быть и речи о сопротивлении с ее стороны. Мне достаточно было отдать приказ, и уже утром она исчезла бы из моей жизни.

В ту ночь, лежа один в кровати, я с ужасом и страхом размышлял о том, что же происходит, почему я не испытываю к бедняжке никаких чувств. Три года мы сливались в экстазе, веселились, пели и обменивались нежными словами. Однако в отличие от меня Бесси, очевидно, воспринимала наши отношения всерьез.

Около полуночи я забылся тревожным сном. И снилось мне, что я иду по маковому лугу и в сердцевине каждого цветка, если всмотреться получше, видно женское лицо. Черты у них разные, но все цветы похожи друг на друга. Если я соберу их в букет и поставлю в серебряную вазу, то они быстро повесят головки и вовсе засохнут за ночь. Их аромат соблазнял, но не лишал разума. Я удивился, вспомнив, что арабы использовали мак в медицине и, судя по слухам, он являлся сильным одурманивающим средством.

Утреннее солнце рассеяло странное сновидение, но грядущий день уже потерял для меня прелесть новизны.

27

Екатерина пожелала, чтобы наш ребенок родился в Гринвиче, там же, где и Мария. Королеве хотелось, чтобы ее поместили в те же покои, обслуживали те же слуги и чтобы все было так же, как в предыдущий раз. Праведной христианке не пристало суеверие, но я смотрел сквозь пальцы на «слабости» Екатерины, если их можно так называть, поскольку сам разделял их. Я готов был смириться с чем угодно, ибо не знал, откуда ждать угрозы.

– Здесь я появился на свет, – сообщил я малышке Марии, когда поздним апрельским утром мы гуляли по дворцовому саду.

Мы с дочерью шли впереди Екатерины, ведь из-за чрезмерной дородности она одна занимала всю аллею. И не только потому, что донашивала ребенка. Просто она чрезвычайно располнела.

Мария взглянула на меня. Ей нравилось слушать мой голос.

– Да, именно здесь я родился, – повторил я. – И вы тоже. Тут мы обвенчались с вашей матушкой. Для нашей семьи это особое место.

Над нами сияло пронзительно-синее небо, и я чувствовал ароматы наступающей весны: своеобразное смешение запахов новой жизни и отмирания былого. Мы подошли к ограде, за которой воды Темзы ласково накатывали на камни.

– Птицы! – воскликнула Мария, показывая на чаек.

Как хорошо говорила принцесса! Какой живой и смысленной она росла!

– Верно, морские птицы, – сказал я. – Они живут вблизи больших водоемов.

Я окинул взглядом множество покачивающихся на реке лодок. На королевской пристани стоял на приколе мой долгожданный флагманский корабль.

– Англия обязана своим величием воде, – добавил я. – Она окружает наш остров со всех сторон и защищает от врагов. Мы же овладели морской стихией и заставили ее служить нам. И можем достичь небывалых успехов, если построим корабли, которые будут, как резвые лошадки, мчать нас по волнам.

– Давать смотреть, – потребовала Мария, показав на корабль «Henri Grâce à Dieu»⁴⁵.

– Нельзя, – неодобрительно помотала головой Екатерина.

– Да пусть ребенок порадует, – сказал я.

– Вы имеете в виду, что развлечетесь сами, – смиряясь, заметила она.

Я показал нашей дочери великолепное судно, в просторечии именуемое «Большой Гарри». Запах его обшивки и еле слышный скрип канатов пробуждали во мне ликование. Я мечтал уплыть на нем далеко-далеко, уйти в открытое море...

Мария ухватила пальчиками за капитанский лаглинь.

– Эти узелки служат для определения скорости корабля, – пояснил я, раскрывая ее пухлый кулачок и заставляя отпустить трос. – Но нам нельзя развязывать их.

Мария начала капризничать, потом заплакала. Екатерина, ожидавшая нас на пристани, подняла голову. Она стояла слишком далеко, чтобы слышать нас, но материнское чутье подсказало ей, что ребенок чем-то обеспокоен.

Мы спустились по трапу. Королева утешила дочь, взяла ее за руку и повела вдоль стены, ограждающей дворцовые земли от болотистых берегов и от самой реки. Гринвичскому дворцу требовалась защита от разрушительного действия вод.

В начале мая Екатерина отправилась в родильные покои, и мы с Марией в большом волнении проводили ее туда. Я не представлял, что появление малышки так изменит мою жизнь.

⁴⁵ «Генрих милостью Божьей» (фр.).

То, что раньше считалось государственным долгом, показательной церемонией, теперь стало частью нашей семейной истории.

Когда королева удалилась в опочивальню, Мария не хотела уходить, пока ей не разрешили напоследок пошлепать по массивным дверям. Потом она протянула мне руку и сказала:

– Пойдем молиться.

Неужели Екатерина шепнула ей это перед уходом? Или такое желание родилось непосредственно в детской душе?

– Отлично. Мы будем молиться в лучшем на свете храме.

Я привел ее в маленькую церковь францисканцев, где когда-то, совсем близко от Гринвичского дворца, обвенчали нас с Екатериной.

Я пришел в храм, как обычный человек, без всякой свиты. Мне еще не приходилось бывать там негласно, поэтому на меня обрушились новые впечатления. Сначала меня поразила таинственная сумеречность. Церковь освещалась лишь во время проведения особо важного обряда, и даже днем ее окутывал полумрак, который прорезали лишь сияющие витражи окон.

Лепет Марии затих. Она остолбенела в немом благоговении. Как и следовало ожидать, ее поразили магический, волшебный свет, озарявший центральный неф.

Я взял ее за руку и не почувствовал сопротивления. Личико Марии выражало понимание, восторг и смирение. Мы преклонили колени перед молчаливым небесным воинством и алтарем. Я думал, что девочка быстро начнет ерзать и капризничать, стремясь на свободу. Но она словно застыла, сложив перед собой ручонки. Мы с дочерью вместе помолились о здоровье Екатерины, благополучном разрешении от бремени и ниспослании наследника. Потом Мария отошла в сторонку, а я продолжал просить Господа о сыне. В витражах дробились и снова сливались красные и синие лучи, образуя удивительно целостную картину и наполняя храмовое пространство гармоничной вибрацией живого света. Даже в день своего венчания я не видел такого потрясающего освещения; его скрывала нарочитая яркость пламени факелов и свечей.

Я ожидал, что найду Марию спящей перед молитвенной скамеечкой или тихо играющей в одиночестве. Но девочка в молитвенной позе стояла на древних камнях перед святой Анной. Взор распахнутых детских глаз застыл на священной статуе.

Екатерина не покидала своих покоев. По срокам она должна была вот-вот родить, что само по себе являлось добрым знаком. Ведь из восьми былых беременностей пять закончились выкидышем. На сей раз не возникало осложнений со здоровьем – королеву не мучили сердцебиения, водянка, у нее не отекали руки и ноги. Между нами не случалось ссор и разногласий. После смерти Фердинанда жена всецело принадлежала мне и в глубине души радовалась этому. Или так мне казалось.

Роды начались точно по предсказанию врачей. Стоял чудесный июньский день, очень похожий на тот (как говорили), когда я сам появился на свет. Все шло своим чередом, и регулярные доклады придворных лекарей вселяли в меня радужные надежды. «Королева хорошо переносит схватки... Вот они участились... Ее величество чувствует, что час приближается...»

Потом наступило затишье. Никто больше не выходил из дверей родильных покоев. Не кричала роженица, не было слышно плача младенца. Наступила пора странного безвременья. Летний день клонился к закату. Зашло солнце, сгустились сумерки, окутав реку и дворцовые земли серо-голубой дымкой.

И вдруг из-за дверей донесся пронзительный вопль. Голос Екатерины.

Но опять никто не вышел ко мне, никто не открыл дверей. Я решил, что вопреки всем запретам должен увидеть жену. Взявшись за дверную ручку, я с удивлением обнаружил, что запоры сняты. Я влетел внутрь.

Линакр ждал моего появления. По его лицу я ничего не понял. Его выражение было столь же невнятным и пасмурным, как слежавшийся февральский снег.

Я испытал облегчение. Значит, Екатерина жива; ведь при ином исходе он вряд ли хранил бы озадаченное молчание.

– Ваше величество, – лекарь сделал приглашающий жест, – королева ждет вас.

Я последовал за ним по анфиладе залов (полностью занавешенных, дабы избежать проникновения вредоносных струй воздуха, и поэтому темных и душных) в самый последний и самый сумрачный из всех: родильную комнату.

Екатерина возлежала на огромной кровати, которую окружали слуги. Они умывали и причесывали страдалицу. Вокруг еще суетились врачи, гремя инструментами, убирая тазы и пропитанные кровью полотнища. Повсюду царило оживление, словно при подготовке банкета.

– Генрих, – еле слышно промолвила Екатерина и подозвала меня жестом.

Приблизившись, я взял ее за руку. Она была такой вялой, влажной и горячей, что мне показалось, будто я держу выжатую банную мочалку.

– Что случилось?

Я должен был узнать правду. Что бы ни произошло. Екатерина жива – уж в этом-то я, по крайней мере, убедился.

– Мертв.

Одного слова хватило. Этим было сказано все.

– Сын?

– Дочь, – выдавила она, судорожно дернув головой.

Что ж, ничего особо трагичного, никакого ошеломительного предзнаменования.

– Я опечален.

Из моей груди вырвался вздох облегчения. Воля небес пока еще не казалась мне непрекаемой. А я страшился ужасного знамения...

– Можно мне увидеть ее?

Екатерина пыталась остановить меня, но я, не заметив вялого движения ее руки, обернулся и увидел у подножия кровати маленький сверток. Там лежал мертвый младенец, его лицо было прикрыто...

Осторожно я откинул покрывало, чтобы хоть раз увидеть это личико, запечатлеть его в памяти, прежде чем навеки предать несчастное дитя земле.

Но моим глазам явилась чудовищная маска, в которой не было ничего человеческого. Одного глаза не хватало, вместо носа зиял здоровенный провал, а под ним выпячивались толстые, похожие на грибы губы. Рот был полон зубов.

– Господи Иисусе!

Я отшатнулся. Слабые пальцы Екатерины ухватились за мою руку. Так вот почему она так страшно закричала, когда ей показали новорожденного.

– Кого же вы произвели на свет?

Мне стыдно за вырвавшиеся у меня тогда слова, ведь не думал же я, что она виновата в сотворении такого монстра.

Королева закрыла глаза.

– Я не хотела... не знала, кого мне довелось носить.

– Я понимаю. Простите меня.

Мне вспомнилось, с какой любовью мы смотрели на ее растущий живот... не догадываясь, какой безобразный плод развивается внутри.

– Я ляпнул глупость, видно, ополоумел от горя, – прибавил я, вновь глянув на трупик. – Хвала Господу, что вы освободились от... него. Хорошо, что он родился мертвым.

Его необходимо захоронить где-нибудь подальше от освященной земли. В глубокой могиле, дабы он разложился там и никто его больше не увидел.

Я поманил к себе Уильяма Баттса, молодого ученика Линакра.

– Пошлите за священником.

Мне хотелось, чтобы именно человек, облеченный саном, забрал этого уродца. Баттс кивнул и наклонился с намерением взять мертвого младенца.

– Остановитесь! – вскричал я. – Не дотрагивайтесь до него!

Пусть он лежит в изножье кровати, покрывала потом надо будет сжечь. А нам с Екатериной вместо участия в обряде крещения придется пройти обряд очищения и благословения.

Пришедший священник пробубнил что-то, боязливо прикоснулся к свертку и положил его в мешок. Надеюсь, святому отцу известно, что делают в таких случаях. Я не осмелился приказывать; а также не желал знать, где похоронят урода.

По моему настоянию пригласили и второго священнослужителя, дабы он незамедлительно очистил и благословил нас с Екатериной. С кровати как раз начали убирать оскверненные покрывала, и я поднял королеву на руки. Но не смел выйти из комнаты до окончания церковного ритуала. Все во мне содрогалось от страха, отвращения и недоброго предчувствия.

Я пронес ослабевшую Екатерину по всему дворцовому крылу до ее покоев, где кровать застелили свежими белеными простынями, а в открытые окна врывался чистый летний воздух. Прочь из тех зловонных покоев, пропитанных гибельным дыханием смерти, навстречу ясному белому свету. Екатерина не протестовала, когда я уложил ее в постель, будто сонного ребенка, который заигрался до темноты.

Я вышел из апартаментов королевы и увидел переминающегося в ожидании послушника из монастыря Святого Лоуренса. Он кротко и заискивающе взглянул на меня из-под черного капюшона.

– Настоятель послал меня сообщить вам... Госпожа Блаунт переведена в особую келью. Близятся роды. – Он смиренно потупился, не зная, как я восприму такую новость.

– Тогда мне нужно побывать у вас, – точно во сне услышал я собственный голос.

Все происходящее казалось странным наваждением. На мою долю выпали серьезные испытания, и я не представлял, что еще Господь может ниспослать мне. Однако я должен покориться своей участи. Даже если меня ждет еще более жуткое зрелище, следует быть рядом с Бесси и вынести это вместе с ней. Просто из человечности.

– Ведите меня, – сказал я.

Вдвоем с молодым послушником – он сказал, что его зовут Ричард, – мы от Гринвича переправились по Темзе к Тауэру. Там я велел привести из королевских конюшен свежих лошадей. Дорога до монастыря была долгой, миль тридцать.

Сначала мы проскакали по лабиринту городских улиц, уснувших в синеватых сумерках середины лета. Интересно, гадают ли сегодня на будущее, как в старину, когда солнце набирало полную силу? Пекут ли лепешки, разбрасывают ли по кровати цветки священных растений, отступая в молчаливом ожидании... Из окон не доносилось ни звука. Мои подданные спокойно спали. О боже, если бы только я мог дать им уверенность в завтрашнем дне – то, в чем они нуждались более всего! Я говорю о наследнике престола, чьи права никто не смел бы оспорить.

Мы выехали за городские стены через Епископские ворота и сразу оказались в сельской местности. Ночь окутывала нас темным покрывалом, несмотря на время летнего солнцестояния. Я не различал пути и ехал вслед за Ричардом. Он отлично знал дорогу. Она была изрядно наезжена на участке между особняком Уолси и монастырем Святого Лоуренса. Кардинал являлся его покровителем и попечителем.

Справа от нас восточный небосклон окрасился первыми лучами раннего рассвета. Я молчал, упорно стараясь выкинуть из головы навязчивую картину: уродца, которого родила моя законная жена. Все происшедшее не сулило мне добра... Темнота лишь усугубляла мое заме-

шательство. Я вернусь к этим мыслям, когда наступит день, и ни минутой раньше! Это проклятие уже надежно захоронено.

Встало солнце. Природа вокруг нас дышала благодатной свежестью. Теплый свет заливал ровные борозды подрастающих злаков, лаская их, словно детей. Густой бархат полей обещал плодородную осень и зрелый урожай. Нашим нивам благоволила зеленая богиня.

– Почти приехали.

Натянув поводья лошади, послушник Ричард махнул рукой на восток. В первый момент я ничего не увидел. Потом мои глаза постепенно различили большое строение, сложенное из камней медового цвета.

Мы неслись галопом, ослепленные восходящим огненно-золотым диском.

С высокой сторожевой башни за нашим приближением наблюдал толстый монах, он шурился из-под руки, но потом узнал меня.

– Ваше величество! – воскликнул он и, подобрав подол сутаны, выбежал к воротам, где склонился в почтительном поклоне. – Дама проживает в доме настоятеля.

Дама... Сколь деликатное определение для положения Бесси.

Не тратя слов, Ричард показал мне на скромных размеров особняк. Он стоял в стороне от прочих монастырских построек.

– Благодарю вас, – кивнул я.

Мне понравился Ричард. Он производил впечатление сдержанного и доброго человека и совершенно не походил на аскетичного непонятливого монаха. Я начал рыться в кошеле, чтобы вознаградить своего спутника за двенадцатичасовое путешествие. Он сделал протестующий жест и посмотрел мне в глаза.

– Прошу вас... сделайте дар Богоматери от моего имени.

Богоматерь. Мадонна... Дама. Сами эти слова пробуждали почтительные чувства.

– Как вам угодно, – не стал спорить я и направился к дому настоятеля, куда поместили Бесси.

Все устроил Уолси. Он выбрал этот монастырь среди множества других. Я догадывался, что кардинал имел на то свои резоны. Что именно перевесило чашу весов в пользу этой обители: житейские удобства, спокойствие, сострадательность или анонимность?

Так или иначе, настоятель был идеальной кандидатурой по всем четырем пунктам. И вновь я мысленно одобрил Уолси, хотя в глубине души осуждал его, считая заблудшим грешником в нашем благодетельном клире.

Предупрежденный о нашем прибытии святой отец являл собой воплощение внимания и предупредительной осторожности.

Он выглядел молодо, что удивило меня. Звали его отец Бернар (возможно, в честь святого Бернара Клервоского?).

– Когда кардинал Уолси, щедрый по натуре, добрейшей души человек, прислал к нам госпожу Блаунт, – с поклоном сообщил он, – мы порешили принять ее как благородную гостью в наших собственных покоях. Ибо кто же, в сущности, может судить других? И путь сей указал нам хозяин постоялого двора в Вифлееме: ибо все наши гости посланы Господом.

Его лезть резанула мне слух, и, кроме того, сердце мое разрывалось от терзаний.

– Где она? – с трудом смог выдать я.

– Наверху, – сказал он, поднимая руку, и многозначительно прибавил: – Над моими комнатами.

Я поднялся по каменной лестнице в эти древние кельи. Ступени укрывали ковровые дорожки, в канделябрах белели лучшие восковые свечи. Незажженные и новые: видно, тут выбрасывали огарки, не используя их до конца. Но, переступив последнюю ступень, я сразу обо всем забыл – ко мне бросился встревоженный послушник.

– Ваше величество! – Он бухнулся на колени.

– Встаньте, встаньте! – Я поднял его повелительным жестом. – Где дама?

Я мог называть Бесси этим безликим словом, как все остальные.

– У нее начались роды. Но еще не закончились пока, сир, поскольку первые.

Да, первые обычно длятся дольше всего.

Послушник посторонился; его сменил озабоченный священник.

– Повивальные бабки и наши служки приглядывают за ней, – произнес он. – Они полагают, что вскоре все закончится.

За фразой скрывалось осуждение, и я это понял. Отлично. Я повернулся к нему спиной, показывая, что не желаю более видеть его. Гораздо интереснее любоваться монастырскими угожьями. Окинув их взглядом, я восхитился царившим там порядком, простотой и добротностью. Таким я мечтал видеть мое королевство.

Я хотел было пойти в храм, прямо передо мной возвышалась его серая громада. Но побоялся пропустить рождение ребенка, а кроме того... мной овладело смущение, которое я не могу четко описать. В общем, даже после обряда очищения мне казалось, что предстать сейчас перед алтарем Всевышнего будет неслыханной дерзостью...

Тут из дверей приемной вышел юный послушник.

– Ваше величество! У госпожи Блаунт здоровый сын!

Сын...

– Она зовет вас.

Он улыбнулся. Без всякого осуждения. (Возможно он еще слишком молод? Чересчур близок к источнику искушения?)

– Идемте.

Я прошел за юношей в приемную настоятеля, а затем в дальнюю гостевую келью. Даже мое смущение не помешало мне заметить, как шикарно обставлены монашеские покои.

Ко мне направились повивальная бабка и сиделка, у которой был вид священника, возносящего над алтарем большую гостию.

– Ваш сын, – произнесли они почти в унисон и вручили мне сверток.

Я уставился на ребенка. Господи Иисусе! Его лицо! Точная копия принца Генри...

Мне захотелось осенить себя крестом. Умерший младенец возродился в другом ребенке, который никогда не сможет унаследовать трон... в то время как королева произвела на свет отвратительное чудище.

– Генри, – пробормотал я, видя знакомые черты.

– Генри! – восторженно подхватили все вокруг.

Новорожденный казался таким же крепким и здоровым, каким был его брат. Господь вернул мне сына. Но не королева родила его...

И тут меня пробрала дрожь. Я не мог думать об этом. Я не понимал, что все это означает.

Повитуха поманила меня за собой.

– Ваше величество, пройдите сюда, она ждет.

Я вошел в смежное помещение. Обмытая, надушенная и причесанная Бесси ожидала моего визита. Как ни странно, мне она не показалась красавицей. Притворщица! После родов женщины не должны походить на куртизанок.

– Бесси, – сказал я, подходя к кровати.

Потоки утреннего света лились в окна. В солнечных лучах плясали пылинки. Раздражающе поскрипывали распахнутые рамы, впуская в келью смешанный дурманящий аромат лекарственных трав, растущих в монастырском огороде. Я представил, что пьянею от этого запаха. Мне вдруг отчаянно и неодолимо захотелось спать.

– У нас родился сын, – промолвила она.

– Да. У нас сын. Я видел его, – прошептал я в смятении, чувствуя, как кружится голова. – Он... совершенен...

Какое глупое слово. Избитое и затертое.

– Он похож на вас.

Улыбнувшись, Бесси коснулась моей руки. Наша непристойная страсть воплотилась в красоту младенца. Божьей милостью? Неизвестно. Я пребывал в полнейшем замешательстве.

– Мы дадим ему имя Генри, – сказал я.

– А какова будет его фамилия? – осторожно поинтересовалась она.

– Фицрой. Традиционный способ именованья «сына короля».

Губы Бесси снова дрогнули в улыбке.

– Поскольку подобные случаи бывали и прежде, – закончил я, и улыбка стерлась с ее лица.

Младенца выкупали, запеленали и уложили в люльку. Я долго смотрел на него. Меня встревожило его сходство с умершим принцем Генри.

Моя жена родила уродца. А любовница – здорового сына.

Очевидно, Господь посылал мне некую весть. И я не мог не заметить ее ошеломляющей очевидности.

Я провел здесь остаток долгого летнего дня. Бесси уснула и спала молодым здоровым сном. Будто обессиленное животное, которому по природе совершенно чужды муки совести.

Монастырь, небольшой и опрятный, притулился у подножия пологих холмов Эссекса, похожих на застывшие, укрытые зеленым ковром волны. Я прогулялся по конюшням, по большому огородному хозяйству с аккуратными грядками пряных и целебных трав и был изрядно удивлен. Все здесь содержалось в образцовом порядке, словно в общину в любой момент мог явиться Господь и призвать монахов к ответу. Натирая до блеска петли калитки в ограде, отделявшей грядки от большого сада, безвестный брат будто выказывал радушие Спасителю, ибо кто же знал время Его прихода?

Но покои настоятеля я счел чересчур роскошными. Он мог возразить, что это, дескать, придаст монастырю пущей славы. Однако похвалит ли такое радение Христос? Захочет ли Он спать на мягкой перине, если заглянет сюда в числе прочих странников? Тем не менее сам Он, конечно, привечал гостей. И нам заповедовал быть гостеприимными. Потребуется ли Он от нас удобную кровать или предпочтет соломенный тюфяк?

Генри Фицроя окрестили в монастырской церкви – изысканном каменном строении с резными украшениями, напоминавшими кружева. При этом присутствовали я и Бесси. Уолси исполнил роль крестного отца, а сестра Бесси Кэтрин и монашка из соседней обители, что в Челмсфорде, стали крестными матерями. Крестильную рубашку прислали из родовых владений Блаунтов в Линкольншире, ее скроила и вышила тамошняя мастерица. Они сложат семейную легенду о Генри Фицрое. Доброта их не пропадет даром, поскольку я мало что мог предложить этому ребенку. Хорошо, что они готовы отдать ему многое.

Я стоял рядом с Бесси, крепко держа ее руку.

– У нас есть сын, – сказал я, – и он связал нас навеки.

– Но не соединил наши сердца, как мне хотелось. О Генри...

Я властно остановил ее. Мне вовсе не хотелось отдавать ей свое сердце, и я не нуждался в ее любви и привязанности. Можно ли полагаться на столь зыбкие понятия?

– Бесси, с вами я провел лучшие часы жизни.

Я коснулся ее волос, чудных и густых.

Да, правда. Все, что было у нас с ней, я вспоминал с радостью. О счастливое прошлое! Если ты обернешься печалью и грехом – пусть. Ведь, несмотря ни на что, у нас родился сын.

28

Мы с Уолси сидели вдвоем в одном из кабинетов на Йорк-плейс. До нас доносился многоголосый хор с Темзы, а кроме того, во дворец просачивались разнообразные запахи. За открытыми окнами пекло июльское солнце. Однако Уолси не делал никаких скидок на погоду. Алое атласное облачение кардинала местами потемнело от пота, и лишь взмахи его испанского веера свидетельствовали, что ему жарко. Размером он напоминал опахало и обычно использовался в танцах. Его Уолси получил в подарок от Екатерины, когда она еще делала вид, что симпатизирует ему.

– Франциск проиграл, – сказал он. – Видно, маловато предложил денег.

Кардинал показал письмо, содержащее эти новости.

– Вот и хорошо. Глупо пожадничал, деньги-то все равно потерял.

Меня радовала каждая золотая монета, выуженная из казны Франциска. Максимилиан отошел в мир иной, оставив вакантным трон Священной Римской империи. Франциск пытался купить избирателей Германии, да Карл проявил больше щедрости. И теперь он стал императором, оставаясь также королем Испании. Это не удивило никого, кроме Франциска.

– Ловкий габсбургский юнец одной ногой стоит в Испании, а другой – в Германии, – пробурчал Уолси.

– В таком положении ему будет удобно мочиться на Францию.

Мой грубоватый школярский юмор рассмешил меня самого.

– М-да, – снисходительно улыбнулся Уолси.

– А как обстоят дела с тем безумным монахом? – вдруг поинтересовался я, застав кардинала врасплох.

Мне нравилось подлавливать его, хотя о причинах я никогда не задумывался.

– Из Германии? Вы имеете в виду Лютера?

– Да. Именно. Мне хотелось бы почитать его девяносто пять тезисов, те самые, что он вывесил на дверях Виттенбергской церкви. Закажите для меня экземпляр. Вам известно, что я люблю теологию.

Причем, смею сказать, больше самого Уолси.

– Слушаюсь, ваше величество. Лютер вызвал большой переполох в Германии. Церковь там оказалась... в общем, изрядно прогнившей. И папа Лев... поистине, он поступил глупо, пытаясь за счет продажи индульгенций собрать деньги для строительства новой базилики. Понятно, что момент, видимо, оказался подходящим; но цели слишком очевидны. Особенно потому, что сам проект нового собора Святого Петра вызвал множество жарких споров. Многие честные христиане не видели смысла в этом начинании. А кашу заварил еще Юлий. И когда он умер, Льву пришлось ее расхлебывать.

– Безрассудство. Похоже, теперь папе остается одно: упокоиться с миром. Но самой церкви необходима некоторая реорганизация... Это, кстати, касается и опекаемого вами монастыря Святого Лоуренса.

Мне невольно вспомнилась та община с ее тучными, суетными и порочными монахами. Среди них, разумеется, нет Лютеров. Никто там не испытывает душевных мук.

Веер Уолси затрепетал, словно крылья бабочки, и воздух наполнился благоуханным ароматом, исходившим от деревянной основы.

– А разве там что-то не в порядке? Неужели они развели грязь? Или их прием показался вам недостойным? – встревоженно спросил он.

– Как раз наоборот. Но эта обитель скорее напоминает дворец Ирода, чем Вифлеемский постоялый двор, а уж тем более вертеп.

– Да, я намеревался закрыть его в ближайшее время, – поспешно добавил кардинал. – И использовать монастырский доход на основание давно задуманного мной колледжа в Оксфорде.

– Ах да. Кардинальского колледжа. Значит, богатые монахи уступят место бедным школярам. Отлично. А что с... госпожой Блаунт? Каковы ваши планы насчет... – Я специально не закончил вопрос.

– Она вышла замуж две недели тому назад. За одного из моих подопечных из Линкольншира. Я не спешил с этим делом, ваше величество, подыскивая хорошую партию, но мне пришлось наконец решиться. Выбор пал на наследника богатого состояния. – Уолси пожал плечами с виноватым видом.

– И кто же муж?

– Гилберт Тейлбойс. – Он помедлил. – Сын безумного лорда Кайма.

– Два года тому назад лорда объявили сумасшедшим! Я помню судебные слушания!

– Верно. Поэтому состояние и перешло к его сыну Гилберту, хотя сам лорд Кайм еще жив.

– А какого рода его... сумасшествие?

– Я не думаю, что оно передалось по наследству.

Но все же такая вероятность есть. В юности и лорд Кайм выглядел совершенно нормальным. Святые угодники, на что же я обрек Бесси? На брак с человеком, который в любой момент может сойти с ума?

– Не так-то просто было выдать ее замуж, ваше величество. Пришлось выбрать жениха, чье прошлое вызывало определенные сомнения.

Так же как и ее прошлое, по моей милости.

– И где же они сейчас?

– В Линкольншире. В Скейлингторпском замке, на границе обширных лесных угодий Кайма.

Она прозябает на севере, в глуши, в обществе склонного к безумию супруга.

Прости меня, Бесси.

Нет, она никогда не простит меня. Я сам не простил бы, если бы кто-то столь дурно обошелся со мной.

– А где мой сын?

И вновь тревога исказила черты обрюзгшего лица Уолси.

– С матерью.

– Но... – возмущенно начал я, удивившись, почему Уолси, нарушая мой приказ, не взял ребенка на свое попечение.

– Ваше величество, она умоляла не отбирать его. Поэтому я разрешил ей оставить ребенка, пока она кормит его грудью. В свое время его привезут ко мне. Я заставил ее подписать соответствующий документ, – убедительно пояснил он.

– Невозможно будет забрать его.

– Трудно, но возможно. Нам выгодно, что они удалены от двора и никому не известно о существовании младенца... Если, конечно, вы не решите объявить о нем во всеуслышание.

– Понятно.

Он прав. Зачем выставлять бастарда напоказ перед Екатериной? Его присутствие не принесет нам с королевой пользы, доставит одни лишь мучения, а вот Бесси он подарит хоть какую-то радость.

Я не желал больше обсуждать эту болезненную тему. Она была закрыта навсегда.

– Встреча с Франциском? – вопросительно произнес я.

Уолси понимал меня с полуслова.

– Трудно поверить, но вчера прибыло письмо, где меня просят заняться размещением французов на этой встрече.

Он вручил мне письмо.

Какой оригинал этот Франциск!

– Что ж, вам придется выполнить их просьбу.

Эта затея начала выходить из-под контроля. Рандеву двух королей выросло в грандиозный сбор французского и английского дворов. Такого раньше не бывало ни в древние, ни в наши времена. Мои придворные разделились на две группировки, одни пребывали в диком восторге, другие с презрением восприняли идею. Но равнодушным не остался никто. Уолси принадлежал к первому лагерю.

– Должно быть, Франциск полагал, что сделать королевские шатры возьмется Леонардо да Винчи, но в связи с кончиной великого художника его надежды рухнули и... – Уолси постарался изобразить скромника.

– Но он выбрал не менее искусного мастера, – заверил я его.

В кои-то веки Уолси, казалось, не заметил сарказма.

– Я хочу устроить все наилучшим образом.

Внезапно я вспомнил историю, доставившую мне огромное удовольствие: поговаривали, что Франциск купил какую-то неудачную картину Леонардо только ради того, чтобы польстить художнику и соблазнить его переехать во Францию. Ха! И вот теперь он оказался и без своих денег, и без услуг Леонардо, поимев лишь сомнительный шедевр с портретом дамы, чей вид и странную улыбку все сочли уродливыми...

– Ну а мои добрые намерения отражены на моем лице, – сказал я, почесывая отрастающую бородку.

Франциск предложил, чтобы в знак расположения друг к другу никто из нас не брился до самой встречи. Я сомневался, что борода украсит меня. Она резко изменила мою внешность.

Уилл:

Дело кончилось тем, что невзлюбившая его бороду Екатерина умолила Гарри избавиться «ради нее» от этой растительности. По-прежнему стараясь не спорить с женой и еще надеясь на рождение наследника, Генрих уступил ее мольбам и побрился. Это едва не спровоцировало дипломатический скандал, ибо Франциск при виде короля Англии выразил неудовольствие, и послам Генриха пришлось прояснить положение. Вмешалась «дражайшая матушка» Франциска, Луиза, поспешив заверить сына, что «мужская любовь проявляется не в бородах, а в сердцах», и тем самым смягчила его обиду.

Потом, перед самым отъездом, Генрих запоздало начал опять отращивать бороду. Щетина мужа не слишком оскорбила королеву и все-таки послужила знаком добрых намерений для Франциска. Вот какие «важные» вопросы приходится улаживать дипломатам.

Генрих VIII:

Июнь 1520 года. Я стоял на палубе «Большого Гарри», овеваемый попутным ветром, самым сладостным из тех, что Господь посылал смертным. Мы плавно скользили – нет, летели по Английскому каналу. Полотнища огромных парусов, раскрашенные под золотую парчу (французы сказали бы *trompe-l'œil*⁴⁶ – ну, они за словом в карман не полезут, у них на все найдется ответ!), гордо раздувались, и корабль лихо несся вперед. Мы взяли курс на Кале, дабы принять участие в великом рандеву французского и английского дворов. Оно все-таки должно было состояться, несмотря на серьезные сомнения с обеих сторон.

И вероятно, сильнее всех колебалась Екатерина. Однако она тоже поднялась на верхнюю палубу и встала рядом со мной. Я отметил, с какой мучительной медлительностью она пере-

⁴⁶ Обман зрения (*фр.*).

двигается. Последние два года ее так мучила подагра, что она с трудом поднималась по лестницам. С другой стороны, я порадовался, что жена все же согласилась сопровождать меня.

– Взгляните-ка туда! Вот он, Кале!

Сам я видел его всего раз. Но возможность показать королеве наши владения доставила мне немалое удовольствие.

Впереди расстилалась Франция, мы видели плавные изгибы долин ее северного побережья. Они были похожи на прекрасные чаши. А за нашими спинами отчетливо белели скалы Англии.

– Крепость выглядит на удивление мирной и безопасной, – заметила Екатерина.

– Это правда, ведь перед вами английский порт.

Пожалуй, даже моя супруга, королева, запомнила, что мне принадлежит часть Франции.

Ближайшие планы были расписаны до малейших деталей. Мне с моими придворными предстояло высадиться в порту Кале, а нашу с Франциском встречу – в присутствии всех сопровождающих нас лиц – решили провести непосредственно на франко-английской границе. Потом каждый из нас устроит прием на собственной земле, на территории своего государства. В избранных обеими сторонами местах возвели временные городки – роскошные, насколько только возможно, при условии, что их долговечность не ставилась во главу угла. Во дворцах из папье-маше задрапировали шелком приемные залы, соорудили на полянах фонтаны, которые будут изливать перед зрителями струи красного и белого вина.

Итак, мы приближались к берегу обширной и хорошо защищенной гавани Кале. Я ясно различал, как бурно жестикулировали стоявшие на причалах люди.

Уилл:

До тех пор я еще не считался взрослым. Но к концу последней беременности Екатерины и удачному рождению бастарда Бесси я стал почти зрелым мужчиной и готов был выйти в мир, как и многие другие восемнадцатилетние юноши. Отец определил меня учеником к купцу, торговавшему шерстью в Кале – прибыльном местечке на полпути между Англией, поставлявшей шерстяное сырье, и Фландрией, где из него делали прекрасные ткани и изделия. Нельзя сказать, что я горел желанием освоить торговое дело. Но покупать и продавать нравилось мне больше, чем околачиваться, как отец, в грязных красильных и дубильных мастерских, и поэтому я почувствовал себя вполне довольным.

В Кале, этом странном городе, жили французы, англичане и фламандцы, имевшие перед собой только одну цель – торговлю. Национальная гордость значила мало в сравнении со звонкой монетой. Когда объявили об англо-французском *entente cordiale*⁴⁷, в тавернах начали судачить не о будущей мирной жизни, а о прибыли. Каждый видел во встрече королей огромную выгоду.

Генрих и его двор должны волей-неволей высадиться и поселиться в Кале. Одно это уже чего-то стоило, с ликованием признали все торговцы. Правда, потом прибывшие отправятся в сказочные дворцы – их собирались построить в соседней долине из дерева и папье-маше. Ну а где, как не у местных жителей, работники станут покупать материалы и продовольствие?

Предсказания оправдались. Сооружение временных замков и пиршественных залов началось на несколько месяцев раньше и потребовало найма по меньшей мере двух тысяч человек – каменщиков, плотников, стекольщиков и художников. Для них нужны были инструменты и немалые запасы пищи.

В то время я трудился на моего хозяина по шесть дней в неделю, взвешивая поступающую шерсть и подсчитывая его прибыль; зато по воскресеньям мне давали свободу. И я отправлялся

⁴⁷ Сердечном согласии (*фр.*).

туда, где возводили королевский дворец. Прогулка не отнимала слишком много времени: Гин находился всего в пяти милях от Кале. (Вообще, наш портовый городок в самой широкой его части углублялся во Францию всего на двенадцать миль.)

Найти место строительства не составило труда – там перелопатили огромное количество земли и повсюду толпились рабочие. Я увидел, что один из них присел отдохнуть под тенистым деревом, решив перекусить на природе. Я подошел к нему.

– Если в том здании, что вы строите, будут жить всего три человека – король, королева и кардинал, – спросил я, – то где же поместятся остальные придворные?

– Хороший вопрос, – словоохотливо заметил рабочий, который был явно не прочь поболтать, и махнул рукой в сторону Кале. – Тут решили поставить палаточный городок. Его украсят множеством флагов и гербов. Грандиозное, думаю, будет зрелище.

– А вы? Откуда вы будете смотреть на них?

– Нам не положено, – произнес он с гордостью. – Не по чину нам быть среди господ.

– И что же вы станете делать, когда закончите работу здесь?

– Потом меня пошлют махать лопатой. Передвигать вон тот холм в другое место. Дело в том, что короли Франции и Англии должны встретиться точно на полпути от Гина до Ардра, а холм громоздится как раз посередине.

– А не легче ли передвинуть королей? – не удержавшись, спросил я.

Не забывайте, Кэтрин, что я был еще очень молод.

– Передвинуть королей? – озадаченно посмотрел на меня землекоп.

Вдруг мое плечо сильно сжала чья-то рука, и, обернувшись, я увидел управляющего. Он грубо отпихнул меня в сторону.

– Нечего тут болтать с моими работниками! – Бросив меня, он схватил за рукав моего собеседника. – О чем он выспрашивал у тебя? О размерах, чертежах? Какие наши секреты выводил?

– Он хотел узнать насчет того холма, – медленно ответил землекоп.

– Проклятые французы! – крикнул управляющий, затем огляделся, поднял объемистый комок глины и яростно швырнул его в мою сторону. – Убирайся! И доложи своему Франциску, что у него нет ни малейшей надежды превзойти нас! Давай беги к своему господину!

Больше мне не удалось ничего узнать, но я и так увидел достаточно. Поэтому я направился дальше, к Ардру, ближайшему к Кале французскому городку. С соседнего холма моим глазам открылось такое же столпотворение – работники возводили жилище для французского короля. Развернув салфетку, я разложил на ней хлеб, сыр и вялое прошлогоднее яблоко, собравшись пообедать. Закончив трапезу, я начал было потешаться над горемыками-строителями, но почему-то смех застрял у меня в горле. Еще ребенком я дал себе обещание честно и разумно разбираться в любых возникших у меня вопросах. Ну разве ж эти люди не дураки? Разве ж они не простофили? Французский король прискачет сюда, явится и английский, а потом они разъедутся. А лет через десять даже не вспомнят, какие стекла поблескивали в окнах этих дворцов. Но мне-то какое дело до этого?

Потому что чистой воды расточительство – строить временный дворец, признался я себе. Никого не порадует бесполезный труд ради чьей-то сиюминутной причуды, он не оставляет надежды на признание заслуг. Напоминание о преходящей природе вещей особенно опечалило меня.

Кузнец из нашей деревни, которого все считали глупцом, однажды размышлял: почему отцовская лошадь так неожиданно потеряла новую подкову? (Меня послали к нему с жалобой, поскольку отец заподозрил плохую работу.)

– Что ж, посмотрим, – степенно произнес кузнец. – Легко все списать на недобросовестность. Главное – раскопать всамделишную причину.

Королевские «анклавы» вызывали у меня досаду и возмущение, и поводов для них нашлось бы немало... На самом же деле я всего-навсего лелеял мечту попасть в круг богатых и знатных вельмож, куда дорога мне была заказана. Вот что меня злило.

Я упростил бы объяснение, сказав, что в тот самый день освободился от подобных желаний. Но определенно тогда во мне зародилась своеобразная отстраненность. Каждому хочется чувствовать себя значительной персоной, пусть в маленьком мирке, и вот я решил стать сторонним наблюдателем, который свысока поглядывает на проходящий перед ним парад человеческой глупости – как сильных мира сего, так и невежественного простонародья. В конце концов я убедил себя, что сам избрал такую жизненную позицию.

Наступил долгожданный июньский день. Королевский корабль прибывал в Кале, и мы все, до последнего жителя, должны были приветствовать Генриха VIII.

Я тоже по приказу хозяина торчал на пристани. Сначала, конечно, я послушно помог ему прибрать в лавке и украсить ее в честь монаршего визита гирляндами тюдоровских цветов – зеленого и белого, геральдическими флагами и девизами. Три дня подметальщики старательно убирали мусор и всякий хлам с главных городских улиц (все надеялись, что Генриху не придет в голову заглянуть в закоулки). Народу не терпелось вновь узреть своего короля и впервые увидеть королеву. В глубине души каждый горожанин надеялся (тщетно!), что дружеская встреча дворов Англии и Франции изменит странный статус Кале и тогда исчезнут сложности нашей повседневной жизни.

Корабль Генриха вошел в гавань – над высокими фальшбортами поблескивали золотые паруса. Мы все рты поразевали. Отряд матросов и лодочников занялся швартовкой. Но вот на палубе появился сам король.

Я смотрел на него во все глаза – третий раз в жизни. Прежде мне довелось видеть его дважды – когда он ехал в Тауэр и когда возвращался с французской войны.

«Как он изменился», – невольно мелькнула у меня мысль.

Появившийся на палубе человек, важный и величественный, вовсе не походил на того юного победителя, который красовался в седле перед народом семью годами раньше. В отличие от простых смертных он выглядел крайне невозмутимым – застывшим, словно изваянная из камня статуя.

«Но ему ведь уже под тридцать, – сказал я себе. – И уже больше десятка лет он правит королевством. Время меняет людей...»

Генрих спустился вниз и широким решительным шагом сошел по сходням на причал. Сердце сжалось от зависти при виде его наряда – великолепной дорогой одежды, пошитой из золотой парчи, бархата и атласа. Король излучал здоровье и казался красивым на редкость. Я испытал благоговейный трепет, как в те моменты, когда созерцал человеческое совершенство... совершенство, которое должно волей-неволей разрушиться. Он поднял руки, и все мгновенно затихли. Обратившись к нам, Генрих поведал о предстоящей встрече монархов. Тогда впервые я услышал, как он говорит. Особое величие негромкому голосу короля придавал бархатный тембр, и в то же время его слова разносились очень далеко. «Какой потрясающий человек», – подумалось мне.

Потом на палубе появилась Екатерина. На ней было множество драгоценностей, они горели и переливались под солнцем, и из-за сверкания и блеска я не смог различить лицо королевы. Она подняла руку, жестом приветствуя собравшихся на берегу. Затем отвернулась и, медленно спустившись по сходням, присоединилась к мужу.

Королева оказалась приземистой и старой, и по толпе прокатился сдавленный вздох разочарования. Все ожидали увидеть прекрасную молодую особу, такую как Мария, родная сестра Генриха, а вместо этого увидели... некое подобие испанского военного галеона. Из-за стоящих колом парчовых юбок и странного, похожего на сундук головного убора (модного в Испании

лет тридцать тому назад, во времена молодости Екатерины) невольно напрашивалось сравнение с тяжеловесным военным судном, да и двигалась она с такой же настороженной медлительностью и неповоротливостью. Казалось, что порыв лихого ветра вздует ее юбки, как паруса, и унесет за собой их обладательницу.

Встав рядом с супругом, королева не повернулась к нему, не удостоила его даже приветливым взглядом. Зато величественно подняла руку (рассчитывая, видимо, что в ответ народ разразится восторженными криками) и обратила свое лицо к солнцу.

Это было ошибкой. Ее немолодое лицо, которое отнюдь не красил уродливый головной убор, осветили яркие лучи. Зрители точно онемели. Все подумали лишь о том, какая же королева старая. (Позже до нас дошли слухи и о неодобрительном высказывании Франциска: «Король Англии молод и красив, но его супруга стара и безобразна», которое Генрих так и не простил «дорогому царственному собрату».) Но мы-то вполне разделяли изумление Франциска, поскольку всех нас поразила столь вопиющая разница. С одной стороны – красивый, сильный, пышущий здоровьем Генрих, а с другой – пожилая дама, вызывающая лишь раздражение и тревогу.

Генрих VIII:

Мы с Екатериной прогулялись по улицам, милостиво принимая радостные приветствия подданных. Наше шествие началось в ранних сумерках, когда дневной свет еще позволял различить в толпе отдельные лица, а закончилось уже при зажженных факелах.

Удалившись на отдых в городской дом, принадлежавший богатому торговцу шерстью и предоставленный на время в наше пользование, мы начали готовиться ко сну. Но внезапно прибыл Уолси. Я покинул Екатерину (безусловно, ей хотелось остаться в одиночестве, дабы благочестиво помолиться) и сошел вниз поговорить с кардиналом.

Он переделался в более скромное и свободное облачение – в нем было удобнее двигаться. «В таком наряде он выглядит еще толще», – высокомерно подумал я. В то время я еще оставался стройным и мускулистым и не представлял, как люди могут позволить себе так растолстеть.

Кардинал едва не кипел от возбуждения. Еще бы, два короля собирались вступить на воздвигнутую им сцену, говорить придуманные им речи и подписывать составленные им договоры. И его горячность объяснялась тем, что достигнут первый этап тщательно разработанного сценария.

Странный у меня характер: если кому-то явно хочется произвести на меня впечатление, я намеренно остаюсь равнодушным, а вот если таковое желание завуалировано, зачастую меня самого охватывает волнение.

Уилл:

Вам редко удавалось разглядеть эту разницу, и вы в очередной раз ошиблись, приняв за правду фальшивую сдержанность Анны Болейн. Как же хорошо она постигла вашу истинную натуру и ухитрилась выгодно использовать ее.

Генрих VIII:

Уолси кивнул на раздувшийся от бумаг кожаный мешок.

– Все готово. Учтены все тонкости придворного этикета, вплоть до малейшего движения брови.

– По-моему, я уже выучил их наизусть, – небрежно бросил я, специально делая вид, что меня не интересует набитая бумагами сумка. – Завтра я проеду до границы Кале, к тому месту, где срыли холм. Моя свита последует за мной. Прибудет Франциск; мы встретимся точно

посередине между Гином и Ардром, обнимемся и засвидетельствуем должное по чинам уважение, после чего откроем череду празднеств.

Он явно пал духом.

– О, дорогой кардинал, – утешил я его, – вне всяких сомнений, нас ждут непредвиденные осложнения и задержки. Лишь на бумаге все происходит без сучка без задоринки. В общем, я всецело рассчитываю на вас.

Когда же нарушилось это равновесие и он начал вести себя иначе? Когда перестал нуждаться в моем одобрении, прекратил добиваться моего расположения и резко изменился по отношению ко мне?

– Мы выступим завтра на рассвете. К сожалению, наше общество собралось не полностью, – признал я. – Половина придворных не соизволили покинуть Англию.

– Они до мозга костей пропитаны недоверием к Франции. – Уолси беспомощно развел руками и укоризненно покачал головой. – Послушать их, так они готовы вскрыть себе вены, если узнают, что в их жилах течет хоть капля французской крови, чтобы навеки избавиться от нее...

– Драматичное заявление, – заметил я.

Неужели он не оценил моих слов?

– Мы с королевой будем готовы к восходу солнца, – уточнил я, вернее, подвел итог нашему совещанию.

Кардинал неохотно удалился. Ему хотелось обсудить что-то еще, это было очевидно. А я не желал говорить с ним. Поэтому ему пришлось уйти. С улицы донесся звук его шагов, он пытался отыскать своего украшенного серебряной упряжкой осла. Осел – символ смирения. Это заставило меня усмехнуться.

Однако улыбка растаяла, когда я прошелся по опустевшей гостиной. В угловом камине еще горели язычки пламени. Я сильно устал и мог бы пойти в спальню и присоединиться к Екатерине. Но вместо этого остался сидеть в одиночестве перед угасающим огнем. Его отблески населяли комнату зловещими тенями, не слишком приятно было смотреть и на собственную мечущуюся тень. В приступе странного смущения я вдруг позавидовал хозяину дома, торговцу шерстью. Мне представилось, какая у него тут счастливая жизнь: его радуют дела, супруга, семеро детей по лавкам. Ему куда лучше, чем королю с бесполезной женой. Нарастало отчаяние... Но отчего? Что могло повергнуть меня в такое уныние? Нет, хватит расстраиваться, оборвал я себя, покинул гостиную и поднялся по длинной лестнице в приготовленную для меня спальню.

Уилл:

Ему незачем было завидовать этому торговцу, которого я успел хорошо узнать. Он вечно пребывал в долгах, а жена ему изменяла. (Только трое из семерых детей родились при его участии!) Однако нам постоянно кажется, что наше беспросветное существование куда хуже чужой жизни, несомненно озаренной радужным весельем.

Генрих VIII:

В ту ночь мне не спалось. Я перечитал и мысленно повторил план нашей с Франциском встречи. Затем меня одолело легкое забытие – странный полусон, который порой нападает к рассвету в незнакомом месте. Он почему-то на удивление ослабляет силы, и после него чувствуешь себя хуже, чем если бы вовсе не спал. Так я и встретил тот день. В голове моей все мутилось.

Я со своей свитой выехал на встречу с французами в местечко, которое впоследствии получило грандиозное название Camp du Drap D'or⁴⁸. Еще с римских времен эта долина была известна как Vallis Aurea⁴⁹. Давненько она, видимо, ждала какого-нибудь нового великого события, будучи названной в честь предыдущего, происшедшего в глубокой древности. Теперь нам предстояло оправдать величие столь громкого имени.

Когда утреннее солнце вознесло свой лучезарный лик над крышами Кале, которые лепились друг к дружке, плотный людской поток уже заполнил улицы. Наша пятитысячная свита пребывала в радостном расположении духа. Все принарядились в меха, надели золото и драгоценности: ведь мы прибыли не с воинственными планами, а для демонстрации нашего благополучия и богатства. По моему сигналу сопровождающая колонна двинулась вперед, и копыта лошадей громко зацокали по булыжным мостовым.

К полудню мы обогнули небольшую возвышенность, которая загораживала нам вид на Гин. Теперь перед нами расстилался палаточный лагерь, превосходивший размерами любой из городов Англии, за исключением Лондона, Бристоля или Йорка. Там даже просматривались кварталы, обитатели которых должны были занять их согласно родству и статусу. Палаточный город прорезало пять улиц – они лучами сходились к огромной круглой площади с фонтаном.

Я услышал, как изумленно ахнули окружавшие меня придворные. Никто не ожидал увидеть такое великолепное зрелище. Даже Екатерина улыбнулась. А потом с порывом ветра до меня донеслось: «Все это дело рук кардинала».

Рядом с палаточным лагерем возвышался прекрасный дворец, правда небольшой. Ряды его окон, словно великолепные зеркала, отражали солнечные лучи.

– Взгляните, где нам предстоит жить, – сказал я Екатерине.

Королева обернулась. Она мастерски, в испанском стиле, держалась в седле. Солнце освещало ее сзади, поэтому я видел только темный силуэт. Лишь зубы блеснули, когда она заговорила.

– В городе Уолси, – вот все, что сказала Екатерина, качнув головой.

Рассерженный, я натянул поводья и отъехал в сторону.

Королевские апартаменты в так называемом сказочном дворце производили удивительное впечатление. Арабские ковры устилали полы, очень удобной была дубовая мебель с затейливой резьбой. По соседству находился большой пиршественный зал с обустроенной кухней и всеми прочими подсобными помещениями, необходимыми для достойного проведения празднеств.

Мы вошли в нашу резиденцию, дабы подготовиться к встрече с Франциском. Пришлось претерпеть длительную церемонию переодевания: при первой встрече хотелось превзойти французский двор тщательно продуманным великолепием и благородством вида.

Хотя Франция считалась законодательницей моды, мы с моими портными решили, что не будем подражать заморским новинкам (тут Франциск, безусловно, дал бы фору любому, по крайней мере в витиеватости стиля), а воспользуемся нашими исконными английскими фасонами. Поверх пурпурного камзола на меня надели золотистый, отделанный мехом плащ, в котором я превосходно смотрелся на белой лошади. Парадную сбрую украшали фестоны из парчи.

– Такой наряд выглядит просто, ваша милость, – сказал мой главный портной. – Но изысканная простота – самая потрясающая вещь на земле.

Уилл:

⁴⁸ Лагерь золотой парчи (*фр.*). Место мирных переговоров двух королей чаще называют «Поле золотой парчи».

⁴⁹ Золотая долина (*лат.*).

Так оно и оказалось, и вы можете убедиться в этом, рассмотрев ту большую картину, что заказали для увековечивания исторической встречи. Фигура облаченного в золото и пурпур Генриха бросается в глаза на фоне всех остальных.

Генрих VIII:

Вскочив в седла, мы ждали сигнала труб с французской стороны, который должен был повторить наш герольд. После чего две огромные армии придворных двинутся навстречу друг другу под размеренный бой барабанов. Никаких приказов – и даже намек на них! Пусть со стороны кажется, что строевые маневры происходят сами по себе.

И вот в двух милях от нас проблеяла труба, и, услышав ее, наш королевский трубач дал ответный сигнал. Мы тронулись вперед. Под седоками заскрипели тысячи седел.

Довольно долго мы ехали по совершенно безлюдной на вид местности. Где же французы? Перед нами расстилалась бесконечная пустынная зеленая равнина. Рядом со мной в испанском седле гордо восседала Екатерина. Она не оглядывалась по сторонам и смотрела прямо перед собой. Мои попытки привлечь ее внимание оказались тщетными. Королева погрузилась в свои мысли и страхи, предоставив меня моим собственным переживаниям...

Наконец вдалеке что-то блеснуло – солнце отразилось от французского щита? Точно! Вот полыхнуло еще и еще раз, и почти мгновенно горизонт озарился светом. Сияющая кайма скатывалась в нашу долину, словно растянутое ожерелье, каждая бусина которого переливалась в солнечных лучах.

Впереди шествовала стройная и идеально ровная шеренга придворных. Но вот они расступились, оставив в центре изрядную брешь. И в глубине этого зеленого просвета появилась сверкающая фигура – словно Моисей, проходящий по дну Красного моря.

К нам приближался Франциск, его великолепный жеребец вышагивал с крайней важностью и осмотрительностью, а самого седока, казалось, совершенно не волновало, куда везет его лошадь. Разок она остановилась, приняв угощение из рук ребенка, а всадник, непринужденно подавшись вперед, похлопал ее по шее. Хорошенькое поведение перед встречей с другим королем! Я почувствовал, как во мне нарастают гнев и... обида.

И вот вальяжный француз лениво повернул коня (будто раздумывал, не пора ли спешиться и перекусить на травке!) и с величественным видом продолжил путь оговоренным курсом, устремив взор в мою сторону. Я поступил так же. Сопровождающие замерли за нашими спинами.

Мы с Франциском медленно ехали навстречу друг другу под пристальным наблюдением тысяч глаз. Я напряженно следил за приближением французского короля. Между нами оставалось каких-то десять шагов, и я уже отлично видел все детали его чертовски замысловатого наряда – король явно переусердствовал с кружевами и драгоценностями. Мы обменялись церемонными взглядами. Потом он вдруг на редкость изящно соскочил с лошади. Только что он восседал в седле, а через мгновение уже решительно шагал ко мне, радушно раскинув руки. Я тоже, спешившись, направился к нему и обнял его со всей сердечностью, какая только может быть между незнакомцами. Я ощутил, как силен мой визави. Затем мы отступили на шаг друг от друга. Так я впервые встретился с Франциском лицом к лицу.

«Да он вовсе не красив» – таково было мое первое впечатление. Я сразу заметил множество изъянов в его внешности и порадовавших меня, признаюсь, недостатков. Массивный длинный нос придавал Франциску сходство с хорьком. Но он был высок... вероятно, одного со мной роста.

– Брат! – произнес он, запечатлев поцелуй на моей щеке.

– Frère! – повторил я по-французски, тоже поцеловав его.

Мы разошлись на расстояние вытянутой руки. Франциск улыбнулся.

– Я счастлив приветствовать вас! – произнес он, сильно искажая английские слова, и внезапно вскричал: – Давайте же все обнимемся! Устроим грандиозное торжество любви!

Придворные спешили, и вскоре англичане перемешались с французами – хотя едва ли кто решился подтвердить взаиморасположение жаркими объятиями. Но между ними завязались разговоры, что само по себе уже было поразительным.

– Сегодня вечером вы будете ужинать у меня! – понизив голос, сказал Франциск на родном языке.

Его французский звучал гораздо приятнее английского. Он развернулся и, с гордостью обведя рукой разряженную толпу, воскликнул:

– Ах, если бы наши предки могли созерцать такую картину... и нашу дружескую встречу!

После этих напыщенных слов он сжал мою руку своими холодными пальцами, усыпанными перстнями.

Вечер я встретил в великолепном парчовом пиршественном зале в Ардре, сидя на королевском возвышении и снисходительно поглядывая на Франциска. Он был мальчишкой, слишком нетерпеливым и страстным. Что-то в его натуре совершенно не вязалось с королевским достоинством. Очень жаль, что Людовик не подарил Марии сына. Ведь царственность проявляется в ребенке с его первым вздохом, а Франциск подлинным величием не обладал.

И тем не менее он носил французскую корону.

Вновь и вновь я, невольно наблюдая за ним, отмечал нелепые, на мой взгляд, чулки, головной убор, выражение лица.

Король Франции.

Его христианнейшее величество.

Неужели именно он сражался при Мариньяно, завоевал Милан и уничтожил двадцать тысяч швейцарских наемников?

Рядом с ним сидела королева Клотильда, под ее платьем округлился живот. Она была на восьмом месяце. И уже родила Франциску двоих сыновей.

Я повернул голову направо и взглянул на жену. Екатерина закусила губу, – видно, ее мучила боль в суставах. Однако она мужественно терпела ее.

– Ах! Вот и сюрприз! – воскликнул Франциск, увидев, что слуги внесли блюда, на которых высились желтовато-зеленые пирамиды.

К нам приближался чопорный дворецкий с золотым подносом, полным искусно выложенных фруктов. Почтительно преклонив колени, он предложил нам угощение.

– *La Reine Claude!*⁵⁰ – объявил Франциск, взяв плод с вершины пирамиды и церемонно положив его на мою тарелку. – Сей королевский фрукт, выведенный садовниками во дворце Блуа, навеки прославит мою возлюбленную королеву, – провозгласил он.

Для вкушения сего деликатеса подали изящные приборы – вилку и нож с перламутровыми ручками, – а также вазочку взбитых сливок.

Плод оказался сочным, спелым и сладким, с легкой пикантной кислинкой.

– Он подобен моей супруге, – заметил Франциск, когда я похвалил вкус лакомства.

Английский Франциска никуда не годился, поэтому мы беседовали исключительно по-французски.

– Вам надо вывести особый фрукт или цветок в честь вашей прекрасной королевы, – добавил он.

Сплошная фальшь, как ясно показало его последнее, далекое от галантности замечание о Екатерине!

⁵⁰ Королева Клотильда (*фр.*).

Вокруг нас за длинными, поставленными на козлы столами сидели французы и англичане попеременно. Таков был приказ. На балу дамы и кавалеры также будут танцевать смешанными парами. Разговоры в зале велись с видимым оживлением.

– Насколько я понял, вы непревзойденный танцор, – сказал Франциск. – Это, должно быть, английский талант. Ибо прекрасные дамы, оставшиеся при моем дворе после спешного отъезда овдовевшей королевы... ах, танцуют так искусно, словно всю жизнь только этим и занимались!

После тайного бегства Марии с Брэндоном малая часть ее свиты действительно осталась во Франции. Но какое нам, королям, дело до ничтожных слуг!

– Какие мелодии вы предпочитаете? – настойчиво спросил он. – Я отдам распоряжения моим музыкантам.

– Я танцую все, что угодно. Совершенно не важно, с чего мы начнем.

– Монарх, позволяющий себе все, что угодно! – воскликнул Франциск. – Как это удивительно и приятно!

Когда столы опустели, в дальнем конце зала начали собираться музыканты. Их было не так много, как в английском ансамбле, но я надеялся, что они умеют прилично играть.

Первый танец в испанских ритмах Альгамбры предстояло вести нам с Екатериной. Она по-прежнему легко танцевала под те мелодии, что помнила с детства.

Общество почтительно встретило наше исполнение аплодисментами. В свою очередь, Франциск и его королева исполнили медленную величавую павану.

После чего Клотильда и Екатерина могли отдохнуть, а мы с Франциском, отдав дань уважения нашим женам, продолжали танцевать с другими дамами.

Франциск подвел ко мне одну красотку. Я уже раньше заметил ее и обратился к ней по-французски, но он остановил меня.

– Mon frère, она же ваша подданная. – Он легко коснулся ее обнаженной руки. – Натуральная англичанка. Мария Болейн.

Леди отвесила мне поклон. Мне помнится платье цвета майской зелени, которое подчеркивало изящные очертания ее плеч и груди. А волосы отливали тем золотисто-медовым оттенком, что всегда приводил меня в восторг, – ткань ли то была, локоны красавицы или льющийся в комнату поток солнечного света. Откуда, интересно, узнал о моей слабости Франциск?

– Англичанка, добровольно заплывшая в сети французского двора? – пробормотал я себе под нос и пригласил Марию на танец.

В отличие от наших придворных дам она следила за каждым моим движением. Столь пристальное внимание раздражало и одновременно очаровывало меня.

– Много ли английских подданных осталось здесь? – спросил я.

– Не много, – ответила она. – Одна из них – моя сестра Анна.

Я огляделся, изображая заинтересованность. Здесь, во Франции, как я уже понял, не задавали прямых вопросов и уклонялись от однозначных ответов.

– Анна слишком юна для такого бала. Она еще не научилась делать прически. Маленькая дикарка, как говорит наш отец.

– Может, Франция укротит ее нрав.

– На это он и надеется. По правде говоря, Франция не укрощает, но придает дерзкой смелости своеобразную утонченность.

Какой прозрачный намек!

– Что ж, вернувшись в Англию, мы найдем утешение в вашем обществе.

Я произнес всего одно предложение. Все вышло намного проще, чем с неискушенной в романах Бесси.

– Как вам угодно, – ответила Мария, спокойно взглянув на меня.

Она не пыталась заинтересовать меня.

И это распалило меня еще больше. Пожалуй, здесь она стала искусной куртизанкой.

И я не ошибался, ибо хорошо изучил этот тип женщин. А искусство моей партнерши Франциск, очевидно, отшлифовал до идеального блеска. Неужели он наслаждался с ней любовными играми? Чему, интересно, он научил ее?

После случая с Бесси я решил не увлекаться женщинами. Но каковы могут быть отношения с опытной куртизанкой? Наверняка это нечто иное.

Право, воздержание утомительно. Послушное исполнение супружеского долга ничего не меняло и уж точно не избавляло от беспокойства. Поскольку совершенно не утоляло моей страсти. И в этом Мария как раз могла помочь мне.

В палаточном городе, окружавшем мой дворец в Гине, давно наступила ночь. Некоторые палатки, словно светлячки, озарялись таинственным сиянием: пламя свечей просвечивало сквозь золотистые парчовые полотнища. Постепенно огоньки угасали и растворялись во мраке.

Поддавшись внезапному порыву, я спешил и отпустил камергера, который ждал меня, чтобы проводить в спальню покои. Мне захотелось прогуляться в одиночестве и подышать ночной прохладой.

Как нежна июньская ночь во Франции! В пряном воздухе разлита чувственная истома, легкий ветерок напоминает свежее дыхание девственницы, уже вошедшей в возраст и оттого особенно манящей. Так спелый плод, который слишком долго провисел на ветке, источает аромат, привлекающий ос. Я глубоко вздохнул; приходится признать, что у нас в Англии не бывает таких чудных ночей.

Факелы горели только вокруг дворца. Я прошел по краю освещенной площадки и углубился в полосу мрака, отделявшую дворец от палаток придворных. Теплый ветерок сбросил шляпу с моей головы. Я направился за ней, но ее уносило все дальше во тьму, по прихоти ветра она кружилась и переворачивалась. Белый плюмаж мелькал, словно игривый блуждающий огонек. Этот черный призрак с белой каймой навеял смутные воспоминания, не слишком неприятные... но какие? Я перебрал памятные образы, но не нашел среди них ничего тревожного.

Ветер заметно усилился и начал срывать с меня плащ, точно нетерпеливая любовница. Я задумался о Франциске и нашей сегодняшней встрече. Внешность этого француза оправдала мои ожидания, чего нельзя сказать о его манерах. Казалось, он высмеивал все подряд и наслаждался, поражая окружающих своими выходками, не подобающими королю. Он был напрочь лишен монаршего достоинства, несмотря на все его титулы и военные победы.

Военные победы... война. Когда-то я сражался здесь против Франции. Нашего исконного врага. Французские бризы веяли нежностью, а яблоки радовали сочностью, особенно в этой местности. А ведь их наливной спелости могли радоваться сами французы...

Я провалился в сон, словно одурманенный вином, может, и впрямь опьянел от ночного воздуха. Или туманные образы, которые я силился, но не мог воскресить в памяти, стали причиной тяжелого забытья... На следующее утро я проснулся поздно, солнце заливало лежавший возле кровати яркий шелковый ковер с красно-синими узорами. Вдруг раздалось тихое металлическое постукивание, и из-за откинутого бархатного балдахина на меня уставился король Франции. По губам его блуждала сардоническая усмешка.

– Я пришел сыграть роль вашего камердинера. Мне хочется послужить вам, – заявил он, отвесив низкий поклон.

Где же камергеры? Как удалось Франциску проникнуть в мою спальню? Как он посмел ворваться сюда? Франциск застал меня в самом уязвимом положении, и с этого момента я решительно невзлюбил его, впрочем он и раньше не вызывал у меня симпатии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.